

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

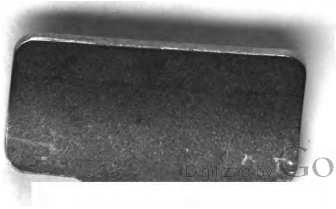
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Копеевский, V.

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНИЯ
ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ
РОССІИ.

СОСТАВИЛЪ
В. Е. Романовскій,
преподаватель Тифлисской 3-ей мужской гимназіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія *одобрено*
для ученическихъ библиотекъ старшаго возраста средне-учебныхъ
заведеній.

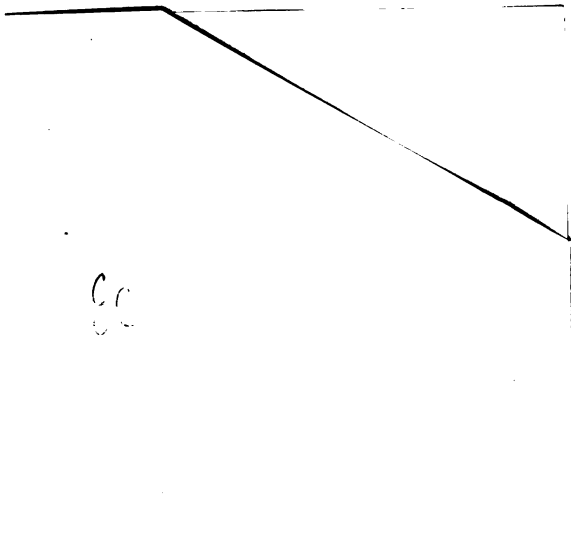
ТИФЛИСЬ.

Типографія Канц. Главнонач. гражд. ч. на Кавказѣ, Лор.-Мелик. ул., д. каз.

1897.

Напечатано по распоряженію Попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа.

JN 6524
R 65

cc

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго изданія—дать ученикамъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній возможность, въ доступномъ ихъ возрасту изложеніи, ознакомиться съ отечественными государственными учрежденіями, какъ нынѣ дѣйствующими, такъ и дѣйствовавшими въ прежнее время. Книга предназначается для домашняго чтенія учениковъ.

Смѣемъ думать, что и г.г. преподаватели исторіи могутъ ею пользоваться для разъясненія на урокахъ различныхъ вопросовъ по русскому государственному праву, затронутыхъ въ учебникѣ. Для удобства и учениковъ и г.г. преподавателей мы снабдили каждую главу этой книги „вопросами для усвоенія прочитаннаго“.

Трудъ нашъ является первымъ опытомъ введенія въ школьное изученіе исторіи вопросовъ касающихся отечественнаго государственнаго права, съ развитіемъ котораго, по нашему мнѣнію, хотя бы посредствомъ домашняго чтенія, необходимо познакомить cadaго русскаго юношу, вступающаго въ жизнь.

Въ нашемъ трудѣ найдутся, конечно, погрѣшности, которыя, надѣемся, критика обстоятельно укажетъ.

Составитель.

Тифлисъ.

22 сентября 1897 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
Верховная власть	1
Государственный Совѣтъ.	69
Сенатъ.	87
Синодъ.	111
Приказы.	141
Коллегіи.	157
Министерства.	174
Комитетъ Министровъ и Совѣтъ Министровъ.	186
Боярская Дума	193
Земскіе Соборы	210

I.

Верховная власть.

Постепенное развитіе единодержавія и самодержавія въ Россіи до Петра Великаго.

Власть управленія во всемъ ея про- странствѣ принадлежитъ Государю. Въ управленіи верховномъ власть Его дѣйствуетъ непосредственно; въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется отъ Него мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ Его именемъ и по Его повелѣнію.

Сводъ зак. т. I ст. 80.

До половины IX в. славяне, разбросанные по нынѣшней Европейской Россіи, жили отдѣльными племенами, подъ управленіемъ отдѣльныхъ властей, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, давшихъ по сказанію Несторовой лѣтописи, имена народамъ, ихъ населявшимъ. Въ половинѣ IX в. совершается важное событіе: славяне прильменскіе соединяются съ со- сѣдными племенами и призываютъ варяжскихъ князей, кото- рые раньше брали съ нихъ дань, но были изгнаны. „Изгна- ша варяги за море,—говоритъ лѣтописецъ,—и не даша имъ дани, и почаша сами въ себѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву“... Призванная власть вскорѣ выказываетъ великую силу и мало- по-малу соединяетъ въ единый союзъ всѣ племена русскихъ

Славянь, подь общимъ именемъ русскихъ людей, и всѣ ихъ земли въ единую землю—Русь. Этимъ событіемъ опредѣляется весь дальнѣйшій ходъ нашей исторіи. Но до сихъ поръ остаются нерѣшенными два главныхъ вопроса: 1) къ какой національности принадлежали варяги? 2) Съ какою именно цѣлью они были призваны?

На сколько первый изъ этихъ вопросовъ запутанъ, видно изъ того, что нашъ историкъ Соловьевъ, пролившій своими изслѣдованіями свѣтъ на весьма многіе вопросы древнерусской исторіи, пришелъ даже къ заключенію, что „варяжскій вопросъ“ для науки не важенъ.

Точно также большое разногласіе между учеными мы встрѣчаемъ и по вопросу о томъ, съ какою именно цѣлью были призваны первые русскіе князья. Одни, какъ напр. Погодинъ, полагаютъ, что „единственная цѣль ихъ призванія—необходимость имѣть защитника, воеводу, а не правителя и судью“; другіе, какъ Костомаровъ, полагаютъ, что призваніе трехъ князей совершилось вслѣдствіе сознанія между союзными народами необходимости прочнаго союза и въ словахъ лѣтописи: „иже володѣлъ бы и судилъ по праву“ видятъ какой-то договоръ между народомъ и княземъ, изъ котораго произошло характерное для древней Руси двоевластіе, существованіе рядомъ другъ съ другомъ двухъ верховныхъ политическихъ силъ, земской, или вѣчевой, и княжеской. Иные, какъ Соловьевъ, считаютъ единственною цѣлью призванія князей желаніе имѣть безпристрастнаго посредника въ спорахъ, третейскаго судью. По нашему мнѣнію, взглядъ автора „Исторіи Россіи“ всего ближе подходитъ къ истинѣ, но и онъ одностороненъ. Вѣрнѣе предполагать, что призванный князь долженъ былъ явиться и судьей, и защитникомъ, и вообще верховнымъ правителемъ, хотя, вонечно, установленіе „наряда“ судить по праву слѣдуетъ разсматривать какъ главную (но не единственную) обязанность князя. Былъ

ли заключенъ какою либо договоръ съ первыми князьями, вродѣ тѣхъ „рядовъ“, которые заключались впоследствии новгородцами,—остается неизвѣстнымъ, такъ какъ для рѣшенія этого вопроса нѣтъ самаго главнаго: письменныхъ, документальныхъ извѣстій. Но какъ бы ни было, призванный князь сдѣлался на Руси верховнымъ правителемъ. Вскорѣ однако мы видимъ, что Русь распалась на части, на удѣлы или волости, князья которыхъ всѣ принадлежали къ одному княжескому роду.

Такъ было и въ другихъ славянскихъ земляхъ (*Пястовичи*—въ Польшѣ, *Пшемисловичи*—въ Чехіи, *Неманичи*—въ Сербіи и пр.). И повсюду въ этихъ земляхъ княжескій родъ смотрѣлъ на подвластную землю, какъ на свою *дѣдину* и *отчину*, равно какъ и всякій частный родъ считалъ свое родовое имѣніе дѣдиною и отчиною. Такою отчиною для Рюриковичей была вся Русская земля, сербскіе Неманичи называютъ Сербію своимъ „отчъствомъ“, у хорватовъ государство называется „дидиною“. Отсюда идутъ и названія князя: русское—„дѣдичъ“, „отчичъ“, литовско-русское—„господарь дѣдичный и отчинный“, чешское—„дѣдиць“ и польское—„дзедзиць“. Каждый членъ княжескаго рода имѣлъ право пользоваться родою отчиною и получать часть ея, „дѣль“, „удѣль“, „дѣдину“. Одинъ изъ членовъ княжескаго рода дѣлался великимъ княземъ. Установленіе старшинства для занятія великокняжескаго стола явилось одновременно на Руси и въ Чехіи (XI в.), въ Польшѣ немного позднѣе (XII в.).

Итакъ порядки, существовавшіе на Руси въ первоначальномъ періодѣ ея исторіи, были общи всему славянству.

Общимъ родоначальникомъ почти всѣхъ линій княжескаго рода на Руси былъ Ярославъ I (1015—1054 г.). Ему и принадлежитъ установленіе тѣхъ отношеній, которыя господствовали между князьями и между ними и старшимъ княземъ въ удѣльный періодъ (1054—1237 г.). Отношенія эти

первоначально были не государственныя, а чисто родственныя. Иначе говоря: младшихъ, удѣльныхъ князей не слѣдуетъ разсматривать, какъ владѣльцевъ, подчиненныхъ старшему, а старшаго, какъ государя всей страны (какъ это было на западѣ при феодальной системѣ). Такой государственной связи, государственной подчиненности у насъ не существовало. Ярославъ Мудрый, умирая, говорилъ: „свой столъ-Кіевъ поручаю вмѣсто себя сыну моему и брату вашему Изяславу: слушайте его, какъ меня слушались, *пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня*“... Такимъ образомъ старшій, великій князь былъ не государемъ всей страны, а старшимъ въ родѣ, названнымъ отцемъ осиротѣвшаго рода, и право занимать великокняжескій столъ поэтому не составляло исключительнаго права его и его потомства. Великимъ княземъ долженъ былъ быть именно старшій въ родѣ. Слѣдовательно, каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получать старшинство и старшинство это не должно было оставаться исключительно въ одной какой либо линіи княжескаго рода. Словомъ, родъ князей русскихъ, при всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, представлялъ одну семью,—отца съ дѣтьми, внуками и пр. Основаніемъ старшинства въ этой семьѣ было старшинство физическое, причемъ дядя имѣлъ преимущество предъ племянникомъ, старшій братъ предъ младшими, тестъ предъ зятемъ, мужъ старшей сестры предъ младшими шурьями, старшій шуринъ предъ младшими зятьями и т. д. На практикѣ, конечно, часто бывало иначе (усобицы), но мы говоримъ о той нормѣ, къ которой должны были приноровляться члены княжескаго рода, о тѣхъ устояхъ, на которыхъ покоилась удѣльная система и которые всегда признавались лучшими представителями княжескаго рода. По словамъ летописца, послѣ своей предсмертной рѣчи ко всѣмъ сыновьямъ, Ярославъ обратился къ третьему, Всеволоду съ такими словами: „сыну мой, слава тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость и

радуюся, яко ты покоиши старость мою; аще ти подасть Богъ пріяти власть стола моего, *по братѣи своей, съ правдою, а не съ насиліемъ*, то егда Богъ отведеть тя отъ житія сего, да ляжеша, гдѣже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братья твоее“.

Слова эти, влагаемая лѣтописцемъ въ уста основателя удѣльной системы, краснорѣчиво говорятъ объ обычномъ наслѣдованіи великокняжескаго стола. Такъ, по словамъ лѣтописца, Владиміръ Мономахъ, по смерти отца своего Всеволода, „нача размышляти, река: аще сяду на столѣ отца моего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, *яко есть столъ прежде отъ отца его былъ*“; поразмысливши, онъ уступилъ старшинство законному преемнику, Святополку II. Въ данномъ случаѣ Мономахъ рассуждалъ такъ же, какъ въ началѣ того же столѣтія св. Борисъ, который на предложеніе своей дружины идти на Кіевъ, для отнятія отцовскаго стола у Святополка I, отвѣчалъ многозначительною фразою: „не буди ми възнати руки на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то Святополкъ буди ми въ отца мѣсто“.

Итакъ, по обычаю старшинство принадлежало старѣйшему въ родѣ. Но каждый членъ княжескаго рода *могъ* достигнуть старшинства и соединеннаго съ нимъ кіевскаго стола, находившагося въ общемъ родовомъ владѣніи. Обычай требовалъ при этомъ передвиженія всѣхъ членовъ рода изъ одной волости въ другую, этого приближенія каждаго князя къ кіевскому столу, къ старшинству, или, какъ тогда говорили, *лѣстичнаго восхожденія*. Такъ, когда умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ Смоленскій, то смоленская волость перешла не къ сыновьямъ его, а къ слѣдующему за нимъ по старшинству брату, къ пятому сыну Ярослава, Игорю, княжившему прежде на Волыни.

Когда Святославъ овладѣлъ кіевскимъ столомъ (изгнавъ въ 1083 г. Изяслава), то его Черниговская волость перешла

во владѣніе въ слѣдующему за нимъ по старшинству брату, Всеволоду, отцу Мономаха, княжившему до этого въ Переяславль.

Такимъ образомъ, отношенія между русскими князьями удѣльнаго періода характеризуются чертами родового быта.

Обычныя отношенія между князьями-родичами нарушались часто, и проявленіемъ этихъ нарушеній обычая были усобицы; но самый обычай долго существовалъ и на него во время усобицъ часто ссылались.

Такъ называемая удѣльная система,—какъ система, а не случайное явленіе,—существовала съ Ярослава, но происхожденіе ея нельзя приписывать исключительно одной его волѣ, его прихоти. Сама жизнь участвовала въ ея созданіи. Иначе говоря, удѣльный порядокъ вытекаетъ изъ сущности положенія, въ которомъ находились племена, составившія потомъ русское государство. Чтобы соединить разбѣянные, раздробленные племена, именно и нужно было, чтобы у всѣхъ этихъ племенъ были начальниками люди, родственные между собою. Совершалось же это постепенно. Сперва политическая власть кіевскихъ князей выражалась только тѣмъ, что они собирали дань съ подчиненныхъ. Дальнѣйшимъ шагомъ къ болѣе прочному единству и связи между землями было размѣщеніе сыновей кіевского князя и затѣмъ вообще членовъ княжескаго рода въ разныхъ земляхъ, и когда, послѣ принятія христіанства, вмѣстѣ съ одною вѣрою входилъ въ Русь и единый письменный языкъ и одинакія нравственныя, политическія и юридическія понятія, эти князья,—пребывавшіе въ различныхъ земляхъ, происходя изъ одинакаго княжескаго рода, сохраняя болѣе или менѣе одинакія понятія, привычки, преданія, воззрѣнія, руководимые при этомъ единою церковью,—своимъ управленіемъ способствовали распространенію такихъ свойствъ и признаковъ, которые были одинаковы во всѣхъ земляхъ и, слѣдовательно, вели ихъ къ единенію меж-

ду собою. Такимъ образомъ удѣльная система была первымъ средствомъ къ объединенію отдѣльныхъ племенъ. Этому объединенію, по пословицѣ „нѣтъ худа безъ добра“, въ нѣкоторой степени способствовали и княжескія усобицы, содѣйствовавшія знакомству частей между собою. Безъ нихъ сообщенія между родственными племенами были бы рѣже. Вспомнимъ, на примѣръ, упорную борьбу суздальскихъ князей съ кievскими въ половинѣ XII в. Едва ли могло бы побывать по какому либо мирному поводу столько суздальцевъ въ Кіевѣ. Всякій, возвращаясь домой, рассказывалъ о далекой землѣ и изъ рода въ родъ, въ семейныхъ преданіяхъ, укоренялась привычка считать населеніе отдаленнаго края родственнымъ своему.

Мы уже сказали, что отношенія между князьями удѣльнаго періода характеризуются чертами родового быта. Разсмотримъ ихъ подробнѣе. Всѣ младшіе, „удѣльные“ князья слушаются старшаго; они обязаны оказывать ему глубокое уваженіе и покорность, „ходить въ его послушаніи“, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велитъ. Но все это продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока старшій, „великій“ князь обращается съ младшими, „удѣльными“, какъ отецъ съ дѣтьми. Если же младшіе князья замѣчаютъ, что старшій хочетъ дѣйствовать не по обычаю, а по своему произволу, тогда они прибѣгаютъ къ открытому сопротивленію, къ войнѣ. Хорошо характеризуетъ эти отношенія слѣдующій случай, записанный въ лѣтописи. Однажды старшій князь, раздраженный непослушаніемъ младшихъ, приказалъ имъ выѣхать изъ волостей. Тѣ ему отвѣчали: „ты насъ гонишь изъ русской земли безъ нашей вины... Мы до сихъ поръ чтимъ тебя, какъ отца, по любви, но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ за всѣми“. Это—самое краснорѣчивое подтвержденіе

деніе того, что между князьями отношенія были не государственныя, а чисто родственныя. Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родителей, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавать волости; но все это дѣлалось не по произволу: старшій князь ничего важнаго не предпринималъ безъ совѣта съ младшими, по крайней мѣрѣ съ ближайшими по старшинству. Обыкновенно старшій князь, по занятіи главнаго стола, дѣлалъ *рядъ* съ младшими братьями относительно распределе- нія волостей. Князья собирались также думать вмѣстѣ о земскихъ уставахъ, сообща опредѣляли извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Отсюда—*сѣзды* князей, на которыхъ иногда присутствовали и старѣйшіе дружинники. На одномъ изъ такихъ сѣздовъ нѣсколько измѣнена была и Правда Ярослава. Припомнимъ еще сѣзды: Любецкій (1097 г.), Витичевскій (1100 г.), имѣвшіе цѣлью уладить испортившіяся отношенія между князьями, и сѣздъ близъ Кіева въ 1111 г., когда по предложенію Владиміра Мономаха („надобно намъ сѣхаться вмѣстѣ и подумать съ дружиною“) рѣшенъ былъ знаменитый походъ на половцевъ. Иногда на этихъ сѣздахъ участвовали: духовенство, бояре, даже горожане *). Но сѣзды князей не должны быть разсматриваемы, какъ постоянныя учрежденія. Обыкновенно сѣзды собирались только въ крайне затруднительныхъ случаяхъ и носили характеръ семейныхъ совѣтовъ.

Итакъ, при родовыхъ отношеніяхъ младшіе князья же-

*) На участіе послѣднихъ (вѣроятно, чрезъ своихъ „старцевъ градскихъ“) въ нѣкоторыхъ сѣздахъ указываетъ заглавіе статей Русской Правды, начиная съ 18-й (по акад. сл.): „Правда оуставлена роуькой земли, егда ся съвкупишъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, *Микифоръ Кьянинъ* и Чюдинъ Микула“. Имена: Коснячко, Перенѣгъ прямо указываютъ на дружинниковъ; постановка же слова Кьянинъ при имени Микифора указываетъ на то, что овъ былъ, какъ, вѣроятно, и Микула, почетный представитель Кіевского населенія, одинъ изъ его „старцевъ градскихъ“.

дали быть названными сыновьями старшаго, но отнюдь не подручниками его, что и выражалось въ томъ, что они, во-первыхъ, не платили ему дани и, во-вторыхъ, были самостоятельными правителями своихъ волостей. Они подносили ему только дары, имѣвшіе характеръ не обязательной дани, а подношеній въ знакъ уваженія къ нему, какъ къ старшему родичу. Они не допускали и никакого государственнаго подчиненія своихъ волостей старшему въ родѣ князю. Всѣ эти волости, на которыя распадалась русская земля удѣльнаго періода, находятся въ совершенной независимости одна отъ другой и отъ Кіева; онѣ являются отдѣльными землями и въ то же время составляютъ одно нераздѣльное цѣлое вслѣдствіе того, что всѣ князья—члены одного рода, что всѣ они считаютъ всю русскую землю своею отчиною, своею нераздѣльною родовою собственностью. При этомъ однако необходимо замѣтить, что и въ такъ называемую 1-ю половину удѣльнаго періода (1054—1157 г.) мы замѣчаемъ довольно опредѣленные стремленія великихъ князей поставить свою волю, свою власть выше того положенія, которое она должна была занимать по возрѣніямъ родового быта.

Во-первыхъ, уже со времени Владиміра Мономаха замѣчается стремленіе великаго князя оставить старшинство за своею линіей, за своимъ потомствомъ. Вступленіе самого Мономаха на великокняжескій столъ, хотя онъ и не былъ старшимъ въ родѣ, достаточно оправдывается тѣмъ, что его соперники—Святославичи лишались законныхъ своихъ правъ вслѣдствіе незаконнаго захвата старшинства ихъ отцемъ Святославомъ; но что Мономахъ „посади Мстислава сына своего по себѣ въ Кіевѣ“, это одними симпатіями народа къ линіи Мономаховичей не можетъ быть объяснено; это обстоятельство является проявленіемъ новыхъ возрѣній на власть великаго князя и обнаруживаетъ начавшееся паденіе родовыхъ отношеній между русскими князьями.

Во-вторых, съ Мономаха же мы замѣчаемъ стремленіе великихъ князей обращаться съ удѣльными именно какъ со своими подручными и распредѣлять между ними волости по собственному произволу, а не по „ряду“ съ ними. Такъ, самъ Мономахъ, занимая кievскій столъ, начинаетъ распоряжаться русскими волостями, какъ самовластный государь: въ Переяславлѣ сажаетъ сына своего Святослава, въ Смоленскѣ Вячеслава, по смерти перваго переводитъ на его мѣсто Ярополка, усмиряетъ и наказываетъ за неповиновеніе Глѣба, въ нѣкоторыхъ волостяхъ сажаетъ своихъ посадниковъ, смиряетъ и наказываетъ за непослушаніе племянника Ярослава, приказывая ему являться къ себѣ, „когда ты позову“, прогоняетъ Ярослава изъ Владиміра и переводитъ на его мѣсто Глѣба, но вскорѣ выводитъ оттуда и Глѣба и на его мѣсто сажаетъ сына своего Романа, а послѣ его смерти посылаетъ туда другого сына Андрея, отнимаетъ у Глѣба княженіе и приводитъ его въ Кіевъ, гдѣ тотъ и остается до конца своей жизни.

Это стремленіе къ самовластію, къ единой державію, дѣлается господствующимъ въ потомствѣ Мономаха. Сынъ его Мстиславъ распоряжается съ ослушниками его воли подобно отцу и даже строже его. Такъ, въ 1130 г., говоритъ лѣтописецъ, онъ изгоняетъ кривскихъ князей: Давида, Ростислава, Святослава, и двухъ полоцкихъ князей, съ ихъ женами и дѣтьми, въ Грецію за то, что они „преступили присягу князю“, „за не бяхуть въ его воли и не слушахуть его“.

Эти два стремленія: 1) *установитъ старшинство въ одной линіи* и 2) *обратить удѣльных князей въ „подручниковъ“* великаго князя, составляютъ, какъ мы увидимъ, главный мотивъ въ дѣятельности главнаго представителя второй половины удѣльнаго періода (1157—1237), Андрея Боголюбскаго, съ прибавкою еще 3) *стремленія избавиться отъ влія-*

нія бояръ-думцевъ. Но прежде чѣмъ перейти ко 2-му періоду, остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ относительно положенія древнерусскаго князя въ управляемой имъ волости.

Каждому князю въ его волости принадлежали: *управленіе, судъ, дань.* Князья были призваны, главнымъ образомъ, для порядка, для правды; въ этомъ и заключалось, хотя и не единственное, но главное ихъ значеніе. Поэтому одну изъ главнѣйшихъ заботъ князя составлялъ *уставъ земскій*, о которомъ онъ думалъ со своею дружиною и старцами градскими, а послѣ принятія христіанства и съ епископами. Ему принадлежало право изданія судебныхъ уставовъ. Такъ, Ярославъ I создаетъ Русскую Правду, а сыновья его „накы совкупишася и отложиша убіеніе за голову“, т. е. отмѣнили кровную месть и замѣнили ее вирою. Владиміръ Мономахъ „по Святополцѣ созва дружину свою въ Берестовѣмъ“ и установилъ законы о рѣзѣ, т. е. о процентахъ, и нѣкоторые другіе. Князю принадлежить судъ и расправа; и насколько народъ привыкъ уже видѣть въ этомъ главное его назначеніе, видно изъ того, какъ лѣтописецъ (Лавр. подъ 1093 г.) объясняетъ злоупотребленія княжескихъ тиуновъ: „начаша тиуны грабити, людей продавати (т. е. разорять народъ несправедливыми судебными пенями; продажа=вира, судебный штрафъ), ему (кн. Всеволоду) *не вѣдуицю въ болъзняхъ своихъ*“.

Для суда надъ подданными, для ихъ „оправливанія“, какъ говоритъ въ своемъ поученіи Мономахъ, князья объѣзжали свою волость, что называлось *помудемъ*. Эту свою обязанность князь могъ передавать своимъ приближеннымъ, и даже слугамъ (тиунамъ), такъ же, какъ могъ передавать и другую обязанность, управленіе (посадникамъ, тысяцкимъ).

Доходы князя состояли главнымъ образомъ изъ *дани* *),

*) О количествѣ ея мы можемъ составитъ себѣ нѣкоторое представленіе по уставной грамотѣ смоленской епископіи, данной смоленскимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ въ 1150 г. т. е. около 100 лѣтъ спустя послѣ смерти Ярослава I. Изъ нея мы видимъ, что смоленское княжество доставляло своему

которую собиралъ или самъ онъ, или мужи его, посадники. Другими источниками для казны княжеской служили *пошлины торговли*, или таможенныя, какъ съ товаровъ, привозимыхъ въ ихъ волость, такъ и съ продаваемыхъ внутри ея (мытъ); *пошлины судныя* (виры и продажи), и, наконецъ, *доходы отъ земель*, составлявшихъ частную собственность князя. На этихъ земляхъ князя устраивали свои дворы, гдѣ складывалось всякаго рода ихъ добро. Значеніе этихъ земель для князя показываетъ ихъ общее названіе *жизнь*. Такъ, Святославъ Ольговичъ говоритъ Давидовичамъ: „братя, землю вы мою повоевали, стада мои и братнія взяли, жито пожгли и всю жизнь погубили!“ Или, напр., Изяславъ Мстиславичъ говоритъ дружинѣ своей о черниговскихъ князьяхъ: „вотъ мы сѣла ихъ пожгли всѣ и жизнь ихъ всю, а они къ намъ не выходятъ; такъ пойдѣмъ къ Любечу, тамъ у нихъ вся жизнь“. Повидимому, большія стада составляли одно изъ главныхъ богатствъ княжескихъ. Это видно какъ изъ приведенныхъ словъ Святослава Ольговича, такъ и изъ того, что Изяславъ однажды взыскалъ за убійство своего пастуха двойную виру въ 80 гривенъ вунъ *).

Такимъ образомъ, и въ Кіевской Руси мы видимъ проявленія хозяйственныхъ наклонностей князя, его желаніе сѣсть на землю и заняться хозяйствомъ; но этому мѣшали „поганые“: сначала печенѣги, потомъ съ XI в. (съ 1068 г.) половцы, наконецъ съ XIII в. татары, разгромившіе южную Русь, разрушившіе „мать городовъ русскихъ“ — Кіевъ. Естественнымъ образомъ въ характерѣ южнорусскаго князя должно было проявиться стремленіе къ торговлѣ. Вопросъ о доходности волостей игралъ большую роль въ исторіи княжескихъ усобицъ. Такъ, отнимая у Давида Игоревича землю Волинскую и ограничивая его Дорогобужемъ, князья дали ему вознагражденіе за потерю доходной волости: Мономахъ—200 гривенъ и Святославичи (Олеги и Давидъ) по 200 же гривенъ. Подробности о доходахъ князя всѣхъ категорій см. у *Бяляева* (Лекц. по ист. Рус. Законод. стр. 151—158).

*) См. Русская Правда.

жень былъ преобладать элементъ военный. До XIII в. князь, такъ сказать, былъ *военнымъ сторожемъ и подвижнымъ вѣстникомъ всей русской земли* *). Съ XIII в., когда южная Русь, разгромленная татарами и другими „погаными“, утратила прежнее значеніе для князя, когда запутанность княжескихъ счетовъ изъ-за волостей стала совершенно неразрѣшимой, когда и самая связь Кіева съ другими волостями порвалась и значительная часть приднѣпровскаго населенія ушла въ другіе края Руси,—понятіе о единой русской землѣ на время затемнилось и вмѣстѣ съ тѣмъ становится замѣтнѣе и взаимное отчужденіе князей, каждый изъ которыхъ теперь все болѣе и болѣе привыкаетъ дѣйствовать особнякомъ. Княжескіе съѣзды, поддерживавшіе единство княжескаго рода, частые въ XII, XIII и XIV вв., становятся очень рѣдки и теряютъ свой прежній характеръ, превращаясь въ собранія „подручныхъ“ удѣльныхъ князей, повелительно созываемыхъ великимъ княземъ. Князь того или другого удѣла все болѣе и болѣе уединяется въ своей отчинѣ, переставая чувствовать себя звеномъ въ родственной цѣпи князей, какъ бы кольцомъ облегавшей всю русскую землю. Русская земля разбивается на отдѣльныя области, на отдѣльныя княжества со своими великими и удѣльными князьями. Одновременно съ этимъ и княжеское удѣльное владѣніе приближается къ простому частному землевладѣнію. Князь въ своемъ удѣлѣ, строго говоря, перестаетъ быть правителемъ и обращается во владѣльца; его княженіе становится для него хозяйствомъ. Онъ считаетъ себя собственникомъ всей территоріи княжества, но только этой территоріи, со всѣми ея хозяйственными угодами. Люди, юридически свободныя лица, не входили еще въ составъ этой собственности. Князь не видѣлъ въ нихъ своихъ подданныхъ въ нашемъ смыслѣ этого слова и понятіе о государѣ, какъ мы понимаемъ его, было ему чуждо. По-

*) Определеніе это принадлежитъ проф. *Ключевскому* („Боярская Дума“).

рядомъ очередного владѣнія волостью нарушается. Смотря на свой удѣлъ, какъ на полную свою собственность, князь XIII и XIV в.в., не имѣя ближайшихъ наслѣдниковъ, передаетъ его или цѣликомъ, или часть его по завѣщанію князю-сосѣду, женѣ, или даже дочери. Такимъ образомъ сѣверно-русскій князь обращается въ *вотчинника*, въ князя-земле-владѣльца. При этомъ однако онъ не теряетъ политической власти надъ своимъ удѣломъ. Съ обычными правами собственника онъ соединяетъ и права, впоследствии отдѣлившіяся и вошедшія въ составъ верховной власти: право суда, войны, налоговъ и проч. Но это нисколько не измѣняло значенія князя, какъ земельного собственника удѣла, какое онъ себѣ усвоилъ: его верховныя политическія права такъ сливались съ владѣльческими, что и сами разсматривались какъ статьи поземельнаго хозяйства. Князь и поступалъ съ ними какъ съ таковыми: дробилъ ихъ, отдавалъ въ частное пользованіе цѣликомъ, или частями. Часто онъ вмѣстѣ съ правомъ собственности на землю въ своемъ удѣлѣ уступалъ владѣльцу и свои государственныя права въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, превращая его такимъ образомъ въ свое административное орудіе. Обыкновенно при такой передачѣ онъ удерживалъ за собою дань и судъ по важнѣйшимъ (т. е. доходнѣйшимъ) преступленіямъ. Такимъ образомъ владѣніе удѣломъ въ с.-восточной Руси было раздѣлено между княземъ и другими вотчинниками, отъ которыхъ князь отличался не какъ политическій владѣтель территоріи отъ гражданскихъ земле-владѣльцевъ, а какъ общій вотчинникъ удѣла отъ частныхъ, на земли которыхъ онъ имѣлъ нѣкоторыя вотчинныя, хозяйственныя права. Въ такомъ же положеніи находился князь и относительно всего населенія удѣла. Свободные обыватели, городскіе и сельскіе, каково бы ни было ихъ положеніе, были не подданными князя въ нашемъ смыслѣ этого слова, а скорѣе вольными арендаторами, снимавшими землю по

гражданскому договору у князя или у частныхъ землевладѣльцевъ. Политическая зависимость ихъ была послѣдствіемъ ихъ хозяйственной связи съ удѣльнымъ владѣльцемъ и преращалаась съ разрывомъ послѣдней, съ отказомъ ихъ отъ пользованія удѣльною землею. Такого значенія не имѣлъ князь кievской Руси XI—XIII в.в. и не могъ его имѣть, такъ какъ не былъ постояннымъ, наследственнымъ владѣтелемъ своей волости.

Главною причиною такого рѣзкаго различія между положеніемъ князя XI—XIII в.в. въ кievской Руси и положеніемъ его съ XIII в. въ Руси сѣверо-восточной послужило то обстоятельство, которое содѣйствовало самому образованію сѣверо-восточной Руси и появленію въ ней удѣльныхъ князей, именно *колонизація*, создавшая удобную почву для появленія удѣльныхъ князей-вотчинниковъ.

Въ данномъ случаѣ колонизація (какъ причина) дѣйствовала двоякимъ образомъ:

1) Благодаря ей образовавшіяся въ сѣверовосточной Руси *области были удалены отъ внѣшнихъ враговъ* и такимъ образомъ устранялся одинъ изъ главныхъ интересовъ, связывавшихъ князей между собою,—защита земли;

2) Въ отличіе отъ Руси приднѣпровской, торговой, Русь сѣверовосточная была страню земледѣльческою и промысловою по преимуществу и потому сравнительно бѣдною *).

*) Говоримъ „сравнительно“, потому что въ сущности природа ея, непочатая, возбуждала трудолюбіе жителей и иногда щедро его вознаграждала. Еще современникъ Василія III, *Герберштейнъ*, говоритъ, напр., о гор. Владиміръ: „Владиміръ расположенъ въ такой плодосной странѣ, что изъ одной мѣры пшеницы родится 20, а иногда и 30 мѣръ“ (*Записки о Московіи*, перев. Анонимова 1866 г. стр. 99). О Московской области онъ говоритъ, что „она не слишкомъ пространна и плодородна, ея плодородію препятствуетъ повсюду песчаная почва, губящая посѣвы то излишнею сухостью, то слишкомъ большою влажностью, къ чему присоединяется неутѣренная и черзчуръ жестокая суровость климата, отъ которой посѣвы иногда не доходятъ до зрѣлости“ (*ibid.* стр. 94). Но зато на ю.-в. отъ Москвы, говоритъ онъ, „тамъ, гдѣ находятся Коломна и Рязань, лежитъ очень плодосная область, въ которой одно зерно пше-

бая изъ областей ея не могла такъ привлекать къ себѣ князей изъ другихъ княжествъ, какъ это было въ богатомъ торговомъ Приднѣпровьи. Притомъ сравнительную экономическую стоимость каждой волости легко было опредѣлить въ южной Руси, гдѣ князья застали уже порядки, значительно опредѣлившіеся. Въ Руси же сѣверо-восточной этого сдѣлать нельзя было, такъ какъ благодаря неожиданнымъ приливамъ и отливамъ населенія, иногда самая, повидимому, незначительная волость быстро возрастала въ экономическомъ отношеніи, а болѣе выдающаяся падала. Кромѣ того, такая подвижность населенія и производимая ею измѣнчивость отношеній долго не позволяли установиться въ странѣ одному центру, ни политическому, ни экономическому, къ которому стремились бы всѣ князья, какъ въ Приднѣпровьи стремились они къ Киеву. Такимъ образомъ большинство князей сѣверо-восточной Руси предпочитало осѣдлость постоянному передвиженію.

Но самое главное, что привязывало почти каждого князя СВ. Руси къ его удѣлу, это—убѣжденіе каждого изъ нихъ въ томъ, что то или другое экономическое состояніе этого удѣла создано ими, есть дѣло рузеъ ихъ, результатъ ихъ дѣятельности. Каждый князь, правившій, напр., въ Суздальской землѣ, начиная съ Юрія Долгорукаго, повидаль свое владѣніе далеко не такимъ, какимъ заставлялъ его. Край, благодаря колонизаціи, оживалъ на его глазахъ: глухія дебри расчищались, пришлые люди селились на новяхъ, возникали промыслы, новые доходы прибывали въ княжескую казну. Главную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ народъ, но князь

ници, какъ говорятъ, приносятъ иногда два колоса и болѣе: ихъ стебли растутъ такъ густо, что лошади не могутъ проходить свободно черезъ поле, ни перепелы свободно вылетать оттуда. Меду, рыбы, птицъ, дикихъ звѣрей тамъ множество; народъ—самый смѣлый и воинственный“, т. е., значить, весьма предприимчивый (ibid. стр. 100).

Но эти естественныя богатства могли предоставить населенію большія выгоды, конечно, лишь при условіи упорнаго труда съ его стороны.

невольно приходилъ къ мысли, что развитіе края—исключительно его дѣло, результатъ его собственной предприимчивости. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ у него развивалась мысль о личной собственности на свой удѣлъ и нежеланіе покинуть созданіе рукъ своихъ. Разительный образецъ такого князя представляетъ Андрей Боголюбскій, не имѣвшій никакой охоты сѣсть на „златотканый столъ“ въ Кіевѣ и прожившій всю жизнь свою на сѣверѣ. По смерти отца своего Юрія Долгорукаго (1157 г.) онъ хвалился, что наполнилъ суздальскую землю городами и селами и сдѣлалъ ее многолюдною; онъ могъ сказать, что это они съ отцомъ создали Суздальскую землю и не имѣли поэтому охоты дѣлиться ею съ другими, вводить ее въ кругъ общаго родового владѣнія князей; онъ распорядился ею, какъ „самовластецъ“, по выраженію лѣтописца, т. е. не обращая вниманія на другихъ князей и на обычные порядки управленія...

Сдѣлавъ общую характеристику Руси сѣверовосточной и указавъ главные ея отличія отъ Руси кievской, мы обратимся теперь собственно къ княжеской власти, причемъ укажемъ главнѣйшіе моменты въ исторіи ея развитія и важнѣйшіе факты, характеризующіе отдѣльныхъ, выдающихся ея представителей.

Первымъ полнымъ выразителемъ характера сѣверовосточной Руси является, какъ мы уже сказали, Андрей Боголюбскій. Ему не жилось на безпокойномъ югѣ. Еще при жизни отца своего онъ ушелъ въ Ростовскую землю, гдѣ можно было жить спокойно, мирно заниматься правительственными и хозяйственными дѣлами посреди трудолюбиваго и покорнаго населенія, вдали отъ безконечныхъ княжескихъ распрей, отъ полоцкихъ набѣговъ и всѣхъ тревогъ южной Руси. Бросивъ свой удѣлъ Вышгородскій, онъ переселился въ прежній свой удѣлъ, въ г. Владиміръ на Клязьмѣ. Здѣсь онъ остался и по смерти отца, отдавая преимущество этому „приго-

роду“ передъ „старшими городами“ Ростовомъ и Суздалемъ. Новѣйшіе историки слѣдующимъ образомъ объясняютъ тѣ побужденія, которыми въ данномъ случаѣ руководился Андрей. Во-первыхъ, вѣчевые порядки, господствовавшіе въ Ростовѣ и Суздальѣ, и присутствіе въ нихъ сильнаго боярства стѣсняли князя, стремившагося къ водворенію въ своихъ владѣніяхъ полного самовластія. Во-вторыхъ, большое значеніе имѣло и географическое положеніе Владиміра (чего не могъ не замѣтить проницательный Андрей), изъ котораго, благодаря рр. Клязьмѣ и Огѣ удобнѣе было сноситься съ Кіевомъ и всею южною Русью, нежели изъ Суздаля, а тѣмъ болѣе изъ Ростова, стоявшаго въ сторонѣ отъ большихъ путей. Наконецъ должна была дѣйствовать въ данномъ случаѣ и сила привычки: Андрей Боголюбскій провелъ много лѣтъ въ своемъ прежнемъ удѣльномъ городѣ, много трудовъ положилъ на его обстройку и украшеніе, привязался къ нему и, естественно, не имѣлъ охоты съ нимъ разстаться. Что касается народа, то онъ съ свойственною ему простотою міросозерцанія объяснял все дѣло набожностью князя. Народная легенда говоритъ, что, уѣзжая изъ Вышгорода „безъ отней воли“ (т. е. вопреки желанію отца имѣть его близъ себя на югѣ), онъ взялъ съ собою образъ Богоматери, который, по преданію, принадлежалъ къ числу иконъ, написанныхъ евангелистомъ Лукою. По словамъ сѣверной легенды, князь хотѣлъ было отвезти икону въ старѣйшій городъ Ростовъ, но явившаяся ему во снѣ Пресвятая Дѣва повелѣла оставить ее во Владимірѣ. Естественно, что вмѣстѣ съ нею и онъ остался здѣсь.

Главное значеніе Андрея Боголюбскаго въ русской исторіи основано на его *государственныхъ стремленіяхъ*. Андрей Боголюбскій, этотъ „хозяинъ“ Владиміра, прежде всего представляется намъ возстановителемъ того исконнаго великокняжескаго права „повелѣвать и приказывать“ младшимъ, удѣльнымъ князьямъ, „дѣтямъ“, которое нарушено было кіевски-

ми усобицами. Затѣмъ, онъ первый ясно и твердо сталъ стремиться къ водворенію единодержавія и самодержавія, что, при великомъ авторитетѣ его ума и доблестнаго характера, не могло не принести развитію этихъ коренныхъ началъ русской жизни большого успѣха. Вопреки родовымъ княжескимъ обычаямъ тѣхъ временъ, онъ не только не раздавалъ своимъ родственникамъ удѣловъ въ Суздальской землѣ, но даже выслалъ изъ нея троихъ братьевъ въ южную Русь и вмѣстѣ съ ними двухъ племянниковъ. Вмѣстѣ съ ними изгналъ онъ и старыхъ отцовскихъ бояръ, не желавшихъ исполнять его волю и стоявшихъ за соблюденіе старинныхъ обычаевъ по отношенію къ себѣ и къ младшимъ князьямъ. Лѣтописецъ, описывая это событіе, прямо говоритъ, что Андрей изгналъ ихъ, *„хотя самовластецъ быти всей земли Суздальской“*.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ князь—говоритъ новѣйшій историкъ Россіи *)—владѣлъ умомъ поистинѣ государственнымъ и что въ данномъ случаѣ онъ повиновался не одной только личной жаждѣ власти. Онъ сознавалъ, что дробленіе русскихъ земель служило главнымъ источникомъ ихъ политической слабости и внутреннихъ смуть. Преданія о могущественныхъ князьяхъ стараго времени, особенно о Владимірѣ и Ярославѣ—которыхъ, можетъ быть, представляли тогда единодержавными и неограниченными властителями—эти еще живыя преданія вызывали подражаніе. Опыты собственной жизни и знакомство съ другими краями также не могли не дѣйствовать на подобныя стремленія. Передъ глазами Андрея былъ его шуринъ, князь Галицкій, Ярославъ Осмомыслъ, сила и могущество котораго основывались на безраздѣльномъ владѣніи Галицею землею. Передъ нимъ былъ еще болѣе разительный примѣръ: Имперія Греческая, которая не только снабжала Русь церковными уставами и произведениями своей промышленности, но и служила ей великимъ образцомъ

*) *Иловайскій* Исторія Россіи ч. II стр. 204.

политическаго искусства и государственнаго быта. Вѣроятно, и книжное знакомство съ библейскими царями не осталось безъ вліянія на политическіе идеалы князя, на его представленіе о государствѣ и верховной власти. Опору же своимъ самодержавнымъ стремленіямъ онъ могъ найти въ самомъ населеніи сѣверовосточной Руси, разсудительномъ, предприимчивомъ, трудолюбивомъ, которому сдѣлались уже чужды нѣкоторыя безпокойныя привычки южной Руси. Какъ бы то ни было, все остальное время своего княженія Андрей владѣлъ Суздальскою землею безраздѣльно и самовластно, благодаря чему онъ явился самымъ сильнымъ изъ современныхъ князей и могъ держать въ зависимости не только своихъ муроморязанскихъ сосѣдей, но также имѣть вліяніе на судьбы другихъ русскихъ земель. Кіевъ и даже Новгородъ должны были преклониться предъ его волею... Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ уединеніи, въ любимомъ селѣ своемъ Боголюбовѣ. Здѣсь жилъ онъ, окруженный младшими дружинниками, предоставляя старшему боярству службу въ городахъ въ качествѣ намѣстниковъ и посадниковъ, или пребываніе въ собственныхъ ихъ селахъ, и такимъ образомъ не обращаясь постоянно къ его совѣтамъ въ дѣлахъ земскихъ и ратныхъ. Но вполне удалить отъ себя большихъ бояръ онъ не могъ, иначе жестоко вооружилъ бы противъ себя все это сильное сословіе. Были, конечно, около него нѣкоторые заслуженные или любимые бояре; были между ними и его свойственники. Эти то послѣдніе и послужили орудіемъ его гибели *).

Послѣ нѣкоторыхъ смуть, вызванныхъ смертію Андрея Боголюбскаго, владимірцы посадили у себя княземъ брата его Михалка. Другой его братъ, Всеволодъ, сѣлъ въ Переяславлѣ, такъ что эти два „пригорода“ одержали побѣду надъ Ростовомъ и Суздалемъ. *Народное сочувствіе* этой побѣдѣ приго-

*) Весьма живой разсказъ объ этомъ событіи см. у *Иловайскаго* Ист. Рос. ч. II стр. 215—218.

родовъ надъ старшими городами выразилось въ слѣдующихъ словахъ мѣстнаго лѣтописца: „Изначала Новгородцы, Смольняне, Кіянне, Полочане, и всѣ волости, когда на думу на вѣча сходятся, то какъ старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды стануть. А здѣсь городъ старый Ростовъ и Суздаль и всѣ бояре хотѣли свою правду поставить и сказали: какъ намъ любо, такъ и сотворимъ: Владиміръ вѣдь пригородъ нашъ!.. Не уразумѣли правды, величаясь, что давнѣе, старѣйшіе. Утайлъ Господь отъ премудрыхъ и отерылъ младенцамъ. *За правду Богъ помогаетъ владимірцамъ и всей землѣ ихъ*“.

По смерти Михалка владимірцы присягнули Всеволоду *и дѣтямъ его*. Опираясь на народное сочувствіе, Всеволодъ легко вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ Мстиславомъ, своимъ племянникомъ, котораго поддерживали ростовцы, или, лучше сказать, знатные бояре, укрѣпившіеся въ Ростовѣ и Суздаль. Какую ненависть питалъ народъ къ этимъ боярамъ, отъ которыхъ исходили всѣ крамолы и усобицы, видно изъ того, что владимірцы, безъ вѣдома своего князя, нѣкоторыхъ изъ плѣнныхъ ростовскихъ бояръ убили. Самъ Мстиславъ, тоже попавшійся въ плѣнъ, былъ ослѣпленъ, опять таки безъ вѣдома Всеволода. Этимъ жестокимъ способомъ народъ думалъ положить конецъ усобицамъ, нарушавшимъ земскую тишину.

Эта побѣда Владиміра надъ старымъ Ростовомъ обнаружила новыя начала. Прежде въ военно-торговой южной Руси дружина имѣла значительное вліяніе на князя, теперь въ Руси промышленно-земледѣльческой она должна была отступить на задній планъ, отдать первое мѣсто городу, городскому населенію, народу. А населенію прежде всего нужна была тишина, нужно было спокойствіе, чтобы безопасно и успѣшно заниматься всякими промыслами. Народу надоѣли разорительныя усобицы; людямъ посадскимъ пора было подумать о томъ, какъ бы обезпечить земскую тишину. Отсюда—

желаніе имѣть одного князя, одну княжескую линію. Князья суздальскіе хорошо поняли истинныя силы и свойства суздальскаго населенія и сдѣлались его вождями, выразителями его стремленій, устроивъ для него и особое средоточіе, Владимірѣ. Народъ, понявшій всю пользу прочной власти и опасаясь, чтобы власть эта не пошатнулась, по смерти Михалка присягаетъ не только Всеволоду, но и *дѣтямъ его*. Такъ постепенно уже съ XI в. въ Суздальской землѣ закладывается фундаментъ для того порядка, который утвердился затѣмъ въ Московской Руси. Этотъ первый князь, потомству котораго принесена была присяга народомъ, вполнѣ оправдалъ его надежды. Своею осторожностью во внѣшнихъ сношеніяхъ своими заботами о населеніи и его интересахъ, своею справедливостью онъ заслужилъ у народа прозваніе „Миродержца“, т. е. оберегателя и охранителя земской тишины и мира. Лѣтописецъ, характеризуя его, говоритъ между прочимъ, что онъ „судилъ, не опасаясь лица сильныхъ своихъ бояръ, защищалъ отъ ихъ обидъ, насилій и порабощенія меньшихъ людей.“ У современниковъ онъ считался самымъ могущественнымъ изъ князей; слухъ о его силѣ и могуществѣ прошелъ по всей землѣ и отразился въ „Словѣ о пѣлгу Игоревѣ,“ въ слѣдующемъ обращеніи къ нему поэта: „ты можешь Волгу веслами раскропить, Донъ шеломами вылить“... Въ чемъ же заключалась сила его? Она заключалась въ полномъ духовномъ родствѣ съ идеалами и стремленіями земли, народа. Насколько эти новыя начала были сильны уже въ началѣ XIII в., видно изъ того, что сынъ Всеволода Константинъ Ростовскій, побѣдившій съ помощью Мстислава Удалого въ Липецкой битвѣ братьевъ своихъ Юрія и Ярослава, сѣлъ великимъ княземъ не въ Ростовѣ, а во Владимірѣ, признавая такимъ образомъ окончательную побѣду послѣдняго надъ первымъ. И нельзя было ему не признать этого: Владимірѣ все болѣе и болѣе усиливался въ экономическомъ отношеніи, дѣ-

даясь торговымъ перепутьемъ отъ Кіева къ Ростову и отъ Новгорода къ Кіеву. Спустя три года послѣ Липецкой битвы Константинъ умеръ и великокняжескій столъ перешелъ къ законному наслѣднику Всеволода I, къ Юрію II *).

Почти сто тридцать лѣтъ мира, тишины и спокойствія (усобицы заняли не болѣе 6-ти лѣтъ) прошло отъ начала княженія Юрія I до смерти Юрія II, погибшаго съ мечомъ въ рукѣ при защитѣ родной земли отъ нагрянувшихъ на нее варваровъ (Сити). Страна не могла не привыкнуть къ новому, столь выгодному для нея, порядку единовластія. Помимо всеобщаго желанія мира и тишины, установленію этого порядка содѣйствовала и та тѣсная экономическая связь, которая соединяла отдѣльныя части Суздальской земли, та общность торгово-промышленныхъ интересовъ, которая заставляла отдѣльныя части, отдѣльные города и другія поселенія стремиться къ единству, къ политическому объединенію и къ единообразному устроенію земли. Это то обстоятельство, главнымъ образомъ, и сообщало ту силу суздальскимъ князьямъ, о которой говорила уже вся Русь: они постоянно, во всѣ моменты жизни, чувствовали подъ собою твердое, устойчивое основаніе. Это обстоятельство придавало силу и самой Суздальской землѣ, пользовавшейся въ глазахъ всего русскаго народа авторитетомъ земли могущественной и непобѣдимой, о чемъ передъ Липецкою битвой говорилъ даже самъ Мстиславъ Удалой. Утвержденіе такого взгляда во всѣхъ концахъ Руси—одна изъ важныхъ силъ, выработывавшихъ ея объединеніе. И рядомъ съ этими симпатіями къ единому сильному князю, хранителю народнаго блага и земской тишины, развивалось въ народѣ несочувствіе къ боярамъ, въ которыхъ

*) Роль народа въ исторіи развитія самодержавія, а также и роль экономическихъ факторовъ подробно изслѣдована въ соч. г. *Забьлина* „Взглядъ на развитіе московскаго самодержавія“ (Истор. Вѣстн. за 1881 годъ), откуда мы многое заимствовали для настоящей главы.

народъ не безъ основанія видѣлъ виновниковъ усобицъ, смуть и нарушителей спокойствія...

Но послѣ ста слишкомъ лѣтъ тишины надъ Суздальской землей пронесся ураганъ, потрясшій до основанія и почти разрушившій то зданіе, надъ возведеніемъ котораго съ такою осмотрительностью и съ такимъ самоотверженіемъ работало нѣсколько поколѣній. Ураганъ этотъ унесъ съ собою и „хранителя“ земли, ея великаго князя, доблестно погибшаго на берегахъ р. Сяти (1238 г.).

Татары опустошили землю изъ конца въ конецъ и ушли. Начатое столь удачно дѣло объединенія земли надолго затнулось. Явились новые порядки, дѣлу этому неблагоприятные, и надо удивляться уму, энергіи, смышленности и, главное, терпѣнію и выносливости русскаго народа, пережившаго это тяжелое испытаніе и кропотливо затѣмъ продолжавшаго прерванную работу.

Послѣ ухода татаръ изъ Суздальской земли, братъ Юрія II Ярославъ, княжившій въ Кіевѣ, поспѣшилъ во Владиміръ, гдѣ новаго великаго князя встрѣтили какъ избавителя отъ погрома. Крѣпкою рукою принялся онъ возстановлять нарушенное спокойствіе, собирать разбѣжавшихся людей и „утѣшать ихъ всякою помощію.“ Посреди всеобщаго ужаса или „пополоха“, какъ говоритъ лѣтописецъ, онъ явился крѣпкимъ избавителемъ и „сбирателемъ“ Суздальской земли, выразителемъ всенародной потребности въ тишинѣ и порядкѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти великокняжескій престолъ (теперь уже, начиная съ Ярослава, не только въ Суздальской, но и въ Кіевской Руси) пожалованъ былъ татарскимъ ханомъ Александру Невскому. Его заслуга передъ исторіей и потомствомъ заключается въ томъ, что онъ первый подалъ примѣръ, въ чемъ именно должна отнынѣ состоять служба князей русскаго народа.

Александръ Невскій хорошо понялъ, что русскую зем-

лю и спокойствіе въ ней можно сохранить только самой осторожной политикой относительно татаръ: нужно было по возможности держать ихъ вдали отъ русской земли, на время покориться горькой участи подчиненія дикимъ варварамъ, не раздражать ихъ и даже дѣлать уступки. Примѣромъ его осторожности и доказательствомъ того, какъ высоко ставилъ онъ необходимость такой политики, можетъ служить слѣдующій случай. Новгородъ, этотъ вольный и гордый своими „вольностями“ городъ, не пожелалъ заплатить татарамъ дани. вмѣстѣ съ новгородцами „крѣпко стоялъ“ и князь ихъ Василій, старшій сынъ Александра Невского. Великій князь пошелъ къ Новгороду, чтобы заставить новгородцевъ смириться. При его приближеніи Василій бѣжалъ въ Псковъ. Александръ смирилъ новгородцевъ, а сына строго наказалъ. Онъ выгналъ его изъ Пскова и навсегда лишилъ княженія. Дружину же его, которая „на зло водила“ своего юнаго князя, повелѣлъ казнить: кому носъ урѣзали, говорить лѣтописецъ, а вого ослѣпили. Современники поняли Александра Невского и мотивы, руководившіе имъ. Они видѣли въ немъ неутомимаго и непобѣдимаго оборонителя земли отъ ея враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, всю жизнь свою осуществлявшаго старозавѣтное преданіе, что „князь не напрасно носить мечъ, а на мечь злодѣямъ и въ оборону добрымъ.“ Иногда, ради блага земли, онъ прибѣгалъ къ строгимъ, крутымъ мѣрамъ, но это нисколько не подрывало народной къ нему любви. Новгородцы, принужденные разгнѣваннымъ княземъ удовлетворить татаръ данью, удержали его на время у себя, какъ почетнаго гостя, почтили его дарами и „отпустили съ любовью,“ посадивъ у себя княземъ другого его сына, Димитрія. Но вотъ вскорѣ опять поднимается въ Новгородѣ бунтъ противъ „бесерменовъ,“ какъ называли на Руси татарскихъ сборщиковъ дани; на этотъ разъ мятежъ распространился и по другимъ городамъ. Нужно было ждать ханскаго гнѣва и вторженія

его полчищъ. Нужно было что нибудь предпринять для отраженія собиравшейся надъ русскою землею грозы. Александръ отважно ѣдетъ въ орду отвѣчать за всю землю и успѣваетъ смягчить гнѣвъ хана и спасти землю отъ вторичнаго погрома. Этотъ самоотверженный подвигъ былъ послѣднимъ его подвигомъ. На обратномъ пути онъ заболѣлъ и умеръ (1269 г.). По случаю вступленія Александра Невскаго на великокняжескій престолъ, лѣтописецъ замѣтилъ: „И была радость великая во Владимірѣ и во всей Суздальской землѣ“! Теперь для Владиміра, для всей Суздальской земли и для всей Руси наступило время глубокой печали. Потеря была невозвратима и незамѣнима. „Дай Господи милостивый видѣть ему лице Твое въ будущій вѣкъ, что потрудился за Новгородъ и за всю русскую землю!“ восклицаетъ лѣтописецъ; а митрополитъ всея Руси Кириллъ, пребывавшій тогда во Владимірѣ, со слезами говорилъ плачущему народу: „Чада моя милая! знайте, что уже зашло солнце Суздальской земли!“ Александръ Невскій, это солнце русской земли, преждевременно зашедшее, своими подвигами и всею своею дѣятельностью оставилъ въ народномъ умѣ неизгладимый идеалъ князя, желаннаго для тогдашнихъ темныхъ и тяжелыхъ обстоятельствъ, при которыхъ суждено было жить русской землѣ; вотъ почему признательный русскій народъ почтилъ его святостью, а церковь, отвѣчая народному чувству, сопричислила его къ лику святыхъ. Естественно, что народная любовь къ невскому герою и „труженику“ русской земли должна была перейти и на его потомство.

По смерти сыновей Александра Невскаго великокняжескій престолъ, по праву старшинства, долженъ былъ перейти къ его племяннику Михаилу Ярославичу Тверскому; Москва же и Переяславль находились въ это время во владѣніи Юрія Даниловича его внука. Поднялась усобица между этимъ Юріемъ и Михаиломъ, между Москвою и Тверью. Въ этой

усобицѣ на сторонѣ Юрія было большое преимущество: онъ былъ внукъ Александра Невскаго. Это было великое нравственное наслѣдство, ставившее его въ глазахъ народа выше Тверскаго князя и выше всѣхъ родовыхъ и юридическихъ счетовъ; неудивительно поэтому, что къ Московскому князю тянули теперь и Новгородъ, и Псковъ, и Ростовъ, и Кострома, и Новгородъ Нижній. Во время усобицы князья часто обращались къ ханскому суду, а Юрій для большаго успѣха женился даже на сестрѣ хана. Кончилось тѣмъ, что Михаилъ Тверской, обвиненный въ отравленіи жены Юрія, приговоренъ былъ въ ордѣ къ смертной казни и выданъ головою Юрію. Но и Юрію, продолжавшему политику дѣда (борьба съ нѣмцами, основаніе г. Орѣшка-Шлиссельбурга, заключеніе вѣчнаго мира со шведами), не удалось долго пробыть великимъ княземъ. Онъ погибъ въ ордѣ отъ руки сына Михаила Дмитрія, который за это былъ тамъ же и казненъ. Великокняжескій столъ былъ отданъ брату Дмитрія, Александру Тверскому, а Москва осталась во владѣніи брата Юрія, Иоанна Даниловича. Во всей этой борьбѣ Юрій является съ характеромъ выразителя интересовъ земщины, желавшей видѣть на великомъ княженіи потомковъ Александра Невскаго. Кромѣ того, въ борьбѣ этой онъ старается сохранить за собою законно принадлежащія ему земли (напримѣръ, Новгородъ и Переяславль). Вообще же его борьба имѣетъ характеръ самозащиты.

Послѣ нѣкоторыхъ смуть великое княженіе досталось Иоанну Даниловичу (1328—1341 г.) *). „Сѣлъ на великое княженіе Иоаннъ Даниловичъ—говоритъ лѣтописецъ—и настала тишина въ русской землѣ на много лѣтъ... Перестали поганые воевать русскую землю и закалывать христіанъ; отдохнули и успокоились христіане отъ великой истомы и мно-

*) Въ его грамотахъ впервые встрѣчаемъ титулъ „Великій князь всея Руси“, заимствованный, вѣроятно, отъ титула „Митрополитъ всея Руси“.

гой тягости, отъ насилія татарскаго“. Дѣйствительно, втеченіе 40 лѣтъ (1328—1368 г.) не было слышно ни татарскихъ, ни другихъ нашествій и кровопролитій. Если и случались походы и столкновенія, то всѣ они были слишкомъ ничтожны передъ прежними. Здѣсь-то и открылась первая заслуга Москвы передъ всею землею.

Личныя качества Іоанна Даниловича запечатлѣны въ народной памяти прозваніемъ Калиты (кошель, мѣшоуъ для денегъ, носимый у пояса): онъ постоянно носилъ при себѣ деньги для раздачи милостыни. Преданія о его добромъ нравѣ долго сохранялись въ народѣ, а лѣтописецъ называетъ его „боголюбивымъ, страннолюбивымъ, тихолюбивымъ“. Эти его личныя качества много способствовали важному въ исторіи Москвы и вообще въ исторіи единой державы событію: перенесенію въ Москву изъ Владиміра митрополи. Пребываніе митрополита въ Москвѣ давало этому городу значеніе главнаго города всей земли, потому что князей было много, а митрополитъ одинъ; кромѣ того, каедрa митрополичья способствовала возрастанію и обогащенію Москвы, отовсюду привлекая къ себѣ людей, имѣвшихъ нужду до верховнаго святителя; наконецъ митрополитъ естественно долженъ былъ всегда дѣйствовать въ пользу того князя, въ городѣ котораго жилъ. Это прекрасно сознавалъ св. Петръ, говорившій, умирая, Іоанну Калитѣ, что если онъ построитъ въ Москвѣ каедральный соборъ, то самъ станетъ выше всѣхъ князей и Москва покоритъ всѣ другіе города. Удѣльные князья были очень недовольны этою связью митрополита съ Москвою, но помѣшать ей не имѣли силы.

Заботы Іоанна Калиты о мирѣ и земской тишинѣ перешли и къ его потомству и только однажды нарушилась эта тишина въ семьѣ московскихъ князей усобицами при Василии II Темномъ. Понимая всѣ выгоды для себя отъ этой тишины, и татарскіе ханы отнынѣ отдають преимущество Москвѣ,

которая прибрѣгаетъ въ ордѣ репутацію хорошаго, надежнаго хозяина и надежнаго плательщика слѣдующихъ и неслѣдующихъ поборовъ. Въ то же время отъ этой земской тишины и сама Москва начинаетъ богатѣть. Главнымъ источникомъ ея обогащенія было улучшение благосостоянія всей земли, пользовавшейся продолжительнымъ миромъ. Развивалась торговля и всякіе промыслы—чему много способствовало и положеніе Москвы, стоявшей на торговомъ распутьи,— а вмѣстѣ съ тѣмъ обогащалась и княжеская казна *).

По смерти Калиты великокняжеское достоинство было утверждено въ ордѣ за сыномъ его Симеономъ, причемъ всѣ князья „отданы были ему въ руки“, т. е. онъ по старому русскому обычаю становился, хотя и не самодержцемъ, но старшимъ надъ другими. Судя по его завѣщанію братьямъ, онъ былъ достойнымъ сыномъ Калиты, хорошо усвоившимъ его политику, въ основѣ которой лежали: *миръ и единство земли*. Вотъ какъ выражается онъ о великомъ отцовскомъ наслѣдіи: „по благословенію нашего отца, что приказалъ намъ *жить за одинъ*, и я вамъ приказываю, своей братьѣ, жить за одинъ. А лихихъ бы людей вы не слушали, кто станетъ васъ сваживать, слушали бы вы отца нашего, владыки Алексѣя (митрополита), также и старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ. А пишу вамъ это слово для того, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и *свѣча бы не угасла!*“

Преемникомъ Симеоону, преждевременно умершему отъ моровой язвы, ханъ Джанибекъ утвердилъ брата его Іоанна II, „кроткаго, тихаго, милостиваго,“ какъ называетъ его лѣтописецъ. Послѣ смерти его, старшему изъ двухъ его сыновей, Димитрію, наслѣднику великокняжескаго стола, было только

*) Опроверженіе того мнѣнія, утвердившагося съ Карамзина, что князья московскіе богатѣли утайками татарской дани, см. у *Забѣлина* „Взглядъ на разв. Моск. единодерж.“ Истор. Вѣст. 1831 г. № 3 стр. 519—520.

8 лѣтъ. Другіе князья хотѣли воспользоваться его малолѣтствомъ, но сила Москвы заключалась не въ одномъ князѣ. Другими, не менѣе важными ея силами были: 1) боярство, 2) купечество и 3) высшая церковная власть; кромѣ того, на ея сторонѣ стояли всѣ благомыслящіе люди во всѣхъ углахъ русской земли. Опираясь такимъ образомъ на населеніе, 12-ти лѣтній московскій князь вышелъ побѣдителемъ *).

Во всѣхъ усобицахъ съ другими князьями главное преимущество князей московскихъ состояло въ томъ, что они сумѣли связать свои интересы съ интересами земли и на нее главнымъ образомъ опирались, тогда какъ Тверь думала больше о внѣшней поддержкѣ (напр., со стороны Литвы). Но, выходя побѣдителями изъ усобицъ, московскіе князья далеки еще были отъ мысли захватить всѣ земли въ свои руки, какъ это видно, напр., изъ договора, которымъ окончилась борьба Дмитрія Іоанновича съ Михаиломъ Тверскимъ. Въ этомъ договорѣ Московскій князь называетъ Тверского младшимъ своимъ братомъ, говоритъ, что всѣ младшіе князья съ нимъ, Московскимъ княземъ, „одинъ человекъ;“ а потому за обиду кому либо изъ князей Московскій князь, „разобравши правду,“ возстанетъ на обидчика заодно со всѣми князьями, какъ и за обиду Тверского князя Московскій князь пойдетъ съ нимъ на обидчика заодно. Тверской князь не долженъ искать великаго княженія, а также Москвы и Новгорода. „А будутъ ссорить обоихъ князей татары и будутъ отдавать великое княженіе Тверскому князю, то ему въ томъ не вступаться и великаго княженія не брать, равно если и Тверь будутъ отдавать татары Московскому князю, и ему Твери не брать; миръ съ татарами держать по общей думѣ. А пойдутъ на Мосюву татары, биться Тверскому князю противъ нихъ заодно съ Москвою“. Такой же союзъ былъ установленъ и противъ Литвы.

*) Наибольшую поддержку молодому князю оказалъ своимъ авторитетомъ митрополитъ св. Алексѣй.

Такимъ образомъ Москва въ самую выгодную для себя минуту меньше всего думаетъ собственно о себѣ, а больше всего хлопочетъ о единствѣ всѣхъ князей, о единствѣ земли, какъ о вѣрномъ обезпеченіи ея благосостоянія противъ всѣхъ общерусскихъ враговъ. Князь же Московскій по исконному обычаю требуетъ себѣ только родового старшинства между князьями со всѣми его старобытными порядками подчиненія младшихъ старшему *). Къ сожалѣнію, не всѣ такъ близко къ сердцу принимали это единство русской земли, какъ князья московскіе. Вскорѣ союзники Твери: Ольгердъ и Мамай сдѣлали набѣгъ на русскія области. Это ускорило развязку отношеній Руси къ татарамъ. Дмитрій жестоко отомстилъ Мамаю, разбивъ полчища его на берегахъ р. Вожа, а въ 1380 г. русскія войска и татарскія полчища сошлись на Куликовомъ полѣ. Куликовская битва хотя и не освободила Россіи отъ татарскаго ига, но зато обнаружила, что освобожденіе это возможно, лишь бы только въ этой цѣли дружно стремились всѣ князья, живя „за одинъ“ съ князьями московскими, помогая имъ и не ослабляя ихъ внутренними усобицами. Побѣдою надъ Мамаемъ Дмитрій доказалъ, что Москва можетъ и должна быть центромъ всѣхъ народныхъ силъ и что русская земля имѣетъ въ ней прочную опору отъ вѣшнихъ враговъ и отъ нарушителей земской тишины.

Чувствуя приближеніе смерти, Дмитрій Донской призывалъ св. Сергія Радонежскаго, основателя Троицкой обители, игравшей столь славную роль въ поддержаніи православія, народности и государственнаго единства въ смутную эпоху, и съ его благословенія завѣщалъ великокняжеское достоинство старшему сыну своему Василию. Восемнадцатилѣтній Василій I сѣлъ на престолъ уже безъ всякихъ споровъ и въ ордѣ былъ принятъ съ необычайною честью, какою не видѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ: доказательство

*) Заимствовано изъ указанной статьи г. *Забѣлина*.

того, какъ усилилась Москва и какъ окрѣпла почва подъ ногами князей ея.

Царствованіе Василия II, преемника Василия I, ознаменовалось послѣдними усобицами. Пользуясь малолѣтствомъ великаго князя, которому по смерти отца было только 10 лѣтъ, дядя его Юрій Галицкій не пожелалъ признать надъ собою его старшинства и удалился въ свой Галичъ. Въ Москвѣ рѣшено было послать для его умиротворенія самого митрополита Ѳотія. Юрій сдался на убѣжденія митрополита, согласился не искать великаго княженія и держалъ свое слово до смерти Ѳотія, но потомъ принялся за старое. Въ ордѣ однако великимъ княземъ утвердили Василия. Все бы этимъ и окончилось, если бы дѣлу не помѣшала своимъ неблагоприятнымъ поступкомъ мать Василия II, Софья Витовтовна, жестоко оскорбившая Василия Косого, сына Юрія, слѣдствіемъ чего и было продолженіе усобицы, окончившейся весьма печально и для Василия II, вышедшаго побѣдителемъ, но потерявшаго зрѣніе. Въ этой продолжительной борьбѣ съ его врагами Василию помогала вся земля, всѣ сословія, привыкшія уже къ московскимъ порядкамъ.

Всѣ страданія, перенесенныя въ этой смутѣ великимъ княземъ, только увеличили его значеніе въ глазахъ народа, которому нужна была прочная, ничѣмъ непоколебимая *власть государственная*. Ослѣпленный Василий II, добрый, кроткій, даже слабохарактерный по своей натурѣ, вернулся къ престолу уже не великимъ княземъ московскимъ, а государемъ русской земли, который, по словамъ современнаго ему византійскаго императора, именовалъ себя великимъ княземъ, а не царемъ, только „ради смиренія, благочестія и возвышенности своего разума“. Такимъ образомъ, не только у себя дома, но и въ чужихъ краяхъ люди сознавали, что въ русской землѣ, въ самомъ ея народѣ, существуетъ уже государственная сила, ожидающая только достойной личности,

которая была бы способна взять въ свои руки исполненіе политическихъ желаній и помысловъ о единой государственной власти, давно уже назрѣвшихъ по всѣмъ угламъ русской земли. Такою желанною личностью и выступилъ старшій сынъ Василя Темнаго Іоаннъ III, вступившій на престолъ при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, когда самодержавіе являлось въ глазахъ народа единственнымъ спасеніемъ отъ земскихъ неурядицъ.

Мы говорили, что къ этому времени въ русскомъ народѣ успѣло уже оврѣнуть сознаніе необходимости единой государственной власти. Въ это же время, т. е. въ концѣ XV вѣка, мы встрѣчаемъ впервые въ актахъ и самое слово „*государь*“, употребленное по отношенію къ особѣ великаго князя Московскаго. Въ 1485 г. умеръ Верейскій князь Михаилъ. Уступая свою отчину Верею великому князю, онъ говоритъ въ своей духовной, что даетъ ее „Господину и Государю Великому Князю Іоанну Васильевичу всея Руси“. Для исторіи единодержавія важенъ и другой фактъ. Братья великаго князя, Андрей Углицкій и Борисъ Волоцкій, въ договорахъ съ Іоанномъ III обязались имѣть не только самого Іоанна III, но и сына его Іоанна Молодого старшими братьями, держать Іоанна Молодого, такъ же, какъ и отца его, по смерти послѣдняго; не искать великаго княженія ни подъ вѣмъ изъ дѣтей Іоанна III. Затѣмъ великому князю представлялось право на всѣ выморочные удѣлы *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ присоединенія къ Москвѣ удѣловъ, постепенно теряло всякое свое значеніе и боярское право отъѣзда. Это исконное право впервые было нарушаемо Іоанномъ III, когда онъ силою возвращалъ въ Москву бѣжавшихъ отъ него бояръ. Были и при Іоаннѣ незначительныя усобицы; но въ этихъ усобицахъ удѣльнымъ князьямъ негдѣ было искать поддержки. Такъ, когда Борисъ и Андрей попросили псковитянъ

*) Т. е. удѣлы, владѣльцы которыхъ умирали безъ наследниковъ.

принять къ себѣ въ Псковъ на житье ихъ семейства, обѣщая за это имъ помощь противъ нѣмцевъ,—псковитяне отвѣчали: „сами, господа великіе князья, знаете: не можетъ одинъ рабъ двумъ господарямъ работать, по евангельскому слову: такъ и мы не хотимъ двумъ работать, но хотимъ одного господаря держаться, великаго князя Ивана Васильевича, старшаго брата вашего, а вамъ челомъ бьемъ: сами о своемъ добрѣ и о нашемъ думайте“. Усобица кончилась весьма рѣшительнымъ поступкомъ Іоанна. Онъ велѣлъ схватить Андрея во время пребыванія его въ Москвѣ, и тотъ умеръ въ неволѣ. Стараясь оправдать свой поступокъ, Іоаннъ III, между прочимъ, такъ мотивировалъ его митрополиту: „когда я умру, то онъ будетъ искать великаго княженія подъ внукомъ моимъ; а если самъ не будетъ, то смутить дѣтей моихъ; и стануть они воевать другъ съ другомъ; и татары будутъ русскую землю губить, жечь и плѣнить, и дань опять наложатъ; и кровь христіанская опять будетъ литься, какъ прежде; и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами татаръ“ *). Такимъ образомъ, возстанія удѣльныхъ князей при Іоаннѣ III кончились только однимъ страхомъ для московскаго населенія да грабежомъ нѣкоторыхъ пограничныхъ волостей. Для того чтобы отнять у братьевъ предлогъ въ предъявленію старинныхъ правъ старшинства, онъ назвалъ сына своего Іоанна Молодого великимъ княземъ,—вслѣдствіе чего всѣ важныя грамоты писались отъ имени двухъ великихъ князей; посольства отправлялись также въ двоимъ и отвѣтъ на нихъ давался отъ двоихъ же; а затѣмъ, по смерти Іоанна, онъ короновалъ внука.

До сихъ поръ мы видѣли, что главною заботою московскихъ князей было собираніе русской земли. Изъ дружинныхъ вождей, каковыми были князья на югѣ до XIII в., они въ сѣверо-

*) Интересныя подробности захвата Андрея см. у *Соловьева* Ист. Рос. т. V стр. 65—67.

восточной Руси постепенно становятся собственниками, вотчинниками, хозяевами. Мы видѣли, какъ всѣ отношенія,—отношенія духовенства, боярства, простого населенія,—клонились къ утверженію въ Москвѣ крѣпкаго самодержавія. Въ половинѣ XV в. все уже было приготовлено къ тому, чтобы новое государство приняло именно эту форму. Но отъ стараго порядка сохранялись нѣкоторые преданія, обычаи, приемы, отъ которыхъ нужно было освободиться. Нужно было заставить удѣльныхъ князей, столпившихся при московскомъ дворѣ, и значительную часть боярства отвыкнуть отъ „старинны“, навсегда отказаться отъ притязаній, становившихся уже ко времени Іоанна III анахронизмомъ. Этому много содѣйствовалъ бракъ Іоанна съ Софьей Палеологъ, принесшей въ Россію преданія византійской имперіи. Современники замѣтили, что Іоаннъ III послѣ женитьбы на племянницѣ византійскаго императора явился грознымъ государемъ на великокняжескомъ московскомъ столѣ; онъ первый и получилъ прозваніе Грознаго, потому что явился для удѣльныхъ князей и боярства *монархомъ*, требующимъ безпрекословнаго повиновенія, строго карающимъ за ослушаніе; онъ возвысился до недосягаемой царственной высоты, предъ которой бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина—должны были преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ. Что во всемъ этомъ роль Софьи была весьма значительна, видно уже изъ того, какъ къ ней относились сторонники „старинны“ въ родѣ князя Курбскаго или Берсеня-Беклемишева, утверждавшаго однажды въ разговорѣ съ Максимомъ Грекомъ, что „какъ пришли въ Москву греки, такъ наша земля и замѣшалась; какъ пришла мать великаго князя (Василія III), великая княгиня Софья съ греками, такъ наша земля и замѣшалась“. Этими словами озлобленный и опальный бояринъ желалъ намекнуть на непріятные ему новыя, *самодержавныя* приемы Іоанна III и Василія III... Герберштейнъ, называя Софью „необычно-

венно хитрою женщиною“, прямо утверждаетъ, что „по ея внушенію великій князь дѣлалъ многое“.

Важнѣйшимъ событіемъ внутренней дѣятельности Іоанна III было торжественное установленіе новаго порядка престолонаслѣдія, лишавшаго дядей старшинства надъ племянниками. Установленіе это, подготовленное его предшественниками, было подтверждено тѣмъ, что Іоаннъ заставилъ сына своего Василія заключить формальный договоръ съ младшимъ его братомъ Юріемъ, по которому послѣдній обязался держать великаго князя господиномъ и старшимъ братомъ. Въ этомъ договорѣ Василій говоритъ Юрію: „придетъ воля Божія, возьметъ Богъ меня, великаго князя, и останутся послѣ мени дѣти, то сына моего, котораго я благословляю великимъ княжествомъ, тебѣ держать въ мое мѣсто своего господина и брата старшаго; великаго княжества подъ нимъ, подъ моею великою княгинею и подъ нашими дѣтми блюсти и не обидѣть, ни вступаться, ни подыскиваться никакимъ способомъ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ великій князь сохраняетъ за собою право отдавать великокняжескій столъ не старшему сыну, а вообще кому пожелаетъ. Неудивительно послѣ этого, если Іоаннъ III, умирая, благословилъ сына своего Василія „самодержцемъ всея Руси“.

Каковы были теперь отношенія великаго князя къ боярству, видно изъ слѣдующей „крестоцѣловальной записи“ князя Холмскаго, который за какою то вину отданъ былъ подъ стражу, а потомъ прощенъ:

„Я, Данило Холмской, билъ челомъ господину моему и государю великому князю Ивану Васильевичу за свою вину... Господарь мой меня, своего *слушу*, пожаловалъ, нелюбе свое отдалъ. А мѣ, князю Данилу, своему господарю и его дѣтмъ служить до смерти, не отъѣхать ни къ кому другому... А господарь мой и его дѣти надо мною, по моей винѣ, въ казни вольны“.

Такъ говорилъ князь Холмскій, признавая себя *подданнымъ* великаго князя, лишающимся права отъезда. Да и куда было теперь отъезжать? При Иоаннѣ III только часть Рязанскаго княжества да Псковъ сохраняли еще свою призрачную независимость. Осторожно, неторопясь, продолжалъ Иоаннъ III завѣщанное ему предками дѣло и внимательно смотрѣлъ, чтобы „та свѣча не погасла“... „Онъ дома сидитъ и спитъ, — говаривалъ часто про своего свата господарь Молдавскій Стефанъ *): а владѣнія свои увеличилъ; а я, ежедневно сражаясь, едва могу защитить свои предѣлы“... Эта характеристика замѣчательна въ томъ отношеніи, что она представляетъ первую, наиболѣе выдающуюся черту въ дѣятельности знаменитаго государя, который, завершая собою одинъ періодъ русской исторіи, открываетъ другой: при немъ Русь выходитъ изъ своего замкнутаго положенія, а западъ узнаетъ, что кромѣ Руси, подчиненной Литвѣ, есть Русь независимая, сильная и самостоятельная. И сила эта потому поражаетъ современниковъ, что она вырастаетъ какъ-то незамѣтно: кажется, что все окружающее, подчиняясь какому-то рововому вліянію, спѣшитъ уступить этой народившейся силѣ, а между тѣмъ она не торопится заявить себя, а проявляется въ послѣднюю минуту, когда все уже готово для ея проявленія. И дѣйствительно, благоразумная, осторожная политика могла показаться отсутствіемъ всякой дѣятельности, а результаты ея дѣломъ слѣпотаго случая... Враги Россіи, привыкшіе пользоваться смутами на Руси и усобицами между ея князьями, съ нетерпѣніемъ ожидали смерти могущественнаго Иоанна III, надѣясь, что послѣ него эти усобицы возобновятся; но они ошиблись. Удѣльные князья были уже совершенно ослаблены, и новые порядки окрѣпли. Насколько теперь власть великаго князя всея Руси и самодержца была прочна, это видно изъ слѣдующаго. Въ 1511 году Василій III узналъ, что братъ

*) Дочь его Елена была замужемъ за Иоанномъ Молодымъ.

его Симеонъ Калужскій, недовольный установившимися порядками, собирается отъѣхать въ Литву. Василій поступилъ съ нимъ строго. Онъ приказалъ ему явиться въ Москву. Симеонъ, видя, что умысль его открытъ, и предугадывая, что готовится ему въ Москвѣ (примѣръ князя Андрея еще свѣжъ былъ въ памяти), началъ просить чрезъ митрополита владыкъ и братьевъ о помилованіи. Великій князь простилъ его, но переимѣнилъ у него всѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Вообще правленіе Василія III слѣдуетъ считать прямымъ продолженіемъ правленія Іоанна III, такъ же, какъ и правленіе послѣдняго слѣдуетъ считать продолженіемъ правленія князей предшествовавшихъ. Издавна одно преданіе, одни стремленія и цѣли передавались другъ другу всѣми князьями московскими и даже всѣми князьями сѣверной Руси. Они употребляли и одинаковыя средства для осуществленія своихъ цѣлей. Отсюда всѣ эти князья поразительно похожи другъ на друга. Кромѣ наследственной передачи характера, на ихъ сходство имѣла вліяніе и самая одинаковость положенія, одинаковость среды, въ которой всѣ они обращались, подъ впечатлѣніями которой они выросли и окрѣплились. Для каждаго изъ нихъ съ самаго нѣжнаго возраста выдвигались на первый планъ одни и тѣ же немногіе, но важные предметы, на которыхъ сосредоточивалось всеобщее вниманіе, о которыхъ все говорило и при обращеніи съ которыми издавна употреблялись одинаковыя приемы. Въ этихъ приемахъ заключалась единственная наука для молодыхъ, мудрость дѣдовъ и отцевъ, переходившая по завѣщанію отъ поколѣнія къ поколѣнію. Такъ дѣятельность Іоанна III и успѣхи самодержавія при немъ неразрывно связаны съ дѣятельностью его предшественниковъ. Соединеніе сѣверовосточной Руси началось съ усиленія Москвы, т. е. съ Іоанна I Калиты, или вѣрнѣе съ брата его Юрія Даниловича, и почти окончилось при Василіи Темномъ, ибо, въ сущности, при немъ было по-

слѣднее княжеское междуусобіе. Іоанну III легко было подчинить Новгородъ, потому что Новгороду никто уже не могъ оказать поддержки, кромѣ самихъ же сѣверовосточныхъ князей. Послѣ „Мамаева Побоища“ не труденъ былъ и подвигъ 1480 года. Словомъ, обширные размѣры, въ которыхъ представляется намъ дѣятельность Іоанна III, суть слѣдствія дѣятельности его предшественниковъ и основанія величія Россіи были положены прежде Іоанна III. Но все это нисколько не отнимаетъ у него важной заслуги—умѣнья продолжать дѣло предшественниковъ при новыхъ условіяхъ, умѣнья осторожно нести народную „свѣчу“ и не давать ей гаснуть...

При Василии III самодержавіе сдѣлало значительный шагъ впередъ. Если при Іоаннѣ III всѣ именовались „государевыми холопами,“ и приближенные рабѣнно сдерживали дыханіе въ его присутствіи, то современники Василія, сравнивая сына съ отцомъ, находили, что отецъ всетаки совѣтовался съ боярами и позволялъ имъ иногда высказывать мнѣніе, несогласное съ его собственнымъ (такъ наз. „встрѣча“), а сынъ не любилъ этого, не любилъ совѣтоваться съ боярами и старыми людьми, допускалъ къ себѣ больше дьяковъ, которыхъ самъ возвышалъ, приблизивши къ себѣ, и отъ которыхъ всегда могъ легко избавиться. „Государь,—жаловался Берсень Маѣсиму Греку,—запершись самъ-третей, у постели всѣ дѣла дѣлаетъ.“ Положимъ, опальный бояринъ могъ преувеличить нѣсколько то, что происходило на его глазахъ, и нельзя изъ словъ его выводять, что во время Василія III боярская дума потеряла всякое значеніе; но во всякомъ случаѣ то, что говорилъ онъ, вполне согласно съ характеромъ и стремленіями великаго князя. Герберштейнъ, авторъ правдивыхъ „Записокъ о Московіи“, бывшій два раза въ Москвѣ въ качествѣ посла германскаго императора (въ 1566 г. и въ 1526 г.), человекъ очень наблюдательный и умный, такъ отзывается о власти великаго князя Москов-

скаго: „Онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ. Между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ нибудь противорѣчить ему, или быть другого мнѣнія. Если кто нибудь спрашиваетъ о какомъ либо неизвѣстномъ и сомнительномъ дѣлѣ,— обыкновенно отвѣчаютъ: знаетъ Богъ и великій Государь“ *).

Пользуясь такою властью, Василій III не любилъ никакихъ стѣсненій. Еще Іоаннъ III, какъ мы видѣли, принужденъ былъ искать расположенія къ себѣ митрополита и оправдываться передъ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Теперь же и санъ митрополита давался по усмотрѣнію князя. Что касается бояръ, то теперь мѣра, принимавшаяся въ Россіи при Іоаннѣ для ихъ удержанія отъ „отъѣздовъ“ („крестоцѣловальныя записи“), стала примѣняться и чаще и строже. Въ случаѣ попытокъ къ побѣгу, кромѣ „крестоцѣловальныхъ записей“ съ провинившихся брались еще значительныя денежныя пени; они отдавались затѣмъ на поруки другимъ, которые обязывались въ случаѣ ихъ побѣга платить за нихъ... У братьевъ своихъ Василій не отнималъ удѣловъ и даже одного изъ нихъ, Симеона, простилъ, когда тотъ хотѣлъ было бѣжать въ Литву; но при этомъ Василій не давалъ имъ ни въ чемъ воли, держалъ въ строгомъ повиновеніи, такъ что они были на ряду съ прочими владѣльцами вотчинъ, и, кромѣ того, окружалъ ихъ шпионами, доносившими ему о каждомъ шагѣ братьевъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ его дѣйствіяхъ постоянно обнаруживалось, что онъ намѣренъ обращаться со всѣми своими подданными одинаково, безъ различія чиновъ и званій. Теперь родовитое происхожденіе мало имѣло значенія; на первомъ планѣ стояла милость государя, получить которую можно было не знатностью рода, а вѣрною службою. Будучи, повидимо-

*) „Записки о Московіи“ стр. 28.

му, расположенъ и милостивъ въ подданному, онъ неожиданно поражалъ его опалю, когда тотъ вовсе не чаялъ этого и, съ другой стороны, иногда, подвергнувъ опалѣ, вдругъ такъ же неожиданно возвращалъ опальному свою милость. Такъ напр., онъ конфисковалъ все имущество дьяка Далматова за то только, что тотъ, получивъ приказаніе отправиться посломъ къ германскому императору Максимилиану, осмѣлился заявить, что у него нѣтъ средствъ на это путешествіе. Такъ же строго поступалъ онъ и съ другими ослушниками своей воли, кто бы они ни были: племянникъ его Димитрій, сынъ Іоанна Молодаго, содержался въ строгомъ заключеніи и умеръ въ 1509 г., по словамъ лѣтописца, „въ нужѣ, въ тюрьмѣ“, хотя духовное завѣщаніе, оставленное Димитріемъ, показываетъ, что дядя оставлялъ за нимъ въ законномъ владѣніи не только движимое имущество, но и села. Не менѣе сурово поступилъ онъ и съ мужемъ сестры своей, княземъ Василиемъ Холмскимъ: неизвѣстно, за что Великій князь посадилъ его въ тюрьму, гдѣ тотъ и умеръ. Суровый, рѣшительный характеръ Василія III обнаружился и въ двухъ событіяхъ, закончившихъ объединеніе Руси: въ окончательномъ покореніи Пскова (1510 г.) и Рязани (1517 г.). Когда псковичи разсорились съ великокняжескимъ намѣстникомъ, жалуясь на различныя злоупотребленія съ его стороны, Василій III сначала отправилъ въ Псковъ своего окольного дьяка, которые должны были выслушать намѣстника и псковичей и „управить“ ихъ; потомъ, — когда никакой управы между намѣстникомъ и псковичами учинить не удалось и когда въ Новгородъ, гдѣ находился въ это время Василій, явились новые послы изъ Пскова съ жалобами на намѣстника, — онъ поступилъ очень рѣшительно. Онъ приказалъ явиться въ нему въ Новгородъ всѣмъ желающимъ доказать обиды намѣстника. Такихъ „жалобныхъ людей“ набралось очень много; между ними были посадники и бояре. На Крещеніе, послѣ водосвя-

тія, всѣмъ имъ приказано было собраться на владычній дворъ, а посадникамъ, боярамъ, купцамъ и вообще такъ называемымъ „лучшимъ людямъ“—во владычную палату. Когда всѣ собрались, имъ было объявлено, что они всѣ „пойманы Богомъ и великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ всея Руси“, т. е. арестованы. „Лучшимъ“ людямъ было объявлено, что Государь требуетъ снять вѣчевой колоколъ и болѣе не быть вѣчамъ во Псковѣ; а быть во Псковѣ и по пригородамъ, и держать судъ государевымъ намѣстникамъ. Такова была *государева воля*, которой Псковъ принужденъ былъ подчиниться. Для избѣжанія различныхъ бунтовъ,—для того, чтобы навсегда упрочить соединеніе вольнаго города съ государствомъ,—было употреблено суровое средство: до 300 семействъ немедленно было переселено изъ Пскова въ Москву, а на ихъ мѣсто водворены были подданные государю московскіе люди. Спустя семь лѣтъ и Рязань была окончательно присоединена. Рязанская земля во все царствованіе Іоанна III была покорна московскому государю. Въ началѣ царствованія Василия III тамъ управляла тетка его Агриппина именемъ своего малолѣтняго сына Ивана. Но когда выросъ этотъ князь, то вспомнилъ о прежней независимости своихъ предковъ и сталъ тяготиться зависимою отъ Москвы. Василию III донесли, что рязанскій князь сносится съ татарами и хочетъ жениться на дочери крымскаго хана Махметъ-Гирея. Василий позвалъ его къ себѣ и засадилъ подъ стражу, а мать его заточилъ въ монастырь. Рязань утратила свою отдѣльность и присоединена была къ Москвѣ. По общей политикѣ московскихъ князей и съ Рязанью было поступлено такъ же, какъ съ Новгородомъ, Тверью, Вяткою и Псковомъ: и оттуда было выселено множество жителей, а вмѣсто нихъ переведены были въ Рязань на жительство московскіе люди.

Такъ осуществлена была при Василии III та задача, которую завѣщаль своимъ потомкамъ Іоаннъ Калита, завѣщаль

если и не на словахъ, то своею политикой. Русь была объединена, освобождена отъ татарь, и въ рукахъ великаго князя Московскаго сосредоточилась обширная государственная власть. Эта обширная власть нашла себѣ соотвѣтственное выраженіе и во внѣшности. Еще Іоаннъ III называлъ себя господиномъ всея Руси и самодержцемъ. Василій III „присвоилъ себѣ,“ какъ выражается Герберштейнъ, титулъ царя и называлъ себѣ иногда даже императоромъ *). Хотя, кромѣ магистра ливонскаго, никто этого титула за Василюмъ не признавалъ, но намъ важно то обстоятельство, что и Василій III, и его подданные понимали уже, что государство русское сложилось; что единая государственная, верховная власть установилась; что прежній титулъ „Великаго Князя“ не отвѣчалъ обстоятельствамъ, не соотвѣтствовалъ ни положенію представителя верховной власти, ни положенію, которое начинала занимать русская земля среди другихъ государствъ Европы. То высокое мнѣніе, которое имѣли теперь о себѣ великіе князья московскіе, кромѣ новаго титула, выражалось еще и въ различныхъ придворныхъ церемоніяхъ, изъ которыхъ главное значеніе должны были получить аудіенціи, даваемые государемъ иностраннымъ посламъ. Они, — эти послы, — по возвращеніи домой должны рассказать о могуществѣ и богатствахъ русскаго государя. Поэтому во время приѣма пословъ дѣлалось все возможное, чтобы произвести на нихъ самое выгодное впечатлѣніе.

А на западѣ между тѣмъ зорко слѣдили за развивавшим-

*) Вотъ полный титулъ Василя III:

Великій Государь Василій, Божіей милостью Царь и Государь всея Руси, и Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и пр., Государь и Великій Князь Нижней земли Новгородской, и Черниговскій, Рязанскій, Волоцкій, Ржевскій, Бѣлевскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и проч. Царскій титулъ, по словамъ Герберштейна, употреблялся въ сношеніяхъ съ римскимъ императоромъ и папою, съ королями шведскимъ и датскимъ, съ магистрами прусскимъ и ливонскимъ, и съ султаномъ турецкимъ.

ся молодымъ государствомъ. Посоль могущественнаго германскаго императора (сначала Максимилиана, а потомъ Карла V) считаетъ уже необходимымъ познакомить европейское общество самымъ подробнымъ образомъ, насколько это было возможно для него, съ нравами, обычаями русскаго народа, съ образомъ правленія, даже съ исторіей и „хорографіей“ Московскаго государства. Его „Записки о Московіи“ („*Regum Moscovitarum commentarii*“) расходятся по всей Европѣ и служатъ источникомъ для составленія множества компиляцій о Россіи.

Но особенно зорко слѣдили за Россіей въ Римѣ. Слыша о склонности Василія III въ сближенію съ западомъ, *) папскій дворъ сталъ дѣлать свои обычные попытки къ присоединенію русской церкви; папа римскій Левъ X изъявлялъ даже готовность дать Василію королевскій титулъ, а митрополита русскаго возвести въ патріархи; онъ внушалъ ему надежду на обладаніе Литвою послѣ смерти Сигизмунда III и даже на обладаніе Константинополемъ, который онъ называлъ „отчиною“ московскаго государя. Стоило только захотѣть овладѣть этою „отчиною“, а у папы, по его словамъ, „для этого готовы и пути, и средства“. Но все было осуществимо лишь при условіи соединенія русской церкви съ католическою, при таеъ называемой уніи, которую не удалось папѣ осуществить послѣ Флорентійскаго собора (митр. Исидоръ).

Василій III умеръ въ 1533 г. Умирая, онъ приказывалъ братьямъ служить вѣрно сыну его, „неподвижно“, какъ ему служили. А послѣ его кончины митрополитъ Даниилъ привелъ ихъ къ крестному цѣлованію на томъ, „чтобы они служили великому князю всея Руси и матери его великой княгинѣ Еленѣ, и жили бы въ своихъ удѣлахъ; чтобъ госу-

*) Какъ извѣстно, Василій III женился на Еленѣ Глинской, женщиѣ не чуждой западной образованности, и даже, чтобы ей понравится, сбрилъ себѣ бороду, что было большимъ подвигомъ въ то время.

дарство имъ подъ великимъ княземъ Іоанномъ не хотѣтъ, ни людей имъ отъ великаго князя Іоанна въ себѣ не отзывать, и чтобъ стоять имъ *заодно* противъ недруговъ великаго князя и своихъ". Затѣмъ митрополитъ привелъ къ ерестному цѣлованію всѣхъ бояръ, князей и дѣтей боярскихъ.

На престолъ вступилъ Іоаннъ IV. Малолѣтство его, продолжавшееся 14 лѣтъ,—въ теченіе которыхъ государствомъ управляли разныя боярскія партіи,—развязало боярамъ руки и дало просторъ всѣмъ боярскимъ притязаніямъ. Всѣ 14 лѣтъ боярскаго управленія прошли въ смутахъ и спорахъ партій, и въ эту эпоху бояре не только не успѣли пріобрѣсти довѣрія народа, но возбудили всеобщую ненависть. Въ 1543 году властью завладѣла партія литовскихъ выходцевъ, предводительствуемыхъ государевыми дядьями, Глинскими. Но Глинскіе были плохими правителями, а сторонники ихъ и слуги жестоко тѣснили народъ. Мятежь 1547 г., подготовленный врагами Глинскихъ, ниспровергъ ихъ партію. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ, которому тогда было уже 17 лѣтъ, самъ принялъ управленіе подъ руководствомъ московской партіи, приблизившейся въ Государю въ лицѣ Сильвестра и Адашева. Партія эта, не успѣвшая возстановить прежнихъ боярскихъ правъ во время малолѣтства Іоанна, думала успѣть въ этомъ при помощи самого Іоанна и окружила его лучшими мужами, вліянію которыхъ молодой Іоаннъ совершенно подчинился. Такъ прошло 5 лѣтъ. Все это время Іоаннъ былъ самымъ исправнымъ ученикомъ своихъ наставниковъ-бояръ; но онъ уже тяготился такою продолжительною опекою; ему уже давно хотѣлось быть такимъ же державнымъ государемъ, какими были его отецъ и дѣдъ. Бояре этого однако еще не замѣчали и продолжали смотрѣть на 22-лѣтняго Іоанна, какъ на младенца, твори всевозможныя злоупотребленія: они, напримѣръ, возвращали вотчины, отобранныя у бояръ при Іоаннѣ III и Василіи III; сами стали за-

ловать высшими почестями своихъ сторонниковъ и проч. Умный царь нѣкоторое время переносилъ все это терпѣливо, но когда во время его тяжелой болѣзни бояре отказались присягнуть сыну его Дмитрію, упорно высказывая желаніе возвести на престолъ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича, — Іоаннъ окончательно къ нимъ охладѣлъ и, выздоровѣвши, открылъ противъ нихъ борьбу. Онъ удалилъ отъ себя Сильвестра, Адашева и нѣкоторыхъ другихъ бояръ; онъ потребовалъ отъ остальныхъ, чтобы они присягнули служить ему вѣрою и правдою и не держаться болѣе партіи удаленныхъ. Вскорѣ затѣмъ началось постепенное преслѣдованіе боярскихъ родовъ московской партіи *). Возникаетъ „опричнина“ со всѣми ея ужасами и такъ называемая „эпоха казней“ ... Но сколько бы ни было случайныхъ, неповинныхъ жертвъ болѣзненной жестокости Іоанна, не слѣдуетъ забывать, что онъ всегда имѣлъ опредѣленную цѣль, которую преслѣдовали и дѣдъ и отецъ его: ограничить старинныя права боярства **) и поставить самодержавную власть русскаго государя въ то положеніе, которое создано было для нея исторіей русскаго народа. Изъ русскихъ государей онъ даже первый составилъ себѣ полную теорію самодержавія. Еще на 17 году (1547 г.) онъ принялъ помазаніе на царство, утвердивъ формально за собою тотъ титулъ, который „присваивали“ себѣ его предшественники. Онъ сдѣлалъ это, какъ самъ онъ говоритъ, по примѣру греческихъ царей и предка своего Владиміра Мономаха и явился первымъ „прирожденнымъ“ и „Божьею милостью“ царемъ. Послѣ, въ 1557 г., онъ получилъ утвержденіе этого сана отъ собора греческихъ святителей. Іоаннъ хотѣлъ вѣнчаться такимъ же чиномъ, какимъ вѣнчались цесари римскіе: отъ папы и патріарховъ. Онъ хотѣлъ слѣдо-

*) Объ этой перемѣнѣ см. у *Костомарова* — „Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ“. Изд. 1874 г. вып. II стр. 457.

**) См. главу о боярской думѣ.

вать примѣру Августа, Константина Великаго, Θεодосія; онъ связывалъ свое царское происхожденіе съ римской имперіей посредствомъ особой генеологіи, называя Рюрика потомкомъ Прусса, брата императора Августа. При немъ былъ сдѣланъ переводъ соч. Светонія о римскихъ цесаряхъ; онъ хотѣлъ имѣть переводъ соч. Тита Ливія и Кодекса Юстиніана. Высокое представленіе, которое имѣлъ Іоаннъ IV о своей власти, обнаруживается въ его отношеніи къ представителямъ духовной власти. „Священство не должно вмѣшиваться въ царскія дѣла“, пишетъ на примѣръ онъ вн. Курбскому: „дѣло монаховъ молчаніе; иное—правленіе царей, и иное—святителей“. Библейскими примѣрами доказываетъ онъ своему противнику, что какъ только власть доставалась въ руки жреца или священника,—царство приходило въ упадокъ. „Или ты хочешь того же, что случилось съ Греціей,—пишетъ онъ Курбскому,—подчинившейся игу турокъ“? И самъ отвѣчаетъ: „Нѣтъ царства, которое не разорилось бы, будучи въ обладаніи поповъ“.

Что касается мѣръ, принятыхъ Іоанномъ IV для ограниченія притязаній боярства, то они были слѣдующія: 1) *строгий надзоръ за своевольными отъѣздами бояръ въ Литву и другія земли* („поручныя“ и „крестоцѣловальныя“ записи), благодаря чему отъѣздъ сдѣлался почти невозможнымъ, потерялъ прежнюю свою законность и сталъ разсматриваться, какъ государственная измѣна, и 2) *опричнина*, дававшая царю новыя силы дѣйствовать съ большею самостоятельностью и независимостью противъ бояръ: опричники, самымъ своимъ отдѣленіемъ отъ „земщины“, поставлялись уже въ такое положеніе, что ихъ интересы дѣлались нераздѣльными отъ интересовъ государя. Опираясь на эту созданную имъ силу, царь смѣло приступилъ къ выполненію задушевнаго своего плана—обратить бояръ въ слугъ государевыхъ и даже уничтожить поводы къ притязаніямъ на возобновленіе или

поддержаніе его древнихъ правъ, противорѣчащихъ современному состоянію государства. Какъ бы жестокъ ни былъ Іоаннъ IV, но въ общемъ онъ шелъ по стопамъ своихъ предшественниковъ. При немъ еще сильнѣе, чѣмъ при его предшественникахъ, значеніе знатнаго происхожденія, значеніе породы, уступало значенію службы. Изъ сословія дѣтей боярскихъ стали выдвигаться называвшіеся прежде „дѣтьми боярскими дворовыми“, а теперь просто дворянами: они составили высшій слой между дѣтьми боярскими и вскорѣ образовали отдѣльное сословіе. Ихъ значеніе состояло въ относительной близости къ царю, и званіе ихъ давалось дѣтямъ боярскимъ по царской милости. Дьяки, прежде занимавшіеся письмоводствомъ подѣ начальствомъ бояръ и окольныхчихъ, стали теперь важными людьми: царь довѣрялъ имъ болѣе, чѣмъ родовитымъ людямъ. Одинъ изъ московскихъ бѣглецовъ, нѣкто Тетеринъ,—поставляя боярамъ на видъ, что царь плохо цѣнитъ ихъ службу,—въ своемъ письмѣ къ дерптскому намѣстнику, боярину Морозову, такъ характеризуетъ новые порядки: „есть у великаго князя новые вѣрники, дьяки. Ихъ отцы, вашимъ отцамъ и въ холопство не годились, а нынѣ не только землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ“ ...

Мѣры, придуманныя Іоанномъ противъ притязаній старинныхъ боярскихъ родовъ, имѣли обширное вліяніе; бояре были такъ ослаблены и столько потеряли съ утратою прежнихъ правъ, что не могли уже бороться не только съ государемъ, преемникомъ Іоанна, но даже съ его любимцемъ, своимъ братомъ, Борисомъ Годуновымъ: Годуновъ, захватившій при царѣ Феодорѣ въ свои руки всю власть, пошелъ по стопамъ своего державнаго учителя Іоанна. При немъ боярская дума потеряла всякое значеніе и существовала только по имени, беспрекословно исполняя его приказанія. Всѣ попытки старшихъ бояръ сдѣлаться ближайшими совѣтниками и руководителями государя остались безуспѣшными; упор-

нѣйшіе и знатнѣйшіе изъ бояръ частью были удалены отъ двора, частью отправлены въ ссылку, частью казнены.

Паденіе боярства и усиленіе самодержавной власти государя еще сильнѣе выказалось по смерти Θεодора Іоанновича (1598 г.). Несмотря на свою ненависть къ Годунову бояре принуждены были согласиться на избраніе его въ преміиши Θεодору, и даже не осмѣлились заявнуться о возстановленіи старинныхъ правъ своихъ: въ соборномъ опредѣленіи 1598 г. всѣ единогласно написали: „служити намъ ему, государю своему, царю и великому князю Борису Θεодоровичу и сыну его; и въ послушаньи намъ быти ихъ государскихъ повелѣній во всемъ; и добра хотѣти имъ, государемъ своимъ, правдою; и головъ намъ своихъ за ихъ, государей, не щадити; и межъ собою того смотрѣти наврѣшко, чтобы государю въ разрядныхъ и земскихъ дѣлахъ кручины не приносить ни которыми дѣлы, ни которою хитростью“. Мало того, бояре присягою принуждены были отказаться отъ стариннаго права отъѣзда.

Утвердившись на московскомъ престолѣ, Борисъ еще сильнѣе сталъ развивать самодержавную власть. Чтобы ослабить бояръ, онъ постоянно старался удалять отъ дѣлъ богатѣйшихъ и умнѣйшихъ изъ нихъ; многихъ разослалъ по сибирскимъ городамъ подъ стражу. Вѣроятно, Борисъ и еще болѣе развилъ бы свою систему уничтоженія боярскихъ правъ; но голодъ, разбой, смуты въ народѣ, успѣхи самозванца: все это остановило развитіе этой системы.

Смерть Бориса и восшествіе на престолъ Лжедмитрія не измѣнили боярскихъ отношеній къ государю. Дума, составленная Лжедмитріемъ, и не пыталась возстановлять прежнія права боярства.

То же было и при Василии Шуйскомъ. Въ той „записи“, которую взяли отъ него бояре, онъ обѣщаль только безъ боярскаго суда никого не казнить, не осуждать и не лишать

имѣнія. Очевидно, въ данномъ случаѣ бояре заботились не о возстановленіи своихъ старинныхъ правъ и не объ ограниченіи власти государя, а только о своей личной и имущественной безопасности *); а при избраніи на царство Михаила Теодоровича Романова уже не было и помину объ обезпеченіи старинныхъ этихъ правъ или о стѣсненіи верховной власти. Бояре вмѣстѣ со всѣмъ народомъ цѣловали крестъ: „За царя Михаила Теодоровича и за дѣтей, которыхъ ему впередъ Богъ дастъ, души свои и головы положить; а также намъ бояромъ и дворяномъ и приказнымъ людямъ не по отечеству и не по своему достоинству, выше своего отечества и службы, мимо царскаго повелѣнія, чести себѣ никакой не хотѣти и не искати; и вотчины и помѣстья держати по своей мѣрѣ, чѣмъ кого Государь пожалуетъ; и быти въ государскихъ дѣлахъ безъ прекословія: *какъ кому Государь велитъ* быти на своей службѣ, такъ тому и быти“.

Такимъ образомъ самодержавная власть русскаго государя со вступленіемъ на престолъ Михаила Теодоровича, можно сказать, закончила свое развитіе. Но обстоятельства, при которыхъ Михаилъ вступилъ на престолъ, требовали отъ представителя верховной власти особенной энергіи. Съ двумя государствами, Польшею и Швеціей, не была еще окончена война. Оба эти государства владѣли окраинами московской державы и выставляли двухъ претендентовъ на московскій престолъ, двухъ соперниковъ новоизбранному царю. Третьяго соперника провозглашала ему казацкая вольница въ Астрахани, въ лицѣ малолѣтняго сына Марины. Заруцкій во имя его затѣвалъ двинуть турокъ и татаръ на окончательное разореніе русской земли. Даже германскій императоръ имѣлъ надежду посадить на московскій престолъ одного изъ своихъ братьевъ... Внутри государства многіе города были сожжены

*) Причины этого подробно изслѣдованы въ соч. проф. *Ключевского* „Боярская Дума“.

до гла; и самая Москва находилась въ развалинахъ. Повсюду бродили шайки грабителей. Внутреннія области сильно обезлюдѣли. Поселяне умирали съ голоду. Повсюду господствовала страшная нищета. Въ казнѣ не было денегъ и трудно было собрать ихъ съ разоренныхъ подданныхъ. Но самая великая бѣда состояла въ томъ, что московскіе люди, по мѣткому выраженію матери молодого царя, „измалодушествовались“: Всякій думалъ только о себѣ; мало было чувства долга, чести и законности. Всѣ лица, которымъ повѣрялось управленіе и правосудіе, были склонны для своихъ выгодъ грабить и утѣснять подчиненныхъ не хуже казаковъ и наживаться насчетъ бѣднаго народа. А новый царь былъ очень молодъ: ему было только 16 лѣтъ. При такихъ обстоятельствахъ опасность грозила не только самодержавію, завершавшему свое развитіе, но и всей землѣ, не особенно давно объединившейся. Одинъ иностранецъ *), бывшій въ то время въ Москвѣ, въ своихъ запискахъ между прочимъ выразился: „надѣюсь, что Богъ откроетъ глаза юному царю, какъ то было съ прежнимъ царемъ, Иваномъ Васильевичемъ, ибо такой царь нуженъ Россіи, иначе она пропадетъ: народъ русскій благоденствуетъ только подъ дланью своего владыки...“ Къ счастью живъ былъ отецъ юнаго государя—умный, опытный, энергичный Филаретъ. Онъ взялъ власть въ свои руки и вскорѣ пріобрѣлъ большое вліяніе не только на дѣла духовныя, но и на свѣтскія. Безъ его воли ничего не дѣлалось. Иностранные послы являлись къ нему, какъ къ государю. Самъ онъ, какъ и сынъ, носилъ титулъ Великаго Государя. Въ его личности было что то повелительное. Бояре и всѣ думные и близкіе люди находились у него въ полномъ повиновеніи. Справедливый и милостивый съ покорны-

*) Голландецъ *Масса*. Сочиненіе его вмѣстѣ съ соч. *Германа* издано въ русскомъ переводѣ подъ общимъ заглавіемъ: „Сказанія о смутномъ времени въ Россіи“ Спб. 1874 г.

ми, онъ былъ грозенъ для тѣхъ, кто рѣшался идти противъ него, и тотчасъ отправлялъ въ ссылку строптивыхъ. Всѣ важные указы царя писались не иначе, какъ съ совѣта и благословенія отца его. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ патр. Филарета въ области свѣтскаго управленія было созваніе Земскаго Собора, который долженъ былъ представить полное изображеніе разореннаго государства и сообщить мѣры, „чѣмъ государству московскому полниться и устроить государство такъ, чтобы пришли всѣ въ достоинство“; государь же обѣщаль „промышлять, чтобы во всемъ поправить и какъ лучше“. Подъ руководствомъ Филарета Михаилъ Теодоровичъ успѣлъ приобрести политическую опытность, и ему оставалось только по смерти отца осторожно и твердо идти по колеѣ, имъ проложенной. Послѣ смерти Филарета Михаилъ Теодоровичъ процарствовалъ 12 лѣтъ и 12-го іюня 1645 г. скончался.

На престолъ вступилъ сынъ его Алексѣй Михайловичъ.

Этотъ привѣтливый, ласковый, благочестивый, „тишайшій“ царь зналъ, какого труда стоило довести царскую власть до той высоты, на которой онъ ее засталъ, и потому всячески заботился о томъ, чтобы не умалить ея достоинства. При немъ даже малѣйшее, хотя бы случайное, несоблюденіе правильности титула считалось важнымъ государственнымъ преступленіемъ. Всѣ иноземцы, посѣщавшіе Москву, поражались величіемъ двора московскаго государя. „Дворъ московскаго царя, — говоритъ одинъ иностранецъ *), — такъ красивъ и держится въ такомъ порядкѣ, что между всѣми христіанскими монархами едва ли есть одинъ, который превосходилъ бы въ этомъ московскаго. Все сосредоточивается около двора. Подданные, ослѣпленные его блескомъ, приучаются тѣмъ болѣе благоговѣть предъ царемъ и чествовать его почти наравнѣ съ Богомъ“. По свидѣтельству Котошихина Алексѣй Михай-

*) Англичанинъ *Карлейль*.

ловичъ былъ гораздо болѣе самодержавнымъ, чѣмъ его родитель. Дѣйствительно, мы, напримѣръ, не встрѣчаемъ при немъ такъ часто земскихъ соборовъ, какъ это бывало при Михаилѣ. При немъ земство поглощается государствомъ. Его царствованіе было временемъ полнаго развитія приказовъ и привязной администраціи и паденія областного самоуправленія, введеннаго, хотя и не повсемѣстно, Іоанномъ IV. Боярская дума при немъ потеряла всякое дѣйствительное значеніе; ей оставалось только безпрекословно исполнять то, что прикажетъ государь. Высшею правительственною инстанціей дѣлается учрежденный въ это же царствованіе Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, въ которомъ дѣла самыя важныя разсматривались подъ предсѣдательствомъ самого государя и который, по словамъ Котошихина, былъ учрежденъ съ тою цѣлью, чтобы царская мысль и дѣло исполнялись всѣ по *царскому хотѣнію*, а бояре и думные люди о томъ бы не вѣдали.

При Алексѣѣ же Михайловичѣ въ его Уложеніи впервые являются точно сформулированные законы, оберегающіе личность государя и обезпечивающіе государство отъ попытокъ къ государственнымъ переворотамъ, отъ повторенія событій смутной эпохи *)... Какъ Алексѣй Михайловичъ дорожилъ независимостью своей власти, достаточно обнаруживается въ его отношеніяхъ къ патриарху Никону **). Дорожа своею властью и славою могущественнаго государя у себя дома, онъ въ то же время дорожилъ этою славой и славою своего государства и въ чужихъ земляхъ. Приемъ иноземныхъ пословъ былъ для него большимъ праздникомъ; любилъ онъ разсылать и своихъ пословъ въ чужеземныя государства. Въ его царствованіе мы встрѣчаемъ нѣсколько такихъ посольствъ, отправленныхъ даже безъ особенной нужды.

За два года до своей смерти онъ, по примѣру Іоанна

*) См. глав. „о Государевой чести.“

***) См. главу о Синодѣ.

III, совершилъ дѣйствіе, имѣвшее большое государственное значеніе. Этимъ дѣйствіемъ онъ торжественно освятилъ установившійся уже въ Россіи порядокъ престолонаслѣдія. 1 сентября 1674 года въ Успенскомъ Соборѣ съ возвышеннаго мѣста, устланнаго персидскими коврами, царь „объявилъ“ народу своимъ наслѣдникомъ достигшаго совершеннолѣтія царевича Теодора. Для этого составленъ былъ особый обрядный чинъ съ приличествующими событію чтеніями изъ Евангелія, Апостола, пророчествъ; съ водоосвященіемъ и кропленіемъ св. водою; съ произнесеніемъ рѣчей отъ патріарха къ царю, отъ царя и царевича къ патріарху; съ поздравленіями отъ духовныхъ и мірскихъ людей, обращенными къ царю и царевичу, и съ обратнымъ поздравленіемъ отъ послѣднихъ къ „освященному собору“ (такъ называлось все высшее духовенство), къ „синклиту“ (боярская дума) и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Въ заключеніе былъ царскій пиръ. Въ ознаменованіе этого торжественнаго событія царь пожаловалъ всѣмъ служивымъ людямъ придачу къ ихъ окладамъ. Спустя два года Алексѣй Михайловичъ умеръ.

Изъ событій царствованія его преемника Теодора Алексѣевича въ исторіи самодержавія имѣетъ важное значеніе уничтоженіе мѣстничества. Мѣра эта, хотя и неокончательно, утвердила преимущество службы государю передъ породою, происхожденіемъ; она дала возможность Петру Великому нестѣсняться въ выборѣ себѣ вѣрныхъ, надежныхъ слугъ и помощниковъ.

Мы подошли теперь къ царствованію Петра Великаго. На этомъ царствованіи, которымъ заканчивается настоящая глава, остановимся подробнѣе.

Главное значеніе Петра Великаго заключается въ его преобразованіяхъ, посредствомъ которыхъ онъ ввелъ русскій народъ въ семью народовъ европейскихъ. Во многомъ закончивъ работу своихъ предшественниковъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ начала и для дальнѣйшаго развитія Россіи, какъ

страны европейской. Одинъ изъ его питомцевъ и сотрудниковъ, оплакивая кончину своего государя и благодѣтеля, очень мѣтко характеризуетъ дѣятельность великаго преобразователя слѣдующими словами: „сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, *все его началомъ имѣть; и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ*“. А сенатъ, поднося по заключеніи Ништадскаго мира Петру титулъ Великаго, отца отечества и императора, говорилъ въ своемъ постановленіи, что народъ русскій попеченіями и трудами Петра „на высшую степень благополучія и славы въ свѣтѣ произведенъ есть“. Такимъ образомъ вся дѣятельность Петра опредѣлялась двойною цѣлью: 1) сблизить Россію съ Европою, поставить ее въ умственномъ отношеніи въ одинаковый съ нею уровень; и 2) добиться для Россіи въ политическомъ отношеніи того положенія, къ которому вела ее вся предшествующая исторія и которое она въ правѣ была занимать, какъ представительница многочисленнаго славянскаго племени и восточной православной церкви, обладавшая притомъ обширнѣйшей и богатою естественными произведеніями территоріей. Словомъ, какъ выражается Карамзинъ, „его цѣлью было не только *новое величіе Россіи, но и совершенное присвоеніе обычаевъ европейскихъ*“. Забота о могуществѣ государства, о его политическомъ значеніи, была первою заботою Петра; ею и объединяется та двойная цѣль его, о которой мы сейчасъ сказали; все же остальное было только средствомъ къ достиженію этой высшей цѣли. Учрежденіе школъ, отправленіе молодыхъ людей за границу, устройство фабрикъ и заводовъ, проложеніе новыхъ путей сообщенія, установленіе того или другого учрежденія: все это дѣлалось для государства, для его политическаго могущества. Забота эта не была чужда и его предшественникамъ. И московское правительство понимало, что у

него не достаетъ правильнаго войска, безъ котораго плохо приходилось ему въ борьбѣ съ сосѣдями; что у него не доставало промышленности; что внѣшняя его торговля вся въ рукахъ иностранцевъ-монополистовъ; что у него нѣтъ ни медиковъ, ни инженеровъ; нѣтъ даже образованныхъ пастырей церкви; понимало оно также, что мало оно можетъ положиться на своихъ чиновниковъ. Все это понимало оно и принимало мѣры, но мѣры частныя и нерѣшительныя. Петръ же исполнялъ все это по строго обдуманному плану и приводилъ въ стройную систему. Въ этомъ собственно и заключается связь его дѣятельности съ дѣятельностью московскихъ царей.

Поставивъ себѣ опредѣленную цѣль сдѣлать Россію могущественной европейской державой и всецѣло подчинивъ свою личность выдвинутой имъ на первый планъ идеѣ государственнаго блага, — Петръ принялся за преобразованія, которыя, естественно, и сосредоточились преимущественно въ сферѣ государственной, въ управленіи, касаясь прочихъ сторонъ народной жизни только тамъ, гдѣ онѣ соприкасались съ государствомъ. За преобразование государства Петръ принялся при обстоятельствахъ крайне неблагопріятныхъ. Притомъ надо было торопиться во что бы то ни стало догнать сосѣдей въ культурныхъ успѣхахъ. И Петръ развилъ неимоверную, почти сказочную дѣятельность. Блестящую картину этой дѣятельности даетъ намъ одинъ изъ русскихъ историковъ *): „Какое движеніе, какая дѣятельность, живость во всѣхъ концахъ обширнаго царства! И что за разнообразіе! Здѣсь роятся въ горахъ и достаютъ руду; тамъ изъ руды куютъ желѣзо; дальше сверлятъ изъ желѣза стволъ, а еще дальше уже стрѣляютъ изъ новаго ружья. Вотъ выписаны овцы; вотъ онѣ расплодились; вотъ настрижено съ нихъ шерсти; вотъ вытвано изъ нея сукно въ только что отстроенной фабрикѣ; вотъ кроютъ новое, невиданное платье, и вотъ

*) *Погодинъ* въ своемъ соч. „О Петрѣ Великомъ“.

оно напяливается на горько плачущій народъ, у котораго только что выбрита борода. Здѣсь свапываютъ бугры; тамъ зарываютъ рвы, громоздятъ насыпи, мѣряютъ землю, выжигаютъ болото, валятъ лѣса, прорубаютъ засѣки; и при послѣднемъ взмахѣ лопаты, отбрасывающей остальной камень съ новой дороги, показывается вдали первый обозъ, который подъѣзжаетъ къ готовому сообщенію. Нынѣ исчисляется народъ и производится первый рекрутскій наборъ; завтра формируется армія и прямо съ ученія идетъ въ генеральную баталію: поутру побѣждена, а къ вечеру празднуетъ вѣкторію. Но вотъ понадобились люди,—и работники, какъ въ святочной игрѣ, отрываются отъ одного дѣла къ другому, перебѣгаютъ съ края на край. Каменщикъ выдается за топоръ; плотникъ спѣшитъ къ творилу; купецъ хватаетъ ружье; солдатъ садится передъ зеркало *), крестьянинъ на заводъ, помѣщикъ на корабль. Вдругъ нагрянули враги,—новая перемѣна: всѣ бѣгутъ къ нимъ навстрѣчу; кто съ поля, кто отъ станка, кто изъ суда, кто изъ лавки! Проводили незваныхъ гостей и опять всѣ по своимъ мѣстамъ, какъ ни въ чемъ не бывалые, принимаются за прерванное дѣло. Замололи жернова; заходилъ топоръ; запрыгали шестерни; пошли на службу и огонь, и вода, и воздухъ, и земля. Всѣ дѣлаютъ разное, мечутся безпрестанно изъ угла въ уголь, но никто не мѣшаетъ другъ другу; напротивъ, оказывается взаимная помощь, выходитъ ладъ... Какой же всемогущій чародѣй управляетъ всею совокупностью этихъ многочисленныхъ, разнородныхъ дѣйствій? Нѣтъ, не чародѣй, а гений, Петръ. Смотрите,—вонъ онъ стоитъ посреди широкаго поля, русскаго царства, рабочей своей палаты, между тысячами и тьмами своихъ работниковъ. Видите,—онъ выше всѣхъ ихъ на поларшина... Что такое свергаетъ въ рукѣ его, не волшебный

*) Намекъ на то, что вышедшіе изъ строя, напр. за ранами, офицеры получали мѣста въ коллегіяхъ.

ли жезль? Какъ горять его глаза, какъ движется все его тѣло! Смотрите,—какъ поворачиваетъ онъ головою направо и налѣво; какъ бросаетъ свои пронзительные взоры во всѣ стороны, и какъ работа вскипаетъ у русскаго человѣка тамъ, куда онъ оборачивается: и силы прибываетъ, и время увеличивается; часъ вырастаетъ днемъ, день вытягивается мѣсяцемъ, мѣсяць старѣетъ годомъ, трудное становится легкимъ, невозможное—возможнымъ... Смотрите, какъ, по его движеніямъ, то вдругъ на сѣверѣ изъ болота выскочитъ городъ; то на югѣ пустится по морю флотъ; то на западѣ встанетъ линия крѣпостей; то на востокъ скорымъ маршемъ выступитъ армія! Или вдругъ весь народъ обривается, переодѣвается, разлучается по сословіямъ, городамъ, по провинціямъ, по губерніямъ!.. Онъ самъ не свой; онъ помогаетъ, кажется, всякому работнику, присутствуетъ своимъ духомъ во всякой работѣ! Какъ жарко принимаетъ онъ въ сердцу всякую удачу и неудачу! Удовольствіе и досада ежеминутно перемѣняются на лицѣ его. Онъ видитъ все: вотъ въ городѣ не достроена башня; вотъ въ арміи не комплектенъ полкъ; вотъ на кораблѣ покривилась мачта; вотъ на фабрикѣ спился наемный нѣмецъ! Онъ бросается стремглавъ съ своего мѣста, хватается за топоръ, долото, за кормило; выкидываетъ артикуль, строить, чинить, ломаетъ; сыплются награды и наказанія; снаряжаются ассамблеи и экзекуціи; гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость...

Чего здѣсь нѣтъ? И трагедія, и комедія, и романъ, и исторія, и волшебная сказка“...

Первоначальныя, главныя средства для осуществленія задуманныхъ плановъ дала Петру Великому природа и исторія. Первая наградила его богатыми умственными силами, получившими притомъ правильное развитіе и направленіе: пронизательностью, неизсякаемою энергіей и желѣзною силою воли; а вторая выработала въ подвластномъ ему народѣ, для

блага котораго онъ жилъ и трудился, безрѣдѣльное терпѣніе, рѣдкую выносливость и покорность предъ волею государя, доходящую до благоговѣнія. Словомъ, какъ говоритъ Карамзинъ, „въ необыкновенныхъ усиліяхъ Петровыхъ видимъ мы всю твердость его характера и власти самодержавной“. Благодаря этой исторически сложившейся „твердости власти самодержавной“ Петру удалось, не безъ труда, конечно,—такъ какъ дѣло шло о переломѣ многихъ вѣками созданныхъ привычекъ,—напречь всѣ силы народныя для государственной работы, а благодаря своему проникательному и практическому уму—угадывать, что именно необходимо для государства въ тотъ или другой моментъ; что можетъ быть сдѣлано и пущено въ ходъ во-время и какія именно мѣры для этого должны быть приняты. Петру Великому часто приходилось прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Но эти крутыя мѣры вызваны были необходимостью: надо было или сейчасъ же войти въ общее движеніе европейскихъ государствъ, или отказаться отъ этого навсегда. Одна уже мысль о необходимости завладѣть побережьемъ моря, получавшаго теперь такое же значеніе, какое принадлежало прежде средиземному морю, должна была заставить торопиться. Дѣло Петра, требовавшее такого необычайнаго напряженія народныхъ силъ, разумѣется, не могло не возбудить противъ него вражды, особенно среди тѣхъ классовъ общества, которые отличались наибольшою привязанностью къ старинѣ: среди простого народа и среди духовенства. Но вражда эта имѣла временный характеръ, и Петръ ею не очень стѣснялся. Все таки ему пришлось выдержать борьбу. Народъ можно было заставить идти въ томъ или иномъ направленіи; духовенство же сначала надо было побѣдить. Эта побѣда удалась Петру *), Отмѣною патріаршества и учрежденіемъ синода онъ подчинилъ церковь и духовенство верховной власти, и среди само-

*) Подробности см. въ главѣ о Синодѣ.

го же духовенства сумѣлъ отыскать себѣ дѣятельныхъ и талантливыхъ помощниковъ въ лицѣ, напримѣръ, Теофана Прокоповича и другихъ. Но для того, чтобы всѣ силы народа направить на одну работу, этого было еще недостаточно; нужно было выполнить еще двѣ весьма важныя задачи, чтобы работа эта шла стройно и дружно, чтобы результаты отъ нея получались именно тѣ, какія требовались. Нужно было: 1) организовать государственную службу, положивъ въ основу ея то именно начало, какимъ руководился и самъ государь, т. е. самоотверженное служеніе идеѣ государственнаго блага; и 2) устроить какъ центральное, такъ и мѣстное управленіе такимъ образомъ, чтобы не было той путаницы и воловиты, которыя такъ свойственны Руси Московской; чтобы во всѣхъ дѣлахъ и по всей Россіи государственное дѣло творилось законно и правильно, соотвѣтственно основной идеѣ государственнаго управленія, и въ то же время быстро.

До Петра Великаго у насъ не существовало дворянства въ смыслѣ отдѣльнаго сословія, общественной группы, члены которой связаны были бы сознаниемъ единства общесловныхъ интересовъ и были бы надѣлены особыми правами, въ отличіе отъ другихъ общественныхъ классовъ. Положимъ, полного равенства между членами древнерусскаго общества не существовало; но не было и сословій „привилегированныхъ“. Были только царскіе чиновные люди, надѣленные землями и крѣпостными людьми, имѣвшіе общую повинность—обязательную службу государству; но честь каждаго изъ нихъ была различна и коренилась не въ принадлежности къ одному и тому же сословію, а въ породѣ, а затѣмъ въ большей или меньшей близости къ престолу. Поэтому несмотря на общность повинности (обязательной службы государству) и на общность интереса (владѣнія крестьянами и землею), царскіе чиновные люди не составляли одинаго сословія: бояринъ не имѣлъ ничего общаго съ окольнымъ, окольнымъ

съ думнымъ дворяниномъ, дворянинъ съ сыномъ боярскимъ и т. д.

Петръ Великій, сводя всѣ разрозненные элементы общества въ группы, собралъ въ одно цѣлое и царскихъ чиновныхъ людей и вообще все служилое сословіе, подъ общимъ названіемъ шляхетства *). Относительно іерархическаго повышенія членовъ этого сословія Петръ развилъ то начало, тотъ принципъ, который пробивался при его предшественникахъ и который удачно выражается словами: „всѣ живутъ государевымъ жалованьемъ“, т. е. теперь навсегда утверждается правило: при назначеніяхъ и повышеніяхъ обращать вниманіе не на породу, а на *служебную идность* лица. Какъ однако сильно вкоренился въ нравы русскихъ людей прежній, старинный взглядъ на службу, видно изъ того, что даже послѣ официальной отмѣны мѣстничества при Θεодорѣ Алексѣевичѣ, Петръ въ 1719 г. принужденъ былъ напомнить объ этой отмѣнѣ новымъ указомъ, такъ какъ „за мѣста между совѣтниками коллегій предусматривалось быть неудовольству, и оттого и въ дѣлахъ безсоюзство и многія разности (презерванія)“. Такимъ образомъ, какъ видимъ, обычай мѣстничества послѣ официальной его отмѣны исчезъ не сразу. Когда явно нельзя было мѣстничаться, служилые люди уклонялись отъ „невмѣстныхъ“ по ихъ расчетамъ назначеній. Петръ покончилъ съ этимъ зломъ: отнынѣ всѣ должны были служить и служить тамъ, куда будутъ опредѣлены царемъ. Опредѣляя же къ мѣстамъ, Петръ ставилъ для себя обязанностью прежде всего заботиться объ интересахъ государства и сообразоваться со способностями того или другого лица, съ его служебною годностью. Такъ, назначая бѣднаго, неродовитаго и еще молодого, но способнаго и образованнаго Неплюева на важный постъ резидента при Константинопольскомъ дворѣ, Петръ говорилъ ему: „не кланяйся, я вамъ отъ Бога при-

*) Терминъ „дворянство“ входитъ въ употребленіе только съ Екатерины II.

ставникъ, а должность моя смотрѣть того, чтобъ *недостойному не дать, а у достойнаго не отнять*; буде хорошъ будешь, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь, а буде худъ, такъ я истецъ: ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, *чтобы злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать*“.

Петръ сталъ брать къ себѣ людей, не считаясь не только съ породою, но даже и съ національностью; бралъ единственно за ихъ служебную годность. Такимъ образомъ, старыя чины (боярина, окольникъ, стольника и проч.) и старыи способъ назначенія на мѣста стали сами собою постепенно исчезать. Но окончательно упразднить вліяніе на государственную службу породы, водворить начало служебной годности лица и дать возможность каждому даровитому человѣку выдвинуться впередъ, каковы бы ни были его родъ и племя, Петру удалось посредствомъ *табели о рангахъ*, обнародованной въ 1722 г. и составленной съ помощью имѣвшагося у Петра расписанія чиновъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ (главнымъ образомъ Пруссіи и Даніи). Она мѣшала дворянству замѣниться въ касту и допускала приливъ въ него свѣжихъ силъ изъ народа, водворяя въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ перевѣсъ чина надъ породою. Кроме того, дворянство могло быть и пожаловано монархомъ. Отъ народа оно отличалось самымъ качествомъ своихъ обязанностей къ государству. Народъ тянулъ черную работу,—шляхетство служило и училось. Народъ платилъ подать и несъ рекрутчину,—шляхетство распредѣлялось по полкамъ и канцеляріямъ и отдавалось въ школу; чрезъ службу оно дѣлалось благороднымъ, а чрезъ обученіе образованнымъ, и въ немъ благодаря этому мало-по-малу начинало развиваться сознание общесословнаго единства, сословной чести. Внутри себя оно раздвояется на аристократію и на дворянство рядовое, мелкое. Но это были его внутреннія отношенія. Въ отношеніяхъ же къ

народу оно сплочивалось и замыкалось въ отдѣльную общественную группу, противопоставившую себя народу, — въ группу людей „благородныхъ“. Прежде „благороднымъ“ было только царское семейство, всѣ же остальные — холопы царя; съ Петра же для царскаго семейства употребляется терминъ „благовѣрный“, а терминъ „благородный“ предоставляется дворянству. Оттуда и обращенія: „ваше благородіе“ и „ваше высокоблагородіе“ по отношенію къ дворянамъ и „Ваше Величество“, „Ваше Высочество“ по отношенію къ государю и членамъ его семейства. Что касается простого народа, то его отнынѣ долгое время будутъ называть „подлымъ“, конечно, не въ томъ смыслѣ, какой слово это имѣетъ теперь, а въ смыслѣ „низкій по происхожденію“.

Для иллюстраціи того, что произошло теперь съ боярствомъ, нѣкогда такъ тормозившимъ развитіе единой державы и самодержавія, достаточно привести два разнородныхъ факта. Въ 1692 г. вн. Ромадановскій жаловался царямъ на Шеина, что онъ-де назвалъ князя „малогороднымъ челоувѣкомъ и худымъ князешкой“, а въ 1722 г. гр. Долгорукій, родовитый дворянинъ, жаловался Петру на Ромадановскаго за „учиненный аффронтъ характеру *дѣйствительнаго тайнаго совѣтника*.“ Лучшее всего окончательное прикрѣпленіе служилаго сословія къ интересамъ самодержавія обнаруживается въ слѣдующемъ наставленіи Василія Татищева сыну, въ его „духовной“:

„Въ службѣ государю и государству долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ; такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной, прилежать и государю, яко отъ Бога поставленной надъ тобою власти, честь и повиновеніе отдавать, яко и Господь самъ учитъ: „воздаждь Богу божіе, а царю царево.“ Апостоль Павелъ повелѣваетъ властямъ повиноваться такъ за очи, какъ въ очи, равно какъ самому Богу; Апостоль же Петръ и то изъяс-

няеть, еже раби 'должны повиноватися властемъ, не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. Посему, если случится на тебя гнѣвъ государевъ, не злбствуй на него, но приѣми со благодареніемъ, яко отъ Бога посланное наказаніе. Главное же повиновение въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи, яко тотъ-же Павелъ поучаетъ рабовъ: „въ онъ же и звани бысте, во единомъ тѣмъ и благодарни бывайте“.

Въ 1711 г. боярская дума была замѣнена другимъ высшимъ центральнымъ учрежденіемъ, сенатомъ. Въ 1718 г. административныя функціи его переходятъ къ коллегіямъ, но за нимъ всетаки остается высшій контроль надъ прочими органами администраціи и отчасти надзоръ надъ коллегіями судебными. Самъ сенатъ ставится подъ строгій надзоръ со стороны генераль-прокурора. Коллегіальныя учрежденія должны были, по мысли Петра, водворить въ народѣ уваженіе къ закону, укрѣпить основы самодержавной власти, внести прочную систему въ государственное управленіе. Въ областномъ, или мѣстномъ управленіи вмѣсто самоуправленія отъ земства вводится самоуправленіе отъ одного сословія: вмѣсто губныхъ старостъ теперь „вѣдаютъ съ воеводы всякія дѣла дворяне,—тѣхъ городовъ помѣщики, добрые и знатные люди“. Эти дворянскіе засѣдатели избираются изъ мѣстнаго дворянства самимъ же воеводою. Съ 1708 году вводятся губерніи; воеводы подъ именемъ комендантовъ и оберъ-комендантовъ подчиняются губернаторамъ, а тѣ въ свою очередь коллегіямъ, которыя слѣдятъ за ихъ дѣятельностью черезъ полковниковъ, опредѣленныхъ въ уѣзды для расквартированія и продовольствія войскъ. Вводятся наконецъ фискалы. Словомъ, устанавливается въ управленіи самая строгая централизація и самый строгій контроль. Въ то же время государство принимаетъ на себя заботу о всѣхъ, даже мало-

важныхъ, потребностяхъ жизни народа, особенно въ сферѣ бытовой и политической, и регламентируетъ ихъ.

Подводя итогъ всему сказанному о дѣятельности Петра Великаго, мы должны сказать, что онъ выполнилъ ту задачу, которую возложила на него предшествовавшая исторія русскаго народа: 1) развитіе самодержавія было завершено; 2) русскій народъ былъ сближенъ съ Европой; 3) Россія заняла среди европейскихъ государствъ подобающее ей мѣсто и обратилась изъ полуазиатской страны въ могущественную европейскую державу.

Когда Русь собралась около Москвы и власть Московскаго князя стала выше власти всѣхъ остальныхъ князей, Московскій *великій князь* обратился въ *великаго князя всея Руси*; въ половинѣ XVI в. власть его дѣлается не только единодержавною, но и самодержавною, и внѣшнимъ образомъ это выражается замѣною прежняго титула новымъ, титуломъ *царя*. Теперь, когда развитіе единодержавія и самодержавія завершилось и, главное, когда русское государство получило значеніе влиятельной и могущественной политической силы среди другихъ государствъ Европы,—прежній титулъ представлялся недостаточно выразительнымъ, не соответствующимъ обстоятельствамъ. Въ 1721 г. послѣ окончанія Сѣверной войны (важнѣйшей изъ всѣхъ войнъ, когда либо веденныхъ Россіей, и потому названной великою), русскій государь принялъ титулъ *императора*, а Россія изъ допетровской Московіи обратилась въ Россійскую Имперію.

Петръ такъ былъ убѣжденъ въ своихъ правахъ на новый титулъ, что и не пытался дѣлать изъ него вопроса международной политики, а ограничился лишь сообщеніями чрезъ пословъ своихъ о совершившемся фактѣ... А фактъ этотъ, одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ въ нашей исторіи, совершился быстро и просто. Наканунѣ дня, назначеннаго для официального празднованія заключеннаго со Швеціей мира

(22 окт. 1721 г.), сенатъ постановилъ: поднести Петру I титулъ Императора, Отца отечества и Великаго. Постановленіе сената, одобренное синодомъ, торжественно было вручено государю на его благоусмотрѣніе, а 22 октября, т. е. на другой день послѣ обѣдни въ Троицкомъ соборѣ и послѣ проповѣди Теофана Прокоповича о благодѣяніяхъ, содѣланныхъ Петромъ для Россіи, ему поднесенъ былъ титулъ отъ лица всего государства Россійскаго, отъ всѣхъ его вѣрныхъ подданныхъ, „изъ тьмы невѣжества,—какъ говорилъ въ своей привѣтственной рѣчи канцлеръ Головкинъ,—на театрѣ славы всего свѣта, изъ небытія въ бытіе произведенныхъ и въ общество политическихъ народовъ присовокупленныхъ“ ...

Какъ отнеслась къ этому событію Европа? Пруссія и Голландія немедленно признали новый титулъ русскаго царя, но не такъ поступили другія державы. Въ Вѣнѣ, когда нашъ посланникъ Ланчинскій въ торжественной аудіенціи заявилъ императору о принятіи Петромъ I императорскаго титула, Карлъ VI пробормоталъ какія то невнятные слова, а канцлеръ и другіе министры, подъ разными предлогами, уклонились дать прямой отвѣтъ. Во Франціи регентъ Филиппъ Орлеанскій сказалъ нашему послу, князю Долгорукову: „если бы это дѣло зависѣло отъ меня, то я бы исполнилъ желаніе Его Величества; но дѣло такой важности, что надо о немъ подумать“. Въ Польшѣ отвѣчали, что согласны признать новый титулъ, только подъ условіемъ, чтобы Петръ письменно обязался за себя и своихъ преемниковъ не имѣть никакихъ притязаній на русскія области, находящіяся подъ польскимъ владычествомъ. Данія соглашалась признать Петра императоромъ съ условіемъ обезпеченія за нею Шлезвига, или, по крайней мѣрѣ, удаленія герцога Шлезвигъ-Голштинскаго изъ Россіи. Со стороны другихъ державъ также встрѣтились различныя затрудненія и проволочки. Приходилось оставить ихъ въ покоѣ и предоставить обстоятельствамъ выяснить все

значеніе и могущество новой Россіи. Оно таѣмъ и случилось. Скоро Европа принуждена была примириться съ совершившимся фактомъ, съ созданиемъ Россійской Имперіи. Признаніе новаго титула со стороны Швеціи послѣдовало въ 1723 г., Турціи—1739 г., Англіи и Австріи—1742 г., Франціи и Испаніи—1745 г. и, наконецъ, Польши—1764 г.

Закончившая свое развитіе при Петрѣ I неограниченная единодержавная власть русскаго государя получила при немъ и законодательное опредѣленіе. Въ „Воинскихъ Артикулахъ“ Петра Великаго говорится: „Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отчета дать не долженъ, но силу и власть пишетъ свои государства и земли яко христіанскій государь по своей волѣ и благомыслию управлять“. А Екатерина II въ своемъ Наказѣ старалась и мотивировать необходимость для Россіи самодержавной власти: „Государь—говоритъ она—есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства“. Она же объясняетъ и назначеніе самодержавной власти: „Какой предлогъ (назначеніе) самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобы у людей отнять ихъ естественную вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направить въ полученію самаго наибольшаго добра отъ всѣхъ“.

Вопросы для усвоенія прочитаннаго.

I. Русь Ніевская.

1. Установленіе удѣльной системы, ея значеніе въ русской исторіи и характеръ отношеній между князьями. Причины усобицъ.

2. Попытки великихъ князей: а) установить старшинство въ одной линіи, и в) обратить удѣльныхъ князей въ „подручниковъ“. Владимір Мономахъ.

3. Положеніе древнерусскаго князя въ управляемой имъ волости (дань, управленіе, судъ, защита, уставъ земскій).

II. Русь Оуздальская.

1. Паденіе родовыхъ отношеній между князьями, ихъ обособленіе въ связи съ колонизаціей сѣверовосточной Руси.

2. Вотчинный характер княжеской власти и различіе между Русью сѣверовосточной и южной.

3. Главные моменты въ развитіи княжеской власти:

а) дѣятельность Андрея Боголюбскаго. Историческое значеніе этого князя („государственный стремленія“).

б) Побѣда, одержанная „пригородомъ“ Владиміромъ надъ старыми городами, Ростовомъ и Суздалемъ, и причины ея. Роль народа въ княжескихъ усобицахъ.

с) Всеволодъ III Миродержецъ („Большое гнѣздо“). Присяга народа его дѣтямъ и историческое значеніе этой присяги. Могущество суздальскихъ князей и его причины.

д) Татарскій погромъ (1238 г.) и дѣятельность великаго князя Ярослава.

е) Александръ Невскій и симпатія народа къ его потомству. Борьба между Москвою и Тверью.

III. Русь Московская.

1. Причины возвышенія Москвы и главные его моменты. Завѣщаніе Іоанна Калиты потомству („за одинъ“).

2. Димитрій Донской и значеніе Кулиновской битвы. Укрѣпленіе въ народѣ сознанія въ необходимости единой государственной власти.

3. Развитіе самодержавія при Іоаннѣ III, Василіи III, Іоаннѣ IV. Положеніе боярства. Мѣры для его закрѣпленія, созданныя Іоанномъ IV („поручныя“ и „крѣстоцѣловальныя“ записки и опричнина).

4. Смутная эпоха, заслуга патріарха Филарета.

5. Укрѣпленіе верховной власти при Алексѣѣ Михайловичѣ (Приказъ тайныхъ дѣлъ) и сильное развитіе централизаціи въ государственномъ управленіи.

IV. Эпоха Петра Великаго.

1. Цѣль его дѣятельности.

2. Связь ея съ дѣятельностью предшественниковъ.

3. Новая идея, привнесенная Петромъ I (идея о *государствѣ*).

4. Обстоятельства, способствовавшія осуществленію его плановъ.

5. Причины, оправдывающія крутой характеръ преобразованій.

6. Мѣры Петра I, имѣющія особое значеніе въ исторіи самодержавія:

а) Новая постановка государственной службы (табель о рангахъ) и созданіе шляхетства, какъ сословія.

б) Подчиненіе церкви государству (Синодъ).

с) Развитіе централизаціи въ управленіи (коллегіи и Сенатъ).

II.

Государственный Совѣтъ.

Въ порядкѣ государственныхъ установленій, совѣтъ составляетъ сословіе, въ коемъ всѣ части управленія, въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству, соображаются, и чрезъ него восходятъ къ верховной власти.

Сводъ законовъ.

Государственный Совѣтъ, какъ установленіе, предназначенное, главнымъ образомъ, для цѣлей *законодательныхъ*, есть учрежденіе совершенно новое, соответственнаго которому мы не найдемъ ни въ допетровской Руси, ни въ исторіи XVIII вѣка. Въ допетровскій періодъ нашей исторіи высшимъ центральнымъ учрежденіемъ была Боярская Дума, дѣятельность которой имѣла смѣшанный характеръ: она подавала свое мнѣніе по всякимъ дѣламъ, подлежащимъ личному разрѣшенію царя, вмѣстѣ съ нимъ устанавливала новые законы и въ то же время „думала“ о разныхъ правительственныхъ мѣрахъ; ея разсмотрѣнію подлежали вообще всѣ дѣла, требовавшія царскаго рѣшенія или утвержденія и потому кругъ этихъ дѣлъ былъ весьма неопредѣленъ. Въ думѣ обсуждались и законодательные вопросы, и административныя дѣла, и въ то же время она является установленіемъ судебнымъ. Такъ же неопредѣленна была и степень власти думы: инныя дѣла рѣшались ею самостоятельно, другія съ утвержденія государя.

Когда власть русскаго государя достаточно окрепла, старинный обычай совѣщаться съ боярами превратился. Уже

Алексѣй Михайловичъ сильно умалилъ значеніе боярской думы учрежденіемъ Приказа тайныхъ дѣлъ, а при Петрѣ I боярская дума окончательно лишилась стариннаго своего значенія, уступивъ мѣсто Ближней Канцеляріи Его Царскаго Величества, преобразованной въ 1719 году въ ревизіонъ-коллегію. Въ 1711 г. явился сенатъ, который отличался тѣмъ же смѣшаннымъ и неопредѣленнымъ характеромъ, сосредоточивая въ себѣ разные виды власти. Затѣмъ въ теченіе бурнаго XVIII-го вѣка, при преемникахъ Петра I является цѣлый рядъ совѣтовъ, быстро смѣняющихъ другъ друга и умалюющихъ, пока они существуютъ, значеніе сената. Первымъ изъ нихъ по времени былъ Верховной Тайный Совѣтъ, учрежденный въ 1726 г. при Екатеринѣ I.

Въ подобномъ совѣщательномъ учрежденіи давно чувствовалась нужда. Еще Петръ Великій, учреждая должность генераль-прокурора, стремился создать органъ, долженствовавшій быть связующимъ звеномъ между верховною властью и сенатомъ. При супругѣ Петра оказалось весьма неудобнымъ существованіе личнаго посредника, главнымъ образомъ въ виду счетовъ партій, которыя рѣзко обозначились еще при жизни великаго преобразователя, а теперь энергично боролись за преобладаніе. Самимъ сторонникамъ Екатерины удобнѣе было объединиться въ совѣщательномъ учрежденіи. Кромѣ того, люди старые, родовитые, не сочувствовавшіе преобразованіямъ, волей-неволей смирялись при царѣ, хотя хорошо помнили о своихъ старыхъ правахъ. Они ждали смерти царя и воцаренія его юнаго внука Петра II, надѣясь забрать въ свои руки управленіе государствомъ. Понятно ихъ раздраженіе, когда имъ пришлось привѣтствовать воцареніе императрицы Екатерины I, за которой стояли ненавистные имъ сторонники реформъ, „худородные“ люди съ Меншиковымъ во главѣ. Пользуясь благоприятными обстоятельствами,—именно непопулярностью Екатерины I и симпатіями народа въ Петру II,

а также и тѣмъ, что большое украинское войско задисло отъ воли ихъ единомышленника князя Голицына,—они начали оказывать давленіе, и Екатерина I волей-неволей пришлось уступить, допустивъ ихъ въ совѣтъ, который долженъ былъ быть при особѣ государя, и въ которомъ давно уже была нужда. Такимъ образомъ верховный тайный совѣтъ учрежденъ былъ (несмотря на протесты сената) въ пользу родовой и чиновной олигархіи; онъ въ известной степени давалъ выходъ стремленіямъ къ власти и стараго родовитаго и новаго „худороднаго“ дворянства, между которыми шла упорная борьба *). И это учрежденіе отличалось отъ нынѣшняго Государственнаго Совѣта своимъ неопредѣленнымъ характеромъ. Трудно даже опредѣлить, какія именно дѣла долженъ былъ вѣдать совѣтъ; вообще же онъ стремился сосредоточить въ своихъ рукахъ все управленіе, даже въ большей степени, чѣмъ это было въ сенатѣ. Сначала было объявлено, что верховный совѣтъ будетъ заниматься исключительно важнѣйшими государственными дѣлами, но скоро онъ началъ вмѣшиваться во всѣ части управленія, лишая въ то же время сенатъ участія въ тѣхъ вопросахъ, которые подлежали прежде его непосредственному вѣдѣнію. Даже судебная власть не ушла отъ его вліянія. Но вскорѣ это учрежденіе, задумавшее ограничить въ свою пользу монархическую власть, было уничтожено императрицей Анной Иоанновной и въ 1731 году его мѣсто занялъ Кабинетъ, организованный по проекту Остермана „для лучшаго и порядочнаго управленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ и пользы подданныхъ“. Кабинету предоставленъ былъ надзоръ за теченіемъ дѣлъ въ государственныхъ установленіяхъ; сенату, синоду, коллегіямъ и канцеляріямъ приказано было подавать ежемѣсячные рапорты въ

*) О верховномъ тайномъ совѣтѣ см. въ соч. проф. Филиппова „Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета“ ч. 1-я. Юрьевъ. 1895 г.

кабинетъ о производящихся въ нихъ челобитническихъ дѣлахъ. Затѣмъ вѣдѣнію кабинета подчинены были и другія дѣла, преимущественно финансоваго характера, какъ на примѣръ дѣла о комплектованіи арміи, о рекрутскомъ наборѣ, о цѣнахъ на хлѣбъ, по ревизіи кривс-коммиссаріата и провіантской конторы и проч.

Императрица Елизавета Петровна возстановила сенатъ въ его прежней силѣ и власти, но и при ней сенатъ встрѣтилъ соперника въ новомъ учрежденіи: въ 1741 г. появилась Конференція при Высочайшемъ дворѣ, вѣдѣнію которой были подчинены вопросы внѣшней политики, но иногда разсмотрѣнію ея поручались и нѣкоторыя дѣла по внутреннему управленію. При императорѣ Петрѣ III Конференція была замѣнена Совѣтомъ при Высочайшемъ дворѣ, который однако не успѣлъ получить опредѣленнаго устройства, такъ какъ вскорѣ послѣдовало воцареніе императрицы Еватерины II.

Въ первый же годъ ея царствованія графъ Н. И. Панинъ, указывая на непрочность всѣхъ учрежденій послѣ Петра I-го и объясняя это тѣмъ, что „въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала больше сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ“, предложилъ учредить подъ именемъ Императорскаго Совѣта „верховное мѣсто *legislativi* или законоданія, которое оградить самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя“. Проектъ Панина былъ принятъ Еватериною II; были даже назначены члены совѣта и соотвѣтствующій манифестъ подписанъ, но затѣмъ императрица отъ осуществленія этого проекта отказалась. Тѣмъ не менѣе въ первые годы ея царствованія, обыкновенно два раза въ недѣлю, происходили совѣщанія приближенныхъ къ ней лицъ, а въ 1769 г. учрежденъ былъ Совѣтъ при Высочайшемъ присутствіи, просуществовавшій до императора Александра I. Прямымъ его назначеніемъ было завѣдованіе дѣ-

лами, имѣвшими связь съ многочисленными войнами времени Екатерины II. Но по связи военныхъ дѣлъ съ другими вопросами администраціи, на разсмотрѣніе его передавались и разные вопросы внутренняго управленія.

Всѣ перечисленные высшія учрежденія не могутъ считаться первообразами Государственнаго Совѣта, который отличается отъ нихъ точнымъ, опредѣленнымъ характеромъ своей дѣятельности и предметовъ своего вѣдомства. Только въ проектѣ Н. И. Панина мы находимъ попытку осуществить ту идею, которая впоследствии послужила основаніемъ для установленія Государственнаго Совѣта.

Но всѣ эти попытки создать особое высшее учрежденіе совѣщательнаго характера свидѣтельствуютъ о томъ, что въ немъ была настоятельная необходимость и что сенатъ не могъ одинъ выполнять всѣ возложенныя на него его учрежденіемъ задачи.

Въ царствованіе Императора Александра I вопросъ объ учрежденіи совѣта былъ снова поднятъ. Императоръ Александръ I въ первую половину своего царствованія чувствовалъ вообще большую склонность къ различнымъ преобразованіямъ. Почти съ первыхъ же дней по вступленіи на престолъ онъ принялся за эти преобразованія, желая поставить внутреннюю политику „по закону и по сердцу“ покойной государыни Екатерины II. Онъ возстановилъ жалованную грамоту дворянству и городское положеніе, издалъ указъ о свободномъ пропускѣ за границу, дозволилъ ввозить въ Россію иностранныя книги и открывать частныя типографіи. Затѣмъ государь приступилъ къ переустройству центральныхъ учрежденій, которыхъ не коснулась преобразовательная дѣятельность императрицы Екатерины II. Манифестомъ 8 сентября 1802 г. опредѣлено было значеніе сената, какъ высшей судебной инстанціи, имѣвшей въ то же время обязанность разсматривать дѣянія министровъ и докладывать о нихъ госу-

дарю; тѣмъ же манифестомъ введены были и министерства. Еще раньше, въ 1801 г., образованъ былъ Непремѣнный Совѣтъ, вскорѣ получившій названіе Государственнаго. Первоначально онъ не имѣлъ точнаго устава. Только въ 1810 г. явилось „учрежденіе Государственнаго Совѣта“, выработанное графомъ Сперанскимъ и находящееся въ связи съ его обширнымъ „планомъ государственнаго преобразованія“, въ которомъ приведены были въ систему всѣ идеи, съ 1801 г. занимавшія государя. Цѣль этого „плана“ состояла въ томъ, чтобы „посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствию сей власти болѣе достоинства и истинной силы“. Колоссальный планъ Сперанскаго, въ которомъ проектировалось множество измѣненій во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія, по разнымъ причинамъ не былъ осуществленъ во всей своей полнотѣ и преобразованія коснулись только Государственнаго Совѣта, министерствъ и сената.

Государственный Совѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ существовалъ онъ въ первые годы царствованія императора Александра I, представлялъ учрежденіе, не имѣвшее ни опредѣленной роли и круга дѣйствій, ни значительнаго вліянія. Сперанскій задумалъ расширить его значеніе и дать ему „публичныя формы“. Въ одной изъ своихъ записокъ онъ указываетъ на два обстоятельства, дѣлавшія по его мнѣнію преобразование старыхъ учрежденій необходимымъ: во-первыхъ, положеніе нашихъ финансовъ, требовавшее непременно новыхъ и значительныхъ налоговъ и, во-вторыхъ, дошедшее до послѣдней степени безпорядка смѣшеніе въ сенатѣ дѣлъ суда и управленія. Относительно перваго Сперанскій писалъ: „налоги тягостны бываютъ особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому съ очевидностью и подробностью доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно, очевидность сію должно замѣнить убѣжденіемъ въ томъ, что не дѣйствіемъ

произвола, но: точно необходимостью, признанною и представленною отъ Совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ власть державная сохранить къ себѣ всю цѣлость народной любви, нужной ей для счастья самого народа; она охранить себя отъ всѣхъ неправыхъ нареканій, заградить уста злонамѣренности и злословію, и самыя налоги не будутъ казаться столь тягостными съ той минуты, когда признаны будутъ необходимыми". Относительно смѣненія суда и управленія онъ говоритъ, что въ этомъ отношеніи исправленій отлагать больше нельзя, и что сдѣлать ихъ слѣдуетъ отдѣленіемъ известной части управленія и назначеніемъ для нея особеннаго порядка. Такимъ образомъ въ основаніи проекта Сперанскаго лежала заимствованная съ Запада известная еще въ XVIII в. идея раздѣленія властей: законодательной, административной и судебной, а ближайшими „предлогами“ для образованія Государственнаго Совѣта являлись: 1) разсмотрѣніе проекта гражданскаго уложенія, часть котораго была къ тому времени окончена Сперанскимъ, и 2) финансовыя дѣла. Главнымъ же мотивомъ къ изданію „учрежденія Государственнаго Совѣта“ выставлялось стремленіе правительства утвердить и распространить единообразіе и порядокъ въ государственномъ управленіи. Новое учрежденіе должно было, по мнѣнію законодателя, удовлетворить сознаваемой потребности: „утверждать постепенно образъ управленія на твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона“; его назначеніе—установить и обезпечить въ государственномъ управленіи законность; главный предметъ его вѣдомства—*дѣла законодательныя*.

Мысль о такомъ государственномъ совѣтѣ могла явиться только послѣ предварительныхъ и коренныхъ реформъ въ нашемъ внутреннемъ управленіи. Со времени Екатерины II начинается постепенное выдѣленіе разныхъ властей, прежде безразлично соединенныхъ въ сенатѣ. При ней законодательное значеніе сената умалается и онъ дѣлается высшимъ вс-

нолительнымъ и судебнымъ учрежденіемъ. Въ 1802 г. высшая исполнительная власть получаетъ свою особую организацію въ видѣ министерствъ. Такимъ образомъ двѣ власти: исполнительная и судебная специализировались; естественно, что и для третьей—законодательной потребовался особый органъ. Такимъ органомъ и явился Государственный Совѣтъ, въ которомъ „всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются и потомъ дѣйствіемъ верховной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію“. Кроме того, на предварительное его разсмотрѣніе должны были представляться еще слѣдующіе предметы: во-первыхъ, всѣ случаи, требующіе новыхъ законовъ, отмѣны, измѣненія или разъясненія прежнихъ и мѣры для успѣшнаго ихъ исполненія; далѣе, общія внутреннія мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ; объявленіе войны, заключеніе мира и подобныя внѣшнія мѣры, когда онѣ по обстоятельствамъ могутъ подлежать предварительному обсужденію; ежегодныя смѣты государственныхъ расходовъ и доходовъ и чрезвычайныя финансовыя мѣры; наконецъ, отчеты министровъ по ихъ управленіямъ.

Новый государственный совѣтъ былъ открытъ въ особомъ торжественномъ собраніи 1 января 1810 г. рѣчью государя. Эта рѣчь была исполнена чувства, достоинства и возвышенныхъ, гуманныхъ идей. Затѣмъ Сперанскій, въ качествѣ государственнаго секретаря, прочелъ манифестъ объ образованіи Совѣта, положеніе о немъ, списокъ вновь назначенныхъ членовъ и чиновниковъ.

Въ слѣдующемъ году Сперанскій въ своемъ общемъ отчетѣ государю за 1810 г. слѣдующемъ образомъ отзывается о новомъ учрежденіи:

„Излишне было бы изображать пользу сего установленія. Приводя его въ движеніе и поддерживая личнымъ Вашимъ дѣйствіемъ, Ваше Величество лучше другихъ можете

объять все его влияние на общее благоустройство. Советъ учреждень, чтобы власти законодательной, дотогъ разсѣянной и разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и однообразія. Въ самомъ отношеніи онъ исполнилъ свое предназначеніе. Никогда въ Россіи законы не были разсматриваемы съ большею зрѣлостью, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ большею свободою, такъ же какъ и никогда, должно правду сказать, самодержецъ не внималъ ей съ большимъ терпѣніемъ“.

Сперанскому пріятно было доказывать пользу новаго учрежденія, тѣмъ болѣе, что въ обществѣ были лица, недовѣрчиво относившіяся въ преобразованіямъ; въ ихъ числѣ былъ и знаменитый нашъ исторіографъ Карамзинъ, усматривавшій въ учрежденіи Государственнаго Советъа „попытку воскресить усопшую аристократію боярскую“ *).

Современное значеніе Государственнаго Советъа остается такимъ же, каковымъ оно опредѣлено въ учрежденіи 1810 г. Мы рассмотримъ это учрежденіе съ слѣдующихъ сторонъ: 1) предметы вѣдомства, 2) составъ, 3) организація, 4) дѣлопроизводство **).

1. Предметы вѣдомства.

Государственный Советъ есть учрежденіе законосовѣщательное. Его главное значеніе—разсматривать законопроекты, восходящіе на утвержденіе Государя Императора. Но при сосредоточеніи всѣхъ видовъ власти въ лицѣ Государя Императора, Государственный Советъ является совѣтомъ Его и по другимъ дѣламъ, подлежащимъ непосредственному вѣдѣнію

*) Карамзинъ и Сперанскій являлись представителями двухъ противоположныхъ возрѣній въ наше общество того времени: Карамзинъ стоялъ за старину (см. его „Записку о древней и новой Россіи“), а Сперанскій за преобразование.

**) По соч. проф. А. Градовскаго „Начала русскаго государственнаго права“. Петерб. 1881 г. т. II стр. 193—214.

верховой власти; законодательныя же дѣла составляютъ преобладающій элементъ въ ряду другихъ дѣлъ. Крутъ вѣдомства Совѣта не представляется чѣмъ то замкнутымъ; сюда, кромѣ законопроектовъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, вносятся и другія дѣла, по которымъ Государь Императоръ внѣ общаго порядка пожелаетъ выслушать мнѣніе совѣта.

Вообще предварительному разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта подлежатъ: а) дѣла законодательныя, б) высшіе административные вопросы, с) дѣла финансовыя, d) частныя законы, e) судебныя дѣла и f) чрезвычайныя дѣла.

а) *Дѣла законодательныя.* Разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта подлежатъ не только законопроекты, содержащіе въ себѣ новыя уставы или полную отмену прежнихъ, но также разсмотрѣніе частныхъ измѣненій въ законахъ, равно какъ и ихъ толкованіе. Однако это общее правило имѣетъ нѣкоторыя ограниченія, важнѣйшее изъ которыхъ заключается въ томъ, что представленія, касающіяся нѣсколькихъ вѣдомствъ и подписанныя нѣсколькими министрами, могутъ быть, по собственному благоусмотрѣнію Государя Императора изъяты отъ разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ.

б) *Дѣла административныя.* Мнѣнія Государственнаго Совѣта выслушиваются и по высшимъ административнымъ вопросамъ, поскольку они требуютъ высочайшаго разрѣшенія. Сюда относятся: общія распоряженія, издаваемые въ виду успѣшнаго исполненія существующихъ законовъ; чрезвычайныя мѣры, принимаемыя въ исключительныхъ случаяхъ, и важнѣйшія внѣшнія мѣры (напримѣръ, объявленіе войны, заключеніе мира), которыя „по усмотрѣнію обстоятельствъ, могутъ подлежать предварительному общему соображенію“.

с) *Дѣла финансовыя.* Предварительному разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта подлежатъ финансовыя мѣры, требующія высочайшаго утвержденія. Сюда относятся: государ-

ственная роспись доходовъ и расходовъ и финансовыя смѣты министерствъ и главныхъ управленій, испрошеніе сверхсмѣтныхъ кредитовъ разными управленіями, способы уравнинія государственныхъ доходовъ и расходовъ, дѣла объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ въ частныя руки, всѣ штаты различныхъ учрежденій, дѣла о сложеніи недоимокъ и казенныхъ взысканій, рассмотрѣніе отчетовъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ, чрезвычайныя финансовыя мѣры, наконецъ смѣты и расклады земскихъ повинностей по Закавказскому краю.

d) *Частныя законы.* Сюда относятся законы, касающіеся юридическаго положенія частныхъ лицъ и ихъ имущества, именно: дѣла объ учрежденіи компаній на акціяхъ, когда имъ испрашиваются особыя преимущества или исключительныя привилегіи; дѣла объ отчужденіи частной собственности на государственныя нужды (экспроприація), дѣла объ утвержденіи въ почетныхъ достоинствахъ (княжескомъ, графскомъ, баронскомъ).

e) *Дѣла судебныя.* До изданія судебныхъ уставовъ императора Александра II во многихъ случаяхъ судебныя дѣла переносились на вышайшее усмотрѣніе чрезъ Государственный Совѣтъ (при посредствѣ состоявшей при немъ „комиссія прошеній“). Но теперь, когда сенатъ получилъ право кассаціи *), участіе Государственнаго Совѣта въ судебномъ процессѣ значительно ограничено. Въ настоящее время прежнія правила примѣняются для дѣлъ, начатыхъ въ мѣстностяхъ, гдѣ не введены еще новыя уставы и для вопросовъ административныхъ. Кромѣ этого, Государственному Совѣту принадлежитъ производство слѣдствія по нѣкоторымъ дѣламъ, на примѣръ, производство слѣдствій надъ министрами и генералъ-губернаторами, въ случаѣ обвиненій, удостоенныхъ предва-

*) См. главу о Сенатѣ. О прежней компетенціи Г. Сов. въ судебномъ процессѣ см. у Градовскаго на стр. 196—197.

рительно высочайшаго уваженія и вообще дѣла о преданіи суду, за преступленія по должности, высшихъ чиновъ первыхъ трехъ классовъ.

f) *Дѣла чрезвычайныя.* Въ этомъ отношеніи власть Государственнаго Совѣта основывается на спеціальныхъ для каждаго отдѣльнаго случая распоряженіяхъ Государя Императора. Такъ, напримѣръ, въ случаѣ продолжительнаго и дальняго отсутствія Государя, Государственный Совѣтъ уполномочивается дѣйствовать съ тою властью, какая на сей случай присвоена ему будетъ, причѣмъ степень и предѣлы этой власти каждый разъ опредѣляются особымъ высочайшимъ повелѣніемъ.

2. Составъ Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, призванный содѣйствовать монарху въ его пользованіи державными правами, составляется изъ лицъ, избранныхъ самимъ Государемъ Императоромъ и облеченныхъ Его довѣріемъ. Ихъ оффицію членами Государственнаго Совѣта считаются и министры, пока они состоятъ въ должности. Члены совѣта могутъ занимать и другія должности на государственной службѣ (министровъ, сенаторовъ и проч.). Вся совокупность членовъ Государственнаго Совѣта раздѣляется на двѣ ватегоріи: одни изъ нихъ, сверхъ общаго назначенія ихъ въ совѣтъ, получаютъ порученіе присутствовать въ одномъ изъ департаментовъ совѣта; другіе присутствуютъ только въ общемъ собраніи.

3. Организація Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ распадается на двѣ инстанціи: *департаменты* и *общее собраніе*. Назначеніе департаментовъ двоякое. Нѣкоторыя, менѣе важныя, дѣла разсматриваются ими окончателно и представляются на утвержденіе верховной власти. Другія, болѣе важныя и общія, разсматри-

ваются департаментами въ первой инстанціи и изготовляются ими въ слушанію въ общемъ собраніи. Въ общемъ собраніи имѣютъ мѣсто окончательныя пренія и голосованіе, послѣ котораго дѣла представляются на Высочайшее усмотрѣніе. Каждый департаментъ составляется не менѣе какъ изъ трехъ членовъ совѣта, назначенныхъ сюда по непосредственному Высочайшему усмотрѣнію. Одинъ изъ членовъ облачается званіемъ предсѣдателя. Полномочія предсѣдателя и членовъ департаментовъ возобновляются каждые полгода.

Департаментовъ государственнаго совѣта четыре:

а) *Департаментъ законовъ*, на предварительное разсмотрѣніе котораго поступаютъ всѣ законопроекты, имѣющіе общее значеніе;

б) *Департаментъ военныхъ дѣлъ*, предназначенный для разсмотрѣнія дѣлъ по военному и морскому вѣдомствамъ;

в) *Департаментъ дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ*, въ которомъ до изданія новыхъ судебныхъ уставовъ сосредоточивалось разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ;

г) *Департаментъ государственной экономіи*, вѣдомству котораго принадлежатъ предметы общей промышленности, наукъ, финансовъ, земскихъ повинностей, казначейства и счетовъ.

Въ случаѣ накопленія дѣлъ въ одномъ изъ департаментовъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта можетъ передать часть ихъ въ другой департаментъ, менѣе обремененный.

Общее собраніе составляется изъ членовъ департаментовъ, изъ всѣхъ министровъ и изъ членовъ, неприсутствующихъ въ департаментахъ. Въ принципѣ предсѣдательство въ общемъ собраніи принадлежитъ Государю, но когда Государь не присутствуетъ лично, мѣсто Его занимаетъ одинъ изъ назначенныхъ Имъ членовъ, который носитъ званіе предсѣдателя Государственнаго Совѣта.

4. Дѣлопроизводство.

Всѣ дѣла поступаютъ въ государственный совѣтъ чрезъ состоящую при немъ канцелярію, которою завѣдываетъ государственный секретарь. Послѣдній распредѣляетъ поступившія дѣла по отдѣленіямъ, соотвѣтствующимъ департаментамъ совѣта и управляемымъ статсъ-секретарями. Отсюда приготовленные къ докладу дѣла поступаютъ въ департаменты *). Департаменты же имѣютъ характеръ постоянныхъ комиссій, обязанныхъ, на основаніи ближайшаго знакомства съ дѣломъ, представить свое заключеніе общему собранію. Предварительно они входятъ въ сношеніе съ министрами, голосу которыхъ законъ придаетъ особенное значеніе. Въ случаѣ несогласія министра съ заключеніемъ департамента, ему предоставляется въ теченіе недѣли представить особое мнѣніе, которое или вносится въ журналъ засѣданія департамента, или прилагается къ нему, смотря по его обширности. Кромѣ того, департаментамъ предоставляется приглашать въ свои засѣданія и постороннихъ лицъ, если отъ нихъ можно ожидать полезныхъ указаній. Засѣданіе департамента почитается законнымъ, если въ немъ присутствовало не менѣе трехъ членовъ, включая предсѣдателя; въ противномъ случаѣ назначаются соединенныя засѣданія двухъ или трехъ департаментовъ. Соединенныя засѣданія могутъ состояться и въ другихъ, особенно важныхъ и сложныхъ случаяхъ, по соглашенію предсѣдателей. Департаментскія засѣданія не имѣютъ опредѣленныхъ сроковъ; они назначаются предсѣдателями по мѣрѣ поступления дѣлъ и приготовленія ихъ къ докладу.

Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, по закону, должны присутствовать всѣ члены совѣта. Что касается министровъ, то законъ обязываетъ ихъ присутствовать не только по дѣламъ ихъ вѣдомствъ, но и по всѣмъ другимъ. Для

*) Чрезвычайныя внутреннія и важныя внѣшнія мѣры по Высочайшему повелѣнію поступаютъ прямо въ общее собраніе.

объясненій по дѣлу они могутъ, кромѣ того, командировать своихъ товарищей или директоровъ департаментовъ, которые совѣщательнаго голоса не имѣютъ (кромѣ того случая, когда товарищъ министра командированъ министромъ не для представленія объясненій, а для замѣны его). Засѣданія общаго собранія происходятъ въ опредѣленные дни *). Назначеніе дѣлъ къ слушанію, открытіе и закрытіе засѣданій, руководство преніями зависятъ отъ предсѣдателя. Докладъ дѣлъ, состоящій въ числѣ журналовъ департамента, поручается статс-секретарямъ или ихъ помощникамъ. Сообщение дѣлъ внѣ совѣта строго воспрещается; оно можетъ имѣть мѣсто только по особому Высочайшему повелѣнію.

По прочтеніи доклада и послѣ постановки вопросовъ предсѣдателемъ, начинаются пренія, которыя строго должны держаться порядка статей или вопросовъ, подлежащихъ къ разрѣшенію. При изложеніи своихъ мнѣній каждый членъ совѣта пользуется полною свободой, съ тѣмъ только, чтобы онъ не удалялся отъ вопроса. По окончаніи преній производится голосованіе. Въ журналъ вносятся только два мнѣнія—большинства и меньшинства. Особые мнѣнія, несогласныя ни съ большинствомъ, ни съ меньшинствомъ, должны быть письменныя и присылаются на имя государственнаго секретаря въ теченіе недѣли. Совѣту предоставляется право, по выслушаніи этихъ мнѣній, приступить къ новому сужденію и измѣнить прежній журналъ. При отказѣ совѣта обсудить вновь дѣло, каждому члену предоставляется, не стѣсняясь прежнимъ мнѣніемъ, присоединиться къ особому мнѣнію.

Мнѣнія Государственнаго Совѣта, какъ учрежденія *совѣщательнаго*, получаютъ обязательную силу только послѣ Высочайшаго утвержденія. Всѣ дѣла, рассмотрѣнныя въ

*) Засѣданія департаментовъ и общаго собранія не публичны. Только съ начала 1893 г. еженедѣльно публикуется списокъ дѣлъ, предназначенныхъ къ рассмотрѣнію въ департаментахъ.

совѣтъ, представляются Государю въ *меморіяхъ*, т. е. въ краткихъ отчетахъ о засѣданіяхъ общаго собранія. Высочайшее утвержденіе имѣетъ различныя формы, смотря по роду дѣлъ: одни изъ нихъ (новые законы, установленіе налоговъ и отмѣна ихъ, новые постоянные штаты разныхъ управленій и вѣдомствъ, государственная роспись, дѣла объ экспроприаціи) требуютъ утвержденія собственноручною подписью Государя; другія утверждаются словесно. Законы излагаются въ соотвѣтствующей формѣ и подписываются Государемъ. Прочія дѣла, требующія собственноручнаго утвержденія, излагаются въ формѣ мнѣній Государственнаго Совѣта и утверждаются надписью „быть по сему“. Эта форма утвержденія имѣетъ мѣсто, когда дѣло рѣшено въ совѣтѣ единогласно и когда Государь соглашается съ означеннымъ мнѣніемъ. Въ случаѣ же разногласія, исходъ можетъ быть различный: если Государь соглашается съ мнѣніемъ большинства, форма изложенія не отличается отъ вышеозначенной. Но Государь можетъ согласиться съ мнѣніемъ меньшинства, съ мнѣніемъ отдѣльныхъ членовъ, или постановить собственную резолюцію. Въ этомъ случаѣ исполненіе по дѣлу совершается именнымъ указомъ.

Что касается дѣлъ, не требующихъ письменнаго утвержденія Государя, то они исполняются по Высочайшимъ повелѣніямъ, объявленнымъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Словесная резолюція Государя излагается въ двойной формѣ. Если Государь утверждаетъ мнѣніе совѣта, постановленное единогласно или по большинству голосовъ, то резолюція излагается въ слѣдующей формѣ: „Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи (или департаментѣ) Государственнаго Совѣта по дѣлу о томъ-то Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить“. Резолюція подписывается предсѣдателемъ совѣта, скрѣпляется государственнымъ секретаремъ и статсъ-секретаремъ. Если

Государь приметъ мнѣніе меньшинства или постановитъ собственную резолюцію, то такое Высочайшее повелѣніе излагается въ объявленномъ указѣ, — по формѣ, соответствующей указамъ по подобнымъ же дѣламъ, требующимъ письменнаго утвержденія.

Изъ всѣхъ дѣлъ, ежегодно подлежащихъ обсужденію государственнаго совѣта, особенно важное значеніе имѣетъ составленіе и разсмотрѣніе государственной росписи расходовъ и доходовъ и финансовыхъ смѣтъ. Относящіяся сюда правила изданы 22 мая 1862 года и состоятъ въ слѣдующемъ. Государственная роспись есть исчисленіе всѣхъ предстоящихъ по государству расходовъ и источниковъ къ ихъ удовлетворенію. Общая роспись составляется изъ частныхъ финансовыхъ смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій. Роспись разсматривается и утверждается законодательнымъ порядкомъ; на основаніи ея отсрываются всѣмъ вѣдомствамъ кредиты изъ министерства финансовъ. Сверхсмѣтные кредиты разсматриваются и утверждаются тѣмъ же порядкомъ, за исключеніемъ военныхъ и политическихъ обстоятельствъ, требующихъ особенной быстроты и тайны, когда кредиты могутъ быть испрашиваемы прямыми всеподданнѣйшими докладами генералъ-адмирала и министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ.

Общая роспись составляется министромъ финансовъ по министерскимъ смѣтамъ и представляется съ его замѣчаніями въ государственный совѣтъ не позже 1 ноября. Къ этому же сроку представляетъ свои замѣчанія на смѣты и Государственный Контроль вмѣстѣ съ отчетомъ объ исполненіи финансовыхъ смѣтъ за обрѣзанный имъ смѣтный періодъ. Частныя смѣты разсматриваются въ департаментѣ экономіи, въ присутствіи тѣхъ министровъ, на смѣты которыхъ поступили замѣчанія (напр. о возможности сокращенія смѣтъ). По разсмотрѣніи замѣчаній на частныя смѣты, департаментъ

приступаетъ къ общему разсмотрѣнію росписи и государственно-хозяйственныхъ предположеній министра финансовъ. При этомъ онъ „обсуждаетъ степень пользы и своевременности предполагаемыхъ расходовъ, въ связи съ имѣющимися для ихъ удовлетворенія средствами“. Заключение департамента экономіи вносится въ общее собраніе и представляется на Высочайшее утвержденіе общимъ порядкомъ. Утвержденныя роспись и смѣты обнародуются министромъ финансовъ во всеобщее свѣдѣніе и имѣютъ силу закона на все продолженіе смѣтнаго года. Поэтому и кредиты открываются министерствамъ только на годъ. По прошествіи этого срока кредитъ уничтожается и суммы, оставшіяся неизрасходованными, составляютъ принадлежность государственнаго казначейства. Впрочемъ для нѣкоторыхъ операцій назначаются и льготные сроки *).

Вопросы.

1. Высшія совѣщательныя учрежденія въ Россіи до императора Александра I.
2. Мотивы преобразованій въ государственномъ управленіи при императорѣ Александрѣ I.
3. Назначеніе Государственнаго Совѣта.
4. Современное устройство Государственнаго Совѣта.

*) Объ историческомъ развитіи и современномъ значеніи государственнаго совѣта въ разныхъ государствахъ Европы см. въ указанномъ соч. *Градоскаго* т. II стр. 173—184.

III.

Сенатъ.

Правительствующему Сенату принадлежить высшій надзоръ въ порядкѣ управленія и исполненія. Посему онъ, какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ соблюденіи правосудія; надзираетъ за собираніемъ податей и за расходами штатными; печется о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, къ охраненію общаго спокойствія и тишины, и къ прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣйствій во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ.

Сводъ законовъ.

Высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, которое засталъ Петръ Великій при своемъ вступленіи на престолъ, была Боярская Дума. Съ нею онъ долженъ былъ совѣщаться; она должна была оказывать ему помощь и поддержку во всѣхъ начинаніяхъ. Учрежденіе это прекрасно исполняло свою роль при предшественникахъ Петра; оно вполне соответствовало привычкамъ и образу жизни московскихъ царей, ихъ медленной и неповоротливой дѣятельности. Но теперь, когда медленный ходъ нашей политической, экономической и общественной жизни смѣнился изумительно быстрымъ движеніемъ впередъ; когда наступило время, требовавшее отъ всѣхъ постоянной, кипучей, энергической дѣятельности,—прежняя дума должна была уступить мѣсто другому учрежденію. Оставаться она не могла, такъ какъ съ ея именемъ соединялись непріятныя для Петра и не отвѣчающія новымъ обстоятельствамъ старинныя воззрѣнія и преданія. Но этотъ пере-

ходъ къ новому учрежденію, въ Сенату совершился не сразу, а постепенно. Петръ сознавалъ необходимость въ новомъ учрежденіи, которое, будучи основано на новыхъ началахъ и приспособлено къ новой жизни, дало бы ему возможность, при его частыхъ отлучкахъ изъ столицы, освободиться отъ множества дѣлъ по управленію государствомъ и заняться тѣмъ, что было для него и для Россіи въ данную минуту всего важнѣе, т. е. общимъ надзоромъ за ходомъ дѣлъ и составленіемъ общаго плана, по которому должна была развиваться работа государственнаго механизма. Но сознавая настоятельную нужду въ такомъ учрежденіи, Петръ не могъ вдругъ выработать для него полного проекта. Поэтому на первыхъ порахъ ему пришлось употребить временную мѣру: около 1700 года боярская дума, какъ учрежденіе, была уничтожена и мѣсто ея заступила (вѣроятно, въ 1704 году) *Ближняя канцелярія*, иначе говоря, личная канцелярія царя, куда прежніе члены боярской думы, подъ новымъ названіемъ министровъ, должны были съѣзжаться на совѣщанія, на „консиліи.“ Однако учрежденіе это не могло удовлетворить Петра: члены консиліи были завалены и другими дѣлами; нѣкоторые изъ нихъ принуждены были часто выѣзжать по порученіямъ царя изъ столицы (въ это время шла кипучая работа на воронежскихъ верфяхъ). Кромѣ того, новые министры никакъ не могли отдѣлаться отъ старинной привычки доучать царю по всякому дѣлу, обращаться къ нему за разъясненіями, несмотря на то, что имъ было предоставлено право рѣшать многое самостоятельно. Пора было прекратить временное положеніе; надо было дать государству дѣйствительное высшее центральное учрежденіе и въ немъ создать себѣ дѣятельнаго и могущественнаго помощника, тѣмъ болѣе, что и сами обстоятельства побуждали къ этому. Наступилъ 1711-й годъ. Шведская война затягивалась, а къ ней присоединилась турецкая, потребовавшая отъѣзда государя изъ столицы (прут-

скій походъ); денегъ и людей требовалось еще болѣе, чѣмъ прежде, а финансы государства были въ весьма плохомъ состояніи: расходы превышали доходы, и не было сомнѣнія, что неисправность со стороны служащихъ и казнокрадство были главною причиною этого. Самъ Петръ не могъ со всѣми дѣлами управиться, поручить же сложное дѣло управленія государствомъ другому лицу, при своемъ недовѣрїи въ единоличному управленію, онъ не желалъ. Такимъ образомъ, сами обстоятельства заставляли его ввести учрежденіе,—основанное на коллегіальномъ началѣ, съ обширными полномочіями и съ строгою отвѣтственностью,—которое могло бы на время замѣнить его самого. Такъ, 22-го февраля было опредѣлено: „быть для отлучекъ нашихъ правительствующему сенату для управленія.“ Откуда явилась мысль учредить именно сенатъ, сказать трудно; но учрежденіе это нельзя считать заимствованныхъ съ Запада, подобно коллегіямъ. Собственно говоря, заимствованы были только имя учрежденія и титулы его членовъ, по существу же своему это учрежденіе имѣло связь съ боярскою думой. Иначе говоря: мысль создать именно сенатъ могла подать Швеція,—находившаяся въ это время въ положеніи весьма сходномъ съ положеніемъ Россіи (отлучки Карла XII-го),—гдѣ сенатъ удачно завѣдывалъ государственнымъ управленіемъ; но при осуществленіи этой мысли русской сенатъ не становился копіей съ сената шведскаго. Власть сената опредѣлена была указомъ 2-го марта 1711 года. Въ этомъ указѣ говорилось: „повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ духовнымъ, такъ и мирскимъ, военнаго и земскаго управленія высшимъ и нижнимъ чинамъ, что мы для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ опредѣлили *управительный сенатъ*, которому всякъ и ихъ указомъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ навазаніемъ и смертью, повинъ смотря“.

Новое учреждение состояло изъ 9-ти членовъ и оберъ-секретаря,—начальника канцеляріи при сенатѣ, лица, передъ нимъ отвѣтственнаго. Инструкція, данная Петромъ сенату, возлагала на это учреждение главнымъ образомъ слѣдующія обязанности: 1) „судъ имѣть нелицепріятный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія“; судъ и надзоръ за правосудіемъ поставлены были главною задачею сената, такъ какъ безъ этого немислимо благосостояніе государства; 2) „денегъ, какъ возможно, собирать, понеже деньги суть артерією войны“, и наконецъ: 3) „дворянъ собрать молодыхъ для запаса въ офицеры, а наипаче тѣхъ, которые кроются, сыскать; такожъ тысячу человекъ людей боярскихъ грамотныхъ для того жъ“.

Но здѣсь указаны лишь главнѣйшія задачи сената; на практикѣ же дѣятельность новаго учрежденія должна была сдѣлаться чрезвычайно обширною. Настоятельная необходимость требовала побольше денегъ: сенатъ долженъ былъ „смотреть во всемъ государствѣ расходовъ и ненужные, а особливо напрасные оставить“. Нужны были для войны люди: сенатъ долженъ былъ тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы они по старинной русской привычкѣ не скрывались, не числились „въ нѣтѣхъ“. Для государства нуженъ былъ справедливый, нелицепріятный судъ: сенатъ обязанъ былъ строго слѣдить за отправленіемъ суда по всему государству, обличать и карать виновныхъ. Необходимо было стройное управленіе: сенатъ долженъ былъ внимательно наблюдать за всѣми органами какъ центральнаго, такъ и областного управленія. Но кромѣ этихъ главныхъ обязанностей сенатъ имѣлъ еще множество второстепенныхъ, которыя даже трудно перечислить. Словомъ, сенатъ явился высшимъ судебнымъ, высшимъ надзирающимъ и высшимъ административнымъ учрежденіемъ, причемъ его широкая административная власть, довольно неопредѣленно поставленная самимъ Петромъ, нерѣдко перехо-

дила изъ предѣловъ административной въ законодательную; и сенатъ становился дѣйствительно „правительствующимъ“: ему на время было предоставлено, такъ сказать, регенство въ государствѣ. Такое положеніе сената было обезпечено слѣдующими словами царскаго указа: „всякъ да будетъ послушенъ сенату подѣ жестокимъ наказаніемъ или и смертію, по винѣ смотря“.

Сенатъ въ первые же годы своего существованія развилъ изумительную, до того времени небывалую дѣятельность: наборъ войска, его обмундированіе, вооруженіе, отправка, снабженіе провіантомъ, заготовка и отправка лѣса для флота, поощреніе торговли и мануфактуръ, приведеніе въ порядокъ финансовъ и забота объ усиленіи денежныхъ средствъ, мѣры противъ пожаровъ, разбоевъ, моровой язвы; мѣры по успѣшной постройкѣ каналовъ, дорогъ, по безопасности границъ отъ разныхъ кочевыхъ народовъ и т. д.,—всего невозможно и перечислить: все это не миновало его рукъ, такъ что во многихъ случаяхъ даже трудно сказать, гдѣ кончалась власть сената и начиналась власть монарха. Въ сферѣ суда рѣшенія сената были безапелляціонны, хотя бы и неправильны. А между тѣмъ сенату, съ котораго все требовалось („понеже все у него въ рукахъ“),—и требовалась притомъ быстрота исполненія,—часто приходилось дѣйствовать при обстоятельствахъ весьма затруднительныхъ: указы его въ губерніяхъ сплошь и рядомъ не исполнялись; подымалась волокита, въ которой виноваты были представители областного управленія, не привыкшіе еще въ той кипучей дѣятельности, которой отъ всѣхъ требовалъ дѣятельный царь. Да и въ самомъ сенатѣ дѣла шли не всегда „изрядно“. Такъ генераль-ревизоръ Зотовъ (должность эта была учреждена при сенатѣ для надзора за быстротою и правильностью дѣлопроизводства) въ 1718 г. жалуется царю, что сенаторы неаккуратно посѣщаютъ общія собранія; что протоколы рѣшеннымъ

дѣламъ почти не составляются; что годовыя вѣдомости въ сенатъ почти ниоткуда не поступаютъ, а штрафы, налагаемые сенатомъ, поступаютъ неисправно. Онъ жалуется на нерадѣніе сената, на его послабленіе людямъ, не исполняющимъ указовъ. Съ другой стороны поступали въ царю жалобы и на различныя притѣсненія отъ сената. Ко всему этому присоединялись: вражда, ссоры и споры между сенаторами и между ними и губернаторами. Такъ, московскій губернаторъ кн. Ромадоновскій жалуется царю, что ему нѣтъ возможности управлять губерніей: „господа сенаты“ добрыхъ служащихъ давать ему не хотятъ; по его доношеніямъ довольства и письменнаго указа не чинятъ; по многимъ дѣламъ приказываютъ словесно, а многихъ доношеній и не принимаютъ... Казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ пишетъ своему приятелю, что онъ просилъ у царя отставки, такъ какъ ему служить „несносно стало“: „по указамъ отъ правительствующаго сената трудно управляться... другія губерніи жалуютъ, а на нашу все прибавляютъ, и когда ихъ превосходительству (сенату) приносимъ оправданіе, здраваго разсмотрѣнія не чинятъ и не принимаютъ“...

Мы уже видѣли, какъ много обязанностей лежало на сенатѣ, и потому не станемъ обвинять его вмѣстѣ съ Ромадоновскимъ и Кудрявцевымъ: молодому учрежденію не было физической возможности дѣйствовать вполнѣ исправно.

Таковъ былъ первый періодъ въ дѣятельности петровскаго сената, продолжавшійся до 1718 г., т. е. до учрежденія коллегій. Въ этотъ періодъ сенату принадлежала фактически высшая власть въ государствѣ. Учрежденіе коллегій не могло не повлечь за собою и нѣкоторыхъ существенныхъ измѣненій въ положеніи сената. Съ учрежденіемъ коллегій всѣ административныя функціи сената отходятъ къ нимъ. Существованіе самого сената должно было бы прекратиться; но для объединенія административныхъ мѣръ установлено было

общее собраніе президентовъ коллегій и на него перенесено было названіе сената. Этотъ новый сенатъ является учрежденіемъ, не постоянно дѣйствующимъ, а только временнымъ собраніемъ президентовъ, которое составляется въ случаѣ, если кто нибудь изъ нихъ не можетъ рѣшить дѣла въ своей коллегіи. Сенатъ не имѣлъ теперь и судебной функціи. За нимъ изъ дѣлъ, не подлежащихъ вѣдѣнію коллегій, оставалось только право баллотировать производство въ высшіе чины. Отношенія сената къ областнымъ учрежденіямъ почти совсѣмъ прекратились: областные начальники должны были теперь, смотря по дѣлу, обращаться къ той или другой коллегіи и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ,—войны, моровой язвы, бунта,—къ сенату. Но всетаки сенатъ въ это время оставался для всѣхъ коллегій высшей инстанціей, наблюдающей за ними и разрѣшающей ихъ недоразумѣнія,—инстанціей, къ которой они обращаются, когда дѣло превышаетъ ихъ власть. Такимъ образомъ сенатъ освобожденъ былъ отъ заваливавшихъ его мелкихъ дѣлъ, и ему дано было больше простора въ дѣлахъ высшихъ, государственныхъ.

Но наибольшія измѣненія, которымъ подвергался сенатъ при Петрѣ I, послѣдовали въ 1722 г.

Учреждая сенатъ изъ президентовъ коллегій, Петръ, конечно, имѣлъ въ виду составить высшее правительственное учрежденіе изъ людей специальныхъ, изъ администраторовъ, близко знакомыхъ со всѣми подробностями управленія.

Но составъ сената изъ президентовъ коллегій не соотвѣтствовалъ одной изъ главныхъ цѣлей его учрежденія: контролировать дѣйствія коллегій и рѣшать дѣла по апелляціоннымъ на нихъ жалобамъ. Петръ самъ понималъ это, говоря: „сіе сначала неосмотря учинено.“ Дѣйствительно, президенты коллегій и безъ того обременены были своими прямыми обязанностями, и притомъ имъ приходилось контролировать собственные дѣйствія. Сенатъ долженъ былъ получить свой осо-

бый составъ, независимый отъ коллегій. Но при этомъ измѣненіи состава сената въ числѣ его членовъ всетаки остались президенты коллегій: военной, адмиралтейской, иностранной и бергъ-коллегіи. Законодательная функція окончательно была отнята отъ сената, хотя и прежде она проявлялась лишь въ частныхъ случаяхъ. Съ устройствомъ же коллегій сенатъ перестаетъ быть и непосредственнымъ административнымъ органомъ. На него теперь возлагается главнымъ образомъ только контроль надъ прочими органами администраціи; ему же передаются и функціи упраздненной къ этому времени ревизіонъ-коллегіи. Надзоръ сената надъ судебными коллегіями выражался въ томъ, что въ сенатъ могли быть подаваемы какъ частныя, такъ и апелляціонныя жалобы на эти коллегіи, для чего учреждена была при сенатѣ должность *генераль-рекетмейстера*. Послѣдній долженъ былъ разсматривать апелляціонныя дѣла, переносимыя изъ коллегій въ сенатъ. При переносѣ каваго либо дѣла въ сенатъ рекетмейстеръ долженъ былъ составлять изъ него записку и по ней докладывалъ это дѣло сенату. По жалобамъ на неисправность или „воловиту“ въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ столицы рекетмейстеръ долженъ былъ лично являться въ нихъ, отдавая, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, виновнаго на судъ сената. Въ случаяхъ же особенныхъ злоупотребленій со стороны присутственныхъ мѣстъ, онъ могъ являться съ докладомъ прямо къ государю. Просьбы, адресованныя на имя государя, поступали къ нему на предварительное разсмотрѣніе. Къ нему же обращались и иностранцы, не знавшіе дѣлопроизводства въ Россіи; они имѣли право лично ему подавать прошенія, требуя отъ него совѣта и помощи.

Далѣе, при сенатѣ учреждена была еще должность *герольдмейстера*, въ вѣдѣніи котораго находилось все дворянство имперіи. Онъ выдавалъ удостовѣренія въ дворянскомъ достоинствѣ и снабжалъ дворянскіе роды гербами. Ему по-

ручено было вести списви всѣхъ гражданскихъ и придворныхъ чиновъ и ихъ дѣтей. Онъ же долженъ былъ наблюдать, чтобы дѣти дворянъ получали образованіе и не уклонялись отъ службы. Онъ навонецъ представлялъ сенату требуемыхъ имъ кандидатовъ на должности и производилъ смотры служащимъ.

Создавъ такое важное въ государствѣ учрежденіе, какъ сенатъ, Петръ Великій не могъ оставить его безъ надзора. Для таковаго надзора недостаточно было имѣть такихъ чиновниковъ, какъ *фискалы*. Фискаль не сидѣлъ въ присутствіи сената и надзоръ его былъ тайный. Притомъ фискалы не предупреждали злоупотребленій, а только обнаруживали ихъ. Необходимо было для надзора за правильностью дѣйствій сената учредить особую, специальную должность. Первую попытку къ установленію такого надзора Петръ сдѣлалъ еще въ 1715 году учрежденіемъ должности *генераль-ревизора*. Въ 1720 г. обязанность эта была передана *oberъ-секретарю* сената, а въ 1721 г.— штабъ-офицерамъ гвардіи, которые должны были присутствовать въ сенатѣ и по песочнымъ часамъ наблюдать время, назначенное сенату для того или другого дѣла. Они имѣли право даже подвергать сенаторовъ аресту. Впрочемъ послѣдняя мѣра принята была временно, „пока не будетъ выбранъ государственный фискаль“. Только въ 1722 г. Петръ окончательно остановился на *прокуратурѣ*, какъ на учрежденіи, общемъ для всѣхъ коллегіальныхъ мѣстъ. Во главѣ всей прокуратуры сталъ *генераль-прокуроръ*, который обязанъ былъ всегда находиться въ сенатѣ на его засѣданіяхъ и слѣдить, чтобы всѣ дѣла докладывались правильно, по извѣстному порядку; чтобы обсуждались они сенаторами спокойно, безъ брани и шума *); чтобы голоса подавались въ установленномъ порядкѣ и записывались въ протоколы; чтобы рѣшенія сената строго согласовались съ законами. **)

*) При тогдашнихъ нравахъ столкновенія происходили довольно часто.

**) „Учрежденіе генераль-прокурора и подчиненныхъ ему коллежскихъ

Первымъ генераль-прокуроромъ былъ Ягузинскій, а его помощникомъ, оберъ-прокуроромъ, Скорняковъ-Писаревъ.

Учредивъ сенатъ, Петръ Великій создалъ у насъ такой высшій правительственный авторитетъ, который, будучи подчиненъ самодержавной власти, дѣйствовалъ иногда и какъ самостоятельный, высшій органъ управленія, соединяя въ себѣ функціи нынѣшнихъ учреждений: государственнаго совѣта, комитета министровъ и судебного сената. Словомъ, своему сенату Петръ Великій поручилъ самодѣятельную власть, какой не имѣла никогда боярскія дума; только важнѣйшія дѣла онъ велѣлъ представлять на утвержденіе государя, вмѣстѣ съ мнѣніемъ сената, а прочія сенатъ могъ рѣшать окончательно, и въ этомъ смыслѣ сенатъ былъ названъ „правительствующимъ“. Жаловаться на рѣшенія сената было запрещено. Сенату было предоставлено обсужденіе и обнародованіе утвержденныхъ государемъ законовъ и указовъ, какъ собственно государевыхъ, данныхъ сенату, такъ и сенатскихъ, даваемыхъ всѣмъ прочимъ мѣстамъ. Сенату повелѣно было печатать эти указы и разсылать ихъ по учрежденіямъ имперіи. Такимъ образомъ законодательство впервые становилось гласнымъ.

При преемникахъ Петра Великаго сенатъ то терялъ свое первоначальное значеніе, то снова пріобрѣталъ его.

Прослѣдимъ вкратцѣ исторію сената отъ смерти Петра I до императора Александра II *).

прокуроровъ рѣзко отличается отъ учрежденія фискаловъ. Фискалы были средствомъ сенатскаго надзора въ губерніяхъ и другихъ мѣстахъ управленія; прокуратура явилась средствомъ контроля надъ дѣятельностью сената и коллегій. Должность генераль-прокурора была вызвана двумя обстоятельствами: во-первыхъ, потребностью посредствующаго органа между сенатомъ и верховною властью; во-вторыхъ, необходимостью надзора за дѣятельностью сената, часто неоправдывавшаго надеждъ, возложенныхъ на него преобразователемъ“. *Градовскій*. „Начала рус. госуд. пр.“ стр. 205.

*) См. въ соч. проф. *Градовскаго* „Начала русскаго государственнаго права“, т. II, стр. 242—262.

Со смертию великаго преобразователя въ исторіи сената начинается продолжительный періодъ упадка, длившійся до 1741 года, т. е. до вступленія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны.

Съ первыхъ же дней царствованія императрицы Екатерины I началась ожесточенная борьба между всеильнымъ Меншиковымъ и сенатомъ, который препятствовалъ ему самовластно распорядиться государственными дѣлами. Но его настоянію Екатерина I согласилась на учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта съ подчиненіемъ ему и сената и синаода. Въ новомъ учрежденіи получили мѣста и нѣкоторые изъ вельможъ, враждебно относившихся къ Меншикову и къ Екатеринѣ I, и такимъ образомъ прежнее значеніе сената было принесено въ жертву честолюбію Меншикова и умиротворенію партіи недовольныхъ вельможъ, стремившихся взять подъ свою опеку верховную власть *). Этимъ стремленіямъ было благоприятно и вратковременное царствованіе юнаго императора Петра II. Учрежденный сначала для „важнѣйшихъ“ дѣлъ, совѣтъ постепенно подчинилъ себѣ всѣ части управленія. Онъ присвоилъ себѣ право назначать сенаторовъ, ограничилъ право сената опредѣлять на должности, унизилъ и судебное его значеніе, предписавъ, чтобы рѣшенія сената по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ поступали на утвержденіе совѣта. О всѣхъ важнѣйшихъ и требующихъ высочайшаго разрѣшенія дѣлахъ сенатъ, на ряду съ прочими коллегіями, долженъ былъ представлять въ совѣтъ; дозволено было приносить въ совѣтъ апелляціи на сенатъ, какъ и на коллегіи. Сенатъ долженъ былъ посылать доносенія въ совѣтъ, а отъ совѣта получалъ указы. Внѣшнимъ образомъ эта зависимость сената отъ совѣта выразилась замѣною названія „правительствующій“ названіемъ „высокій“.

*) Кроме императрицы, герцога Голштинскаго и Меншикова, тамъ за-сѣдали: Авраамъ, Головкинъ, вн. Д. М. Голицынъ и Остерманъ.

Какъ извѣстно, замыслы Верховнаго Тайнаго Совѣта, — этого чисто олигархическаго учрежденія, — открыто обнаружались послѣ смерти императора Петра II въ попыткѣ не только фактически, но и юридически ограничить въ свою пользу власть вновь избранной императрицы Анны Иоанновны *). Но императрица, опираясь на партію, враждебную „верховникамъ“ **), торжественно отрелася отъ „кондицій“, навязанныхъ ей до вступленія на престолъ олигархами. По просьбѣ дворянства она издала затѣмъ указъ о восстановленіи сената въ прежней его силѣ. На нѣкоторое время сенатъ снова сосредоточилъ все управленіе въ своихъ рукахъ. Но вскорѣ онъ испыталъ новую катастрофу. По проискамъ Остермана и иностранной партіи въ 1731 году генераль-прокуроръ сената Ягужинскій, имѣвшій весьма важное значеніе въ высшей администраціи, былъ отставленъ отъ должности, а затѣмъ учрежденъ былъ совѣтъ изъ немногихъ лицъ подъ именемъ Кабинета, которому ввѣренъ былъ надзоръ за всѣми государственными установленіями. Сенату, синоду, коллегіямъ, приказамъ и канцеляріямъ велѣно было подавать въ кабинетъ ежемѣсячные рапорты о челобитчиковыхъ дѣлахъ для усмотрѣнія, рѣшаются ли въ этихъ учрежденіяхъ дѣла безъ волокиты. Теперь сенатъ потерялъ значеніе даже въ глазахъ собственныхъ своихъ членовъ, большинство которыхъ перестало являться на службу. Подъ конецъ царствованія Анны Иоанновны значеніе сената нѣсколько поднялось: введены были общія засѣданія кабинета съ сенатомъ, что, вѣроятно, объясняется желаніемъ Бирона заручиться расположеніемъ сената и его партіи при разрѣшеніи вопроса о регенствѣ, на которое рассчитывалъ Биронъ.

По смерти Анны Иоанновны и низверженіи Бирона, —

*) Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала кн. Д. М. Голицыну.

***) Феофанъ Прокоповичъ, бывшій генер.-прокуроръ сената Ягужинскій, сенатъ, генералитетъ и знатнѣйшее дворянство составляли эту партію.

когда кабинетъ, служившій раньше честолюбію Остермана, сдѣлался на нѣкоторое время орудіемъ въ рукахъ Миниха, а затѣмъ опять Остермана,— сенатъ снова совершенно потерялъ свое значеніе.

Но партіи, боровшіяся за преобладаніе, и люди, возстававшіе противъ учрежденій Петра Великаго, истощили свои силы. На престолъ вступила императрица Елизавета Петровна, возвратившая правительственную дѣятельность къ идеямъ, завѣщаннымъ Петромъ I. Вскорѣ по вступленіи на престолъ она возстановила значеніе сената, уничтоживъ кабинетъ. Правительствующій сенатъ получилъ при ней „прежде бывшую свою силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ“. Эта мѣра была принята, какъ объявлялъ указъ императрицы, „къ отвращенію бывшихъ до сего времени непорядковъ въ правленіи государства,“ виновниками [которыхъ Елизавета Петровна справедливо считала и верховный тайный совѣтъ и кабинетъ. Возстановленіе сената на этотъ разъ было дѣйствительное. Въ его распоряженіе отдано было внутреннее управленіе, для завѣдованія же иностранными дѣлами была учреждена должность государственнаго канцлера.

Новый двадцатилѣтній періодъ могущества сената, сдѣлавшагося дѣйствительно „правительствующимъ,“ ознаменованъ его дѣятельнымъ участіемъ во всѣхъ внутреннихъ мѣропріятіяхъ императрицы Елизаветы Петровны. Ему предоставленъ былъ рѣшающій голосъ во множествѣ дѣлъ, касавшихся финансовъ, народнаго благосостоянія, торговли, промышленности, мѣстнаго управленія, военной администраціи, народнаго образованія. По его инициативѣ предпринято было государственное межеваніе, которое организовано было впоследствии императрицею Екатериною II. Въ его вѣдѣніе отданъ былъ московскій университетъ; по его указу открыта была Академія Художествъ. Въ 1760 г. онъ велѣлъ сочи-

нить и представить себѣ штаты и планъ для учрежденія гимназій и школъ въ губерніяхъ. Словомъ, всѣ части управленія были подъ его строгимъ контролемъ и въ полной отъ него зависимости: онъ былъ для императрицы, выражаясь языкомъ Петра Великаго, ея „высокоповѣреннымъ“.

Такое значеніе сената не могло сохраниться при императрицѣ Екатеринѣ II, отличавшейся независимымъ, самостоятельнымъ характеромъ и склонностью въ личному руководству всѣми государственными дѣлами. Кромѣ того, просвѣщенная идеями XVIII-го вѣка, она находила многихъ сенаторовъ людьми отсталыми. Сенатъ напоминалъ ей своимъ полупатріархальнымъ отношеніемъ къ управленію боярскую думу. И вотъ въ самомъ началѣ царствованія она принялась за преобразованіе сената по своимъ взглядамъ. Прежде всего, для установленія правильности и порядка въ дѣлопроизводствѣ, она раздѣлила сенатъ на 6 департаментовъ, между которыми были распредѣлены всѣ дѣла, подлежащія вѣдѣнію сената *). Каждый департаментъ долженъ былъ рѣшать дѣла единогласно; въ случаѣ разногласія дѣло переносилось въ общее собраніе. При первомъ департаментѣ, завѣдывавшемъ государственными внутренними и политическими дѣлами, состоялъ генераль-прокуроръ, при прочихъ— оберъ-прокуроры. Этою реформою общее значеніе сената было не уничтожено, но ослаблено. Сенатъ становился, по выраженію Екатерины II, „хранилищемъ законовъ, какое должно существовать въ каждомъ государствѣ“. Ослаблено было главнымъ образомъ участіе сената въ разрѣшеніи законодательныхъ вопросовъ,—которые при Екатеринѣ II обыкновенно разсматривались въ разныхъ комиссіяхъ и въ совѣтѣ, учрежденномъ въ 1769 г.,—а также въ контролѣ надъ администраціей: на мѣстныя, ставшіе по „учреженію о губерніяхъ“ во главѣ мѣстныхъ установленій, находились только номинально въ зави-

*) 4 департамента—въ Петербургѣ и 2—въ Москвѣ.

симости отъ сената, въ большинствѣ же случаевъ сносились прямо съ верховною властью, а центральное управление находилось подъ контролемъ генераль-прокурора сената и отдѣльных лицъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ императрицы.

При императорѣ Павлѣ I важнѣйшія государственныя дѣла сосредоточены были въ собственной канцеляріи государя и такимъ образомъ сенатъ былъ отстраненъ отъ правительственной части. Что касается его судебной функціи, то здѣсь было обращено особенное вниманіе на быстроту дѣлопроизводства, для чего уничтоженъ былъ обычай единогласнаго рѣшенія дѣлъ и повелѣно было рѣшать дѣла по большинству голосовъ. По нѣкоторымъ дѣламъ (напр. касающимся казеннаго интереса) всѣ рѣшенія должны были восходить чрезъ сенатъ на Высочайшее утвержденіе.

Императоръ Павелъ I ясно сознавалъ неудобство соединенія въ сенатѣ правительственныхъ и судебныхъ дѣлъ, ясно видѣлъ главную причину медленнаго сенатскаго дѣлопроизводства. Его взглядъ раздѣлялся многими государственными дѣятелями и въ эпоху императора Александра I.

Императоръ Александръ I при своемъ вступленіи на престолъ засталъ всѣ учрежденія высшаго управления въ крайнемъ разстройствѣ. Ни одно изъ нихъ не могло быть названо средоточіемъ управления. Ни одно не имѣло строго опредѣленныхъ обязанностей и вытекавшей отсюда отвѣтственности. Ни въ одномъ изъ нихъ нельзя уже было различить основныхъ началъ его устройства. Между тѣмъ, молодой императоръ былъ проникнутъ живѣйшимъ желаніемъ внести въ государственное управленіе начала законности и отвѣтственности, которыхъ ему издавна недоставало. Желая для своей преобразовательной дѣятельности найти какую-нибудь точку опоры, онъ обратилъ вниманіе прежде всего на сенатъ, который одинъ только изъ всѣхъ наличныхъ установленій, не-

смотря на всѣ пережитыя имъ испытанія, сохранилъ, хотя по вѣшности, опредѣленные черты въ своемъ устройствѣ: въ немъ жила еще идея, вложенная въ него великимъ преобразователемъ Россіи,—идея, выраженіемъ которой были названія сената: „высокоповѣренный“ у Петра I и „хранилище законовъ“ у Екатерины II. Проникнутый уваженіемъ къ этой идее, которая казалась еще величественнѣе при всеобщемъ разстройствѣ государственныхъ установленій,—императоръ Александръ I пожелалъ возстановить сенатъ, какъ верховное мѣсто правосудія и исполненія законовъ, „на прежнюю степень, ему приличную и для управленія мѣсть, ему подвластныхъ, толико нужную *)“. Государь намѣренъ былъ, какъ гласилъ указъ, „права и преимущества правительствующаго сената,—подвергавшіяся перемѣнамъ къ ослабленію и самой силы закона,—поставить на неизблемомъ основаніи, какъ государственный законъ“.

Но это намѣреніе императора Александра I встрѣтило значительныя препятствія. Довольно трудно было примирить прежнее значеніе „правительствующаго“ сената съ тою идеей отдѣленія законодательной власти отъ исполнительной и судебной, которая была положена въ основаніе государственныхъ преобразованій Александра I. Сенатъ,—который при Петрѣ I имѣлъ „пространную власть и довѣренность своего государя и именемъ его дѣйствовалъ на всѣ дѣла имперіи“,—естественно долженъ былъ теперь замѣниться въ какой либо специальной области государственнаго управленія. Образованіемъ Непремѣннаго Совѣта при государѣ (впослѣдствіи Государственнаго) обособлялась власть законодательная. Учрежденіемъ министерствъ созданы были высшіе органы власти исполнительной. Сенату оставалась область судебной власти.

Правда, по указу 1802 года сенатъ былъ признанъ „верховнымъ мѣстомъ имперіи“. Но вліяніе сената на всѣ

*) Указъ сенату 5 іюня 1801 года.

части гражданскаго управленія оказалось вскорѣ чисто формальнымъ. Номинально министры были поставлены подъ надзоръ сената, которому поручалось разсмотрѣніе ихъ отчетовъ. Но весьма скоро эта отчетность превратилась въ одну обрядность. Участіе сената въ распорядительныхъ дѣйствіяхъ правительства имѣло слабое значеніе при сильномъ вліяніи комитета министровъ *). Такимъ образомъ сенатъ при императорѣ Александрѣ I получилъ значеніе *судебнаго* установленія по преимуществу, а генераль-прокуроръ сената обратился въ министра-юстиціи.

Незадолго до отечественной войны была сдѣлана новая попытка преобразовать сенатъ по плану Сперанскаго, которая однако не имѣла успѣха.

Сперанскій, желая уничтожить ту путаницу дѣлъ, какая господствовала въ сенатѣ отъ смѣшенія судебной и административной властей, также хотѣлъ отдѣлить части правительственныя отъ судныхъ и изъ соединенія первыхъ составить сенатъ правительствующій, а изъ соединенія вторыхъ—судебный: первый,—одинъ для всей имперіи,—долженъ былъ состоять изъ министровъ и ихъ товарищей и изъ главныхъ начальниковъ отдѣльныхъ управленій, а второй—изъ сенаторовъ отъ короны и сенаторовъ по выбору отъ дворянства и долженъ былъ размѣститься по четыремъ судебнымъ округамъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Киевѣ. Проекты обоихъ учрежденій были выработаны Сперанскимъ въ теченіе 1810 года и въ началѣ 1811-го года; они были сначала рассмотрены въ особомъ комитетѣ; затѣмъ разосланы во всѣмъ членамъ государственнаго совѣта и въ іюнь 1811 года внесены въ его общее собраніе, гдѣ новое учрежденіе встрѣтило весьма упорную оппозицію. Возраженія сводились вообще въ тому, что „переимѣна учрежденія, великими монархами установленнаго и дѣльный вѣкъ существовавшаго, произ-

*) См. главу о министерствахъ.

ведетъ печальное впечатлѣніе на умы;“ что раздѣленіе сената уменьшитъ его важность; что вдали отъ монарха въ него легче могутъ проникнуть слабость и пристрастіе; что такое раздѣленіе сопряжено съ большими издержками и трудностью пріискать людей на разныя сенатскія должности; что назначеніе сенаторовъ по выбору противорѣчитъ духу самодержавія и можетъ обратиться во вредъ, потому что выборы могутъ подпасть вліянію богатыхъ помѣщиковъ, которые чрезъ это приобретутъ возможность тѣснить, кого захотятъ... Во всѣхъ этихъ возраженіяхъ была значительная доля правды. Но при голосованіи большинство совѣта всетаки, по разнымъ личнымъ соображеніямъ, высказалось за проектъ. Императоръ Александръ I утвердилъ мнѣніе большинства, но исполненіе не состоялось, отчасти потому, что требовало многихъ приготовительныхъ мѣръ и значительныхъ издержекъ, отчасти по обстоятельствамъ, заставлявшимъ готовиться къ войнѣ съ Наполеономъ I.

Въ царствованіе императора Александра II-го сенатъ былъ окончательно преобразованъ. Настоящее его положеніе среди другихъ учрежденій имперіи слѣдующее *).

Сенатъ составляется изъ лицъ первыхъ трехъ классовъ, опредѣляемыхъ по непосредственному избранію Государя какъ изъ чиновъ гражданскихъ, такъ и изъ чиновъ военныхъ. Не лишаясь своего званія, сенаторы могутъ занимать должности и въ другихъ учрежденіяхъ. Кромѣ сенаторовъ въ засѣданіяхъ сената, по самому своему званію, должны присутствовать: министры, оберъ-прокуроръ св. Синода и начальники губерній во время своего пребыванія въ Петербургѣ по дѣламъ ихъ губерній. Кромѣ того, могутъ быть приглашаемы и постороннія лица съ совѣщательнымъ голосомъ по тѣмъ дѣламъ для обсужденія, которыхъ вызываются. Сенатъ дѣлится на шесть департаментовъ: первый, второй, герольдскій, четвертый,

*) Составлено главнымъ образомъ по Своду законовъ т. I.

пятый и. межевой. Затѣмъ въ составѣ сената образованы еще два кассационные департамента: одинъ для уголовныхъ, другой для гражданскихъ дѣлъ. Для рѣшенія какаго либо дѣла въ присутствіи сената должно быть не менѣе трехъ наличныхъ сенаторовъ. Для надзора за порядкомъ производства дѣлъ и правильностью рѣшеній въ каждомъ департаментѣ, вромѣ департамента герольдіи, состоитъ подъ начальствомъ министра юстиціи особый оберъ-прокуроръ (въ департаментѣ герольдіи—герольдмейстеръ). Для производства дѣлъ и приготовления ихъ къ докладамъ при сенатѣ находится канцелярія. Каждый департаментъ сената имѣетъ свои опредѣленные вѣдомства:

1. Первый.

Вѣдѣнію этого департамента принадлежать слѣдующія дѣла: а) обнародованіе и храненіе законовъ; б) охраненіе и удостовѣреніе правъ и преимуществъ разныхъ состояній; в) управление подчиненныхъ сенату мѣстъ и должностей; г) судебное разбирательство по дѣламъ казеннаго управления, е) разсмотрѣніе дѣлъ по начетамъ казны и на казну.

Главнымъ изъ этихъ предметовъ вѣдомства сената является обнародованіе законовъ, предоставленное сенату еще Петромъ I. Каждый новый законъ препровождается въ сенатъ при распорядительномъ указѣ Государя для обнародованія во всеобщее свѣдѣніе. На сенатѣ лежитъ обязанность распорядиться печатаніемъ новыхъ законовъ и доставлять ихъ къ исполненію въ формѣ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ. Кроме того, на сенатѣ возлагается обязанность храненія законовъ. Поэтому, все законы, хотя бы они содержались въ именныхъ повелѣніяхъ, данныхъ особенно какому-либо лицу или мѣсту, должны быть вносимы въ сенатъ. Исключеніе дѣлается для указовъ, подлежащихъ особенной тайнѣ. Сенату же принадлежитъ право и обязанность собственной

властью разъяснять смысл дѣйствующихъ узаконеній и разрѣшать сомнѣнія, возникающія при примѣненіи законовъ.

Первому же департаменту сената принадлежитъ и право рассмотрѣнія жалобъ частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій на административныя дѣйствія министерствъ. Сенатъ въ правѣ также дѣлать представленія Государю о злоупотребленіяхъ по различнымъ частямъ министерскаго управления. Кроме того, сенату, въ первомъ департаментѣ, представлены еще слѣдующія важныя права: а) преданіе суду должностныхъ лицъ, опредѣляемыхъ Высочайшею властью на должности не выше четвертаго класса (губернаторовъ, вице-губернаторовъ, директоровъ департаментовъ въ министерствахъ и проч.), также лицъ сословныхъ и общественныхъ управленій (предводителей дворянства, членовъ земскихъ управъ и собраній, городскихъ головъ); б) разрѣшеніе споровъ и пререканій о власти между административными учрежденіями, и между ними и учрежденіями судебными.

2. Второй.

Ему принадлежатъ: а) рассмотрѣніе представленій губернскихъ присутствій, губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ; б) разрѣшеніе въ высшей инстанціи жалобъ на губернскаія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; с) разъясненіе истиннаго смысла узаконеній по крестьянскимъ дѣламъ.

3. Герольдіи.

Въ вѣдѣніи его находятся: а) дѣла о дворянствѣ и родословныхъ книгахъ, б) дѣла о перемѣнѣ фамилій; с) сочиненіе гербовъ, списки дворянъ и лицъ, лишенныхъ дворянскаго достоинства; д) дѣла о производствѣ въ чины до V-го класса включительно.

Остальные три департамента называются собственно судебными; изъ нихъ пятый—уголовный, а четвертый и меже-

вой—гражданскіе. Въ тѣхъ мѣстностяхъ имперіи, гдѣ судебныя уставы введены въ полномъ объемѣ, вѣдомству судебныхныхъ департаментовъ сената принадлежатъ, главнымъ образомъ, слѣдующія дѣла: а) по жалобамъ на неправильное толкованіе окружными судами указовъ судебныхныхъ департаментовъ сената; б) по жалобамъ, отзывамъ и протестамъ на рѣшенія и приговоры прежнихъ судебныхныхъ мѣстъ и окружныхъ судовъ. Судебныя департаменты сената, — уголовный и гражданскій, — установлены для завѣдованія судебной частью въ качествѣ верховнаго кассационнаго суда. Въ этомъ отношеніи судебныя уставы 1864-го года послѣдовали примѣру французскаго законодательства, которое выработало какъ средство обеспечить правосудіе *отмѣну* рѣшенія въ судебномъ учрежденіи, — если при постановленіи этого рѣшенія были нарушены существенныя формы судопроизводства или допущено неправильное примѣненіе закона, — и *передачу* дѣла на разсмотрѣніе по существу въ другомъ судѣ, равной степени съ судомъ, постановившимъ прежнее рѣшеніе.

При каждомъ кассационномъ департаментѣ состоитъ особый оберъ-прокуроръ, одинъ изъ которыхъ исполняетъ оберъ-прокурорскія обязанности и при общемъ собраніи департаментовъ. Обязанности оберъ-прокуроровъ и ихъ товарищей значительно отличаются отъ обязанностей прокуроровъ при окружныхъ судахъ. Послѣдніе являются представителями обвинительной власти; оберъ-прокуроры же сената и ихъ товарищи берутъ на себя обязанности обвиненія лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. по дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ, подсудныхъ особому присутствію сената). Обыкновенно же отъ нихъ требуется заключеніе объ основательности поступившей въ сенатъ кассационной жалобы или протеста прокуратуры окружныхъ судовъ на неправильныя рѣшенія. Кассационныя жалобы и протесты прокуроровъ на окончательныя приговоры судебныхныхъ учреждений (слѣдствъ ми-

ровныхъ судей, окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ) допускаются въ случаѣ существенныхъ нарушеній законовъ или правилъ судопроизводства. Рѣшенія сената по этимъ жалобамъ и протестамъ не подлежатъ обжалованію. Послѣдствіемъ отмены (кассациі) рѣшенія является передача дѣла въ другой судъ, для постановленія новаго рѣшенія. Судъ, которому поручено новое разсмотрѣніе дѣла, обязанъ „въ изысненіи точнаго разума закона“ подчиниться сужденіямъ сената. Кассационнымъ департаментамъ принадлежитъ, кромѣ того, право представлять чрезъ министра юстиціи на Высочайшее усмотрѣніе о производствѣ ревизій судебныхъ учреждений. Ревизіи производятся сенаторами кассационныхъ департаментовъ; этимъ же департаментамъ принадлежитъ право дѣлать предостереженія и замѣчанія судебнымъ мѣстамъ за неправильныя дѣйствія.

Всѣ дѣла въ сенатѣ рѣшаются: 1) въ департаментахъ, и 2) въ общихъ собраніяхъ. Общихъ собраній два: 1) одно составляется изъ департаментовъ перваго, втораго и герольдіи; 2) другое — изъ департаментовъ судебныхъ и межевого. Въ каждый департаментъ, исключая первый, ежегодно Государемъ назначается первоприсутствующій. Изъ нихъ старшій по чину считается первоприсутствующимъ и на общихъ собраніяхъ. На общихъ собраніяхъ присутствуетъ и министр юстиціи съ своимъ товарищемъ (въ важнѣйшихъ случаяхъ они присутствуютъ и въ департаментахъ). При докладѣ въ сенатѣ уголовныхъ, гражданскихъ и межевыхъ дѣлъ имѣютъ право присутствовать находящіеся на лицо подсудимые и участвующіе въ дѣлѣ тяжущіеся, а также и повѣренные всѣхъ этихъ лицъ. При разрѣшеніи вопросовъ сенаторы подають категорическія мнѣнія (въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ). По собраніи голосовъ первоприсутствующій объявляетъ свое мнѣніе и принятое заключеніе. Каждый сенаторъ имѣетъ право представить въ ведѣльный срокъ особое мнѣніе.

Въ сенатъ (въ канцелярію перваго департамента) поступаютъ изъ министерства юстиціи всѣ манифесты, именныя Высочайшіе указы, Высочайше утвержденныя доклады, мнѣнія государственнаго совѣта и предложенія министра юстиціи съ объявленіемъ Высочайшей воли или Высочайше утвержденныхъ положеній комитета министровъ. Всѣ полученныя Высочайшія повелѣнія вносятся въ особый реестръ и немедленно предлагаются къ выслушанію въ общемъ собраніи. Всѣ узаконенія, принадлежащія къ общему свѣдѣнію и исполненію и по существу своему слѣдующія къ внесенію въ полное собраніе или сводъ законовъ, немедленно по утвержденіи ихъ Государемъ, должны быть доставляемы въ кодификаціонный отдѣлъ при государственномъ совѣтѣ.

Власть правительствующаго сената ограничивается только властью Государя, иной же высшей власти надъ сенатомъ нѣтъ. Указы сената исполняются всѣми подчиненными ему мѣстами и лицами, и только Государь или именной Его указъ могутъ остановить сенатское повелѣніе. Всѣ свои постановленія сенатъ основываетъ на существующихъ законахъ. Если же въ его практикѣ встрѣчается дѣло, на которое не окажется точнаго закона, то о каждомъ такомъ случаѣ (вазусѣ), требующемъ изданія новыхъ или дополненія, или перемѣны существующихъ узаконеній, сенатъ составляетъ проектъ разрѣшенія и все дѣло вносится министромъ юстиціи, съ его заключеніемъ, къ Государю, чрезъ государственный совѣтъ. Всѣ же дѣла, на которыя есть точный и ясный законъ, сенатъ разрѣшаетъ самъ собою, не испрашивая Высочайшаго разрѣшенія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ дѣлъ, въ которыхъ закономъ это предписано. Своихъ рѣшеній безъ Высочайшаго повелѣнія сенатъ не можетъ ни уничтожить, ни отмѣнить. Вообще же на рѣшенія сената апелляціи нѣтъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ законѣ сказано: „но какъ могутъ быть крайности, въ коихъ возбранить всякое приближеніе къ Им-

ператорскому Величеству было бы отнять избавленіе у страдающаго, то въ такомъ случаѣ допускаются всеподданѣйшія жалобы на опредѣленія департаментовъ сената.“ *) Жалобы эти сначала разсматриваются въ особомъ присутствіи государственнаго совѣта и если находятся уважительными, то дѣло передается на разсмотрѣніе общаго собранія.

На сенаторовъ, сверхъ непремѣнной ихъ обязанности по присутствію въ сенатѣ, могутъ быть возлагаемы: 1) ревизіи губерній и 2) порученія по высканію недоимокъ въ случаѣ чрезмѣрнаго ихъ гдѣ нибудь накопленія. За преступленія по должности сенаторы судятся въ кассационныхъ департаментахъ сената.

Вопросы.

1. Исторія возникновенія Сената.
2. Обязанности новаго учрежденія.
3. Дѣятельность Сената въ первый періодъ его исторіи (1711—1718).
- 4) Второй періодъ (1718—1722). Отношеніе Сената къ коллегіямъ.
- 5) Составъ Сената (съ 1722 года).
- 6) Надзоръ за дѣятельностью Сената.
- 7) Исторія Сената послѣ Петра I.
- 8) Современное значеніе Сената.

*) Св. зав. т. I, ч. II, кн. 4. ст. 217.

IV.

Синодъ *).

Въ управленіи церковномъ самоде-
жавная власть дѣйствуетъ посредствомъ
правятельствующаго синода.

Сводъ законовъ.

Русская церковь при своемъ основаніи была присоеди-
нена какъ административная часть къ греческой церкви и
подчинена Константинопольскому патріарху, образовавъ изъ
себя митрополию наравнѣ съ прочими, собственно гречески-
ми митрополіями. Права патріарха по отношенію къ рус-
ской церкви были такія же, какъ и по отношенію ко всякой
иной митрополіи. Вотъ эти права.

1. Патріархъ поставлялъ митрополитовъ.

2. Патріархъ былъ начальникомъ митрополитовъ, кото-
рый однако не вмѣшивался въ ихъ дѣятельность, пока послѣд-
няя не представляла ничего противозаконнаго и неправиль-
наго; въ противномъ случаѣ онъ имѣлъ право (и всмѣстѣ
обязанность) останавливать ихъ, призывать къ суду и подвер-
гать наказаніямъ.

3. Патріархъ собиралъ митрополитовъ на областные со-
боры для разсужденія о церковныхъ дѣлахъ и нуждахъ сво-
ей области.

4. Къ качествѣ высшей судебной инстанціи, патріархъ
принималъ апелляцію на судъ митрополитовъ.

*) Главными пособіями при составленіи этой главы служили: сочин. Во-
стокова „Святѣйшій Синодъ и отношеніе его къ другимъ учрежденіямъ при Пет-
рѣ Великомъ“ въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1876 г. кн. CLXXX—CLXXXIII и со-
чиненіе Знаменскаго „Руководство къ исторіи Русской Церкви“. Казань 1888 г.

5. Патриархъ имѣлъ право такъ называемой *ставропигии* *), именно—право во всѣхъ мѣстахъ своего округа брать въ свое непосредственное вѣдѣніе, освобождая отъ власти мѣстныхъ митрополитовъ и епископовъ, отдѣльные монастыри и церкви.

Первое право примѣнялось къ Россіи въ X в. неправильно. По каноническимъ правиламъ русскій митрополитъ долженъ былъ бы избираться соборомъ русскихъ епископовъ и затѣмъ уже получать посвященіе въ Константинополѣ **). На дѣлѣ же въ X в. Константинопольскій патриархъ не только посвящалъ русскихъ митрополитовъ, но и избиралъ ихъ самъ, именно съ соборомъ бывшихъ при немъ архіереевъ. Слѣдствіемъ этого было то, что всѣ наши митрополиты домонгольскаго періода, за двумя исключеніями, были присылаемые изъ Константинополя греки. Эти два исключенія представляютъ: митр. *Иларіонъ*, выбранный при Ярославѣ въ 1051 г., когда отношенія съ Греціей нѣсколько испортились, и *Климентъ* (1147)—при Изяславѣ, когда происходили смуты въ Греціи. Но оба эти случая нельзя разсматривать, какъ попытки освободиться отъ зависимости. Они имѣютъ характеръ случайный. Хотя впрочемъ и въ XII в. обнаруживается желаніе сдѣлать русскую церковь независимою. По словамъ нашего перваго историка Татищева, великій князь Ростиславъ Мстиславичъ принялъ послѣ Климента греческаго митрополита съ слѣдующею оговоркою: „я сего митрополита за честь и за любовь царскую нынѣ прииму... Но впредь, ежели патриархъ безъ вѣдома и опредѣленія нашего, противно правилъ св. апостоль, въ Русь митрополита поставитъ, не токмо не при-

*) *Ставропигіа*—крестовоздвигеніе. Обыкновенно митрополитъ или епископъ, при закладкѣ монастыря или церкви, на мѣстѣ будущаго алтара водружалъ деревянный крестъ, выражая такимъ образомъ символически прарзрѣшеніе свое на возведеніе монастыря или церкви и будущую власть свою надъ ними.

**.) Объ этомъ см. въ сеч. проф. *Голубинскаго* „Исторія Русской Церкви“ томъ I.

ему, но и законъ сдѣлаемъ вѣчный избирать и постановлять митрополитовъ епископамъ русскимъ съ повелѣнія великаго князя *).

То обстоятельство, что первые наши митрополиты были греки и поставлялись не дома, а въ Константинополѣ, было даже полезно для русской церкви: при тогдашнихъ усобицахъ митрополиты, желая сохранить свой санъ, были бы въ зависимости отъ произвола каждаго новаго великаго князя; они лишились бы столь необходимаго (въ особенности въ то время) нравственнаго вліянія на русскую жизнь.

Первымъ митрополитомъ русской церкви былъ грекъ *Леонъ*, присланный въ Киевъ въ 991 г. Первымъ его дѣломъ по прибытіи на Русь было учрежденіе церковнаго управленія, открытіе епархій и поставленіе епископовъ, не говоря уже о томъ, что онъ содѣйствовалъ Владиміру Св. въ распространеніи по Руси новой вѣры. О подробностяхъ же церковно-правительственной дѣятельности митрополитовъ домонгольскаго періода мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній.

Резиденціей митрополита въ домонгольскій періодъ былъ Киевъ. Но уже въ XII в. сдѣлана была попытка учредить и вторую митрополию. Андрей Боголюбскій, возвысившійся надъ кievскими князьями и открывшій собою рядъ великихъ князей на сѣверѣ, желая окончательно сдѣлать свой Владиміръ великокняжескою столицею, просилъ патріарха Константинопольскаго учредить и во Владиміръ митрополию. Въ великолѣпномъ храмѣ Успенія Божьей Матери была даже приготовлена каеэдра для будущаго митрополита, намѣченъ былъ уже и кандидатъ на эту каеэдру. Но патріархъ отказалъ. Тогда Андрей Боголюбскій задумалъ сдѣлать Ростовскаго епископа автокефальнымъ, т. е. независимымъ отъ Киевскаго митрополита, но и въ этомъ потерпѣлъ неудачу. Во всякомъ случаѣ съ XIII-го в. послѣ татарскаго погрома митрополія не

*) См. въ указанномъ соч. *Голубинскаго*.

могла оставаться въ Кіевѣ. Въ послѣднее время (послѣ 1240 г.) владыки большую часть своей жизни проводили въ разъѣздахъ, проживая по разнымъ городамъ своей епархіи. Первымъ поселился во Владимірѣ митрополитъ Максимъ, пріѣхавшій въ 1283 г. изъ Греціи и получившій утвержденіе въ Ордѣ.

Преемникъ его св. Петръ не любилъ Владиміра и больше проживалъ въ Москвѣ у своего любимаго князя Іоанна I Даниловича, а подъ конецъ жизни окончательно въ ней поселился и упросилъ Іоанна построить въ Москвѣ каедральный соборъ.

Іоаннъ Калита, дѣйствительно, основалъ каменный соборъ Успенія Богородицы. Св. Петръ скончался въ 1326 г.; не дождавшійся окончанія желанной постройки. Гробъ его, поставленный въ Успенскомъ соборѣ, сталъ краеугольнымъ камнемъ величія Москвы. Но митрополія все еще продолжала называться не московскою, а кievскою. Преемникъ св. Петра Феогностъ окончательно перенесъ мѣстопробываніе митрополита въ Москву.

Московскіе митрополиты играли весьма важную роль въ дѣлѣ возвышенія Москвы и въ развитіи московскаго единодержавія, поддерживая своимъ авторитетомъ московскихъ князей въ ихъ спорахъ съ другими князьями.

Въ половинѣ XV вѣка въ исторіи русской церкви совершилось важное событіе.

Въ 1459 г. митрополитъ Исидоръ (грекъ) на Флорентійскомъ соборѣ самовольно согласился признать зависимость русской церкви отъ папы (унія). Тогда соборъ великорусскихъ епископовъ, низложившій Исидора, постановилъ на будущее время избирать митрополитовъ въ Москвѣ, по повелѣнію великаго князя и безъ сношенія съ греками. Въмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало и раздѣленіе митрополій на кievскую и московскую.

Храня и укрѣпляя юное государство, наша іерархія вовсе

не старалась изъ своего сильнаго нравственнаго вліянія на князей извлечь для себя независимость отъ свѣтской власти и самостоятельное положеніе въ государствѣ, какъ этого добивалось средневѣковое духовенство на Западѣ. Оставивъ отдаленный отъ сильныхъ князей Кіевъ, митрополиты сами стремятся подъ покровъ мірской власти сначала во Владиміръ, а потомъ въ Москву и неуклонно стараются объ утвержденіи общаго мира и общаго подчиненія всѣхъ единому московскому князю. Великіе князья московскіе понимали, какое значеніе для нихъ имѣли митрополиты, и потому оказывали имъ высокое уваженіе и полное довѣріе. Всѣ княжескія грамоты начинались словами: „по благословенію отца нашего митрополита“, и скрѣплялись митрополичьей печатью и подписью; предъ митрополитомъ князья давали крестное цѣлованье другъ другу и разбирали свои споры.

Понятно, что верховная власть, воспитывавшаяся подъ руководствомъ іерархіи, приучалась дѣйствовать не столько на основаніи юридическихъ, сколько на основаніи нравственныхъ началъ и считала своимъ долгомъ простираť свое вліяніе не только на гражданскія отношенія подданныхъ, но и на ихъ религіозно-нравственную жизнь, а чрезъ это получала обширное вліяніе и на церковныя дѣла. Съ теченіемъ времени власть великаго князя окрѣпла, стала меньше нуждаться въ поддержкѣ и въ руководствѣ церковной власти. Съ половины XIV в. мы видимъ уже весьма рѣзкую перемѣну въ ихъ положеніи: значеніе митрополита стало ослабѣвать, а власть великаго князя усиливаться. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было то, что прежнее участіе верховной власти въ церковныхъ дѣлахъ подъ руководствомъ іерархіи,—участіе вспомогательное и служебное,—обращалось въ независимое отъ іерархіи, самостоятельное. Развитію этого новаго порядка способствовало и то, что съ 1459 г. митрополитъ русскій пересталъ подчиняться посторонней греческой власти, по-

ставлялся дома, своими епископами, „съ повелѣнія великаго князя.“

Съ Іоанна III великій князь получаетъ особенно сильное вліяніе на выборы первосвятителей, не стѣсняемое теперь ни вліяніемъ Константинополя, ни вліяніемъ удѣльныхъ князей. Отношенія Іоанна III къ митрополитамъ выражались въ прежнихъ формахъ: русскій первосвятитель призывался на княжескіе совѣты, скрѣплялъ княжескіе договоры, ходатайствовалъ за опальныхъ („печаловался“) и проч. Во время борьбы великаго князя съ послѣдними остатками удѣльнаго быта митрополиты, какъ и прежде, усердно дѣйствовали въ пользу верховной власти; они содѣйствовали великому князю въ покореніи Новгорода, писали посланія о повиновеніи великому князю въ непокорные края: Псковь, Вятку, Пермь. Но, съ другой стороны, несмотря на старанія князя держаться старыхъ формъ, подъ этими формами мы видимъ уже проявленіе другихъ отношеній. Великій князь, напр., не любилъ митрополита Геронтія,—пастыря твердаго, не боявшагося въ случаѣ надобности сказать великому князю рѣшительное слово,—и однажды едва не отказалъ ему отъ каедры. Въ княженіе Василя III-го, развившаго верховную власть еще болѣе отца, поставленіе митрополита происходило даже безъ собора епископовъ, а по волѣ одного великаго князя. Митрополитъ Варлаамъ чѣмъ-то не понравился великому князю и великій князь заточилъ его въ монастырь, выбравъ преемникомъ ему послушнаго Данила. Слабость духовной власти ясно выказалась въ дѣлѣ о разводѣ великаго князя съ его супругою Соломоніей. Противъ этого незаконнаго развода были и Максимъ Грекъ и восточные святители, приславшіе свой голосъ изъ Греціи. Но Даниль, исполняя желаніе великаго князя, всетаки насильно постригъ Соломонію въ монахини и обвинчалъ великаго князя на Еленѣ Глинской.

Въ малолѣтство Іоанна Грознаго постоянное участіе ми-

митрополитовъ въ гражданскихъ дѣлахъ втянуло ихъ въ распри бояръ и подвергло насиліямъ со стороны партіи Шуйскихъ. Митрополита Данила, ставшаго быдо на сторону Бѣльскихъ, Шуйскіе принудили отречься отъ кафедры и сослали въ монастырь. Та же участь постигла и преемника его Іоасафа. Послѣ этихъ двухъ случаевъ митрополитъ Макарій былъ осторожнѣе и сумѣлъ удержаться на кафедрѣ цѣлыхъ 22 года.

Іоаннъ IV, первый изъ русскихъ государей составившій себѣ полную теорію самодержавія, послѣ потрясенія, произведеннаго въ его впечатлительной душѣ московскимъ пожаромъ 1547 года, принося всенародное покаяніе съ лобнаго мѣста, просилъ вмѣстѣ съ тѣмъ митрополита Макарія быть его пособникомъ и учителемъ. О томъ же просилъ онъ и русскихъ святителей на Стоглавомъ соборѣ, собранномъ для исправленія всѣхъ церковныхъ нестроеній, навопившихся вѣками всей предшествовавшей исторіи. На этомъ соборѣ, между прочимъ, былъ поднятъ весьма важный въ исторіи отношеній между русскою церковью и государствомъ вопросъ о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ. Соборъ опредѣлилъ: архіепископамъ, епископамъ и монастырямъ вотчинъ безъ царскаго вѣдома и доклада не покушать ни у кого, а князьямъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ людямъ вотчинъ безъ доклада не продавать. Разрѣшалось жертвовать малымъ монастырямъ вотчины „по душамъ въ поминоу;“ въ большіе же монастыри, гдѣ вотчинъ много, положено было впредь вотчинъ не давать... Такимъ образомъ, подчиняясь нравственному вліянію лучшихъ представителей духовенства, Іоаннъ IV въ то же время не забывалъ въ интересахъ государственныхъ ослабить значеніе духовенства, какъ сословія.

Относясь подозрительно къ боярамъ, онъ съ особеннымъ довѣріемъ относился одно время къ духовенству и приблизилъ къ себѣ священника Сильвестра. Но послѣдній не сумѣлъ

удержаться на высотѣ своего призванія; онъ раздражилъ царя мелочными наставленіями, участвовалъ иногда въ боярскихъ интригахъ и окончательно лишился довѣрія царя во время его тяжелой болѣзни (1553 г.), когда противъ его желанія назначить своимъ наследникомъ царевича Дмитрія, онъ вмѣстѣ съ другими стоялъ за удѣльнаго князя Владиміра Андреевича. Этимъ онъ много повредилъ духовенству, которое теперь подозрительный царь поставилъ на одну доску съ боярствомъ. Царю казалось, что теперь и боярство и духовенство стремятся фактически завладѣть властью. Онъ рѣшился ихъ сдержать и вернуть себѣ власть во всей ея полнотѣ. Свой взглядъ на участіе духовенства въ управленіи государствомъ Іоаннъ Васильевичъ выразилъ, какъ мы видѣли, въ одномъ изъ писемъ къ князю Курбскому. *) Съ учрежденіемъ опричины его недобѣріе къ духовенству еще болѣе усилилось. Слова назиданія со стороны пастырей церкви, а также „печалованія“ за опальныхъ стали уже казаться ему посягательствомъ на его власть, напоминая ему опальнаго Сильвестра. При самомъ учрежденіи опричины (1565 г.) онъ объявилъ народу, что положилъ свою опалу не только на бояръ, но и на духовенство за то, что „захочетъ государь наказать бояръ—и духовенство ихъ покрываетъ предъ государемъ.“ Жертвою этой болѣзненной подозрительности Іоанна IV сдѣлался и великій мученикъ русской земли, ея „печальникъ“ св. Филиппъ.

При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ,—когда вся власть фактически находилась въ рукахъ „великаго ближняго боярина“ Бориса Годунова,—положеніе главы духовенства оставалось попрежнему зависимымъ. Митрополитъ Діонисій, который вмѣстѣ съ Шуйскими осмѣлился дѣйствовать противъ могущественнаго Годунова и хлопотать о разводѣ царя съ неплодною Ириной, сестрой Бориса, былъ лишенъ сана, а

*) См. въ главѣ „Верховная власть“ стр. 47.

вмѣсто него возведенъ былъ на митрополичью катедру ростовскій архіепископъ Іовъ, черезъ два года сдѣлавшійся первымъ русскимъ патріархомъ.

Еще со времени собора 1459 русская церковь на дѣлѣ достигла полной самостоятельности, хотя номинальная зависимость ея отъ Константинопольскаго патріарха вѣстали оставалась. Но теперь и номинальная зависимость оказывалась неумѣстной, такъ какъ Россія становилась могущественнымъ государствомъ, а патріархъ Константинопольскій сдѣлался подданнымъ турецкаго султана. У русскихъ людей того времени явилось даже подозрѣніе въ цѣлости православія въ самой Греціи, доходившее до того, что около 1480 года запрещено было принимать гревовъ не только на митрополию, но даже на епископскія катедры. Теперь ясно сознавалась необходимость имѣть своего патріарха, независимаго отъ Константинопольской церкви. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство. Борису, для осуществленія его плановъ, выгодно было имѣть въ представителяхъ высшей церковной власти союзника, усилить вліяніе этого союзника въ сферѣ его вѣдомства и въ то же время привязать его къ себѣ прочными узами. Ему собственно и принадлежала идея учрежденія въ Россіи патріаршества. Въ 1586 г. царь Феодоръ на совѣтѣ бояръ и духовенства объявилъ, по совѣту Бориса, намѣреніе „устроить въ Москвѣ предвсочайшій престолъ патріаршескій“. Въ это время пріѣхалъ въ Москву за „милостыней“ патріархъ Антиохійскій Іоакимъ, который и общалъ о желаніи царя доложить собору восточной церкви. Кстати вскорѣ прибылъ въ Москву и самъ патріархъ Константинопольскій Іеремія, который, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, поставилъ преданнаго Борису митрополита Іова въ патріархи. Это было въ 1589 г. Два года спустя въ Москвѣ получена была грамота съ Востока объ утвержденіи русскаго патріаршества, подписанная тремя патріархами, 42 митрополи-

тами, 19 архіепископами и 20 епископами, въ которой Московскому патриарху давалось мѣсто послѣ Іерусалимскаго, а русской церкви предоставлялось право поставять своихъ патриарховъ соборомъ своихъ собственныхъ епископовъ.

Такъ совершилось окончательное освобожденіе русской церкви отъ греческой. Но какъ разъ почти въ то время, когда русская церковь заняла подобающее ей положеніе, наступила столь тяжкая для Россіи и для церкви русской смутная эпоха. Теперь церковной іерархіи, послѣ долгаго униженія, открылось обширное поприще снова явить свое высшее земское значеніе и выдержать трудное, но привычное стояніе за благо земли и церкви.

Не вдаваясь въ подробности, мы остановимся только на дѣятельности современника царя Василя Шуйскаго, патриарха Гермогена. Когда пошли слухи о появленіи второго самозванца, по его предложенію, въ Москву перенесены были мощи царевича Димитрія. Онъ писалъ затѣмъ увѣщательныя грамоты мятежникамъ. По его же предложенію была назначена церемонія торжественнаго народнаго покаянія, для чего была составлена грамота, въ которой излагалось народное исповѣданіе измѣнъ, клятвопреступленій, убійствъ, оскорбленій святыхъ—и другихъ земскихъ грѣховъ со смерти царя Теодора. Эта церемонія совершалась въ Успенскомъ соборѣ. Грамота читалась отъ имени патриарховъ Гермогена и ушедшаго на покой престарѣлаго и слѣпного Іова, нарочно для этого вызваннаго въ Москву. Но и эта грамота не имѣла желательныхъ результатовъ. Народное волненіе все болѣе и болѣе возрастало. Гермогенъ ободрялъ царя, увѣщевалъ бояръ и народъ, разсылалъ по городамъ грамоты, въ которыхъ описывалъ дѣла и смерть перваго самозванца, указывалъ на опасность для православія отъ поляковъ, предавалъ проклятію всѣхъ, кто измѣнитъ законному царю. За царя и гражданскій порядокъ ревностно стояли и другіе святители, а так-

же монастыри, и въ особенности Троице-Сергіевская лавра. Но смута продолжалась. Пользуясь ею, Сигизмундъ, король польскій, потребовалъ короны московской для сына своего Владислава и осадилъ Смоленскъ. Въ Москвѣ образовалась партія въ пользу польскаго королевича. Еще въ началѣ 1609 г. недовольные царемъ Василюмъ Шуйскимъ выгнали Гермогена на лобное мѣсто и, оскорбляя его, требовали отъ него согласія на перемѣну царя. Но патріархъ не побоялся толпы и заступился за Шуйскаго, законнаго царя. Однако въ 1610 г. Шуйскій былъ свергнутъ съ престола... Патріархъ зывалъ къ православнымъ о защитѣ вѣры. Изъ Москвы была разслана повсюду трогательная грамота, въ которой, увѣщевая города бороться противъ общаго врага, патріархъ выставлялъ на видъ религиозное единство всѣхъ русскихъ людей и священное значеніе Москвы. Города тоже обмѣнивались грамотами, и во главѣ этого земскаго движенія стоялъ патріархъ. Теперь кромѣ патріарха города не хотѣли знать никакого другого начальства и къ нему посылали всѣ свои отписки о сборѣ ратныхъ людей... Но вотъ въ то время, когда русскіе послы съ митр. Филаретомъ были задержаны въ Польшѣ, поляки съ Салтыковымъ сдѣлали послѣднюю попытку уговорить патріарха, чтобы онъ велѣлъ вернуться шедшей къ Москвѣ земской рати, но получили отъ него рѣшительный отказъ. „Благославляю всѣхъ, — говорилъ патріархъ, — довести начатое дѣло до конца, ибо вижу поправленіе истинной вѣры отъ еретиковъ и отъ васъ измѣнниковъ и разореніе святыхъ божіихъ церквей, и не могу слышать пѣнія латинскаго въ Москвѣ“. Послѣ этого его посадили подѣ стражу и лишили всякихъ средствъ сноситеся съ народомъ. Патріархъ умеръ въ темницѣ, но его самоотверженная дѣятельность не осталась безплодною. Онъ сумѣлъ возбудить всѣ силы народа, и ему должны мы приписать честь очищенія Москвы отъ поляковъ. Москва была освобождена. На пре-

столь былъ избранъ Михаилъ Теодоровичъ. Смутное время погасло. Но слѣды его безурядицъ долго еще оставались въ русской жизни. На помощь молодому царю въ это трудное время явился другой патріархъ, отецъ его Филарета. Благодаря тому, что сынъ патріарха былъ царемъ, значеніе патріарха еще болѣе возрасло въ глазахъ народа. Филаретъ носилъ титулъ „великаго государя“ и назывался „соправителемъ“. Онъ принималъ постоянное участіе во внутреннемъ управленіи и въ дѣлахъ внѣшнихъ. Онъ присутствовалъ на аудіенціяхъ иностранныхъ пословъ; его придворный штатъ, по своему блеску, не уступалъ царскому. Современники о немъ говорятъ, что онъ не только слово Божіе исправлялъ, но и земскими дѣлами всѣми правилъ и при немъ никого не было сильныхъ, вромѣ самихъ государей.

Теперь значеніе главы русской церкви должно было высоко подняться въ глазахъ народа. Этому способствовалъ и Алексѣй Михайловичъ. Внукъ патріарха Филарета, Алексѣй Михайловичъ любилъ въ торжественныхъ случаяхъ всенародно оказывать почетъ патріарху. Лучше всего установившіяся теперь отношенія между царемъ и патріархомъ характеризуются въ письмѣ Алексѣя Михайловича къ Новгородскому митрополиту (впослѣдствіи патріарху) Никону. Увѣдомляя его о смерти патріарха Іосифа, онъ говоритъ: „Съ тѣхъ поръ (т. е. со смерти патріарха) все перемѣнилось не только въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ; худо безъ пастыря дѣлать жить... Когда доложили намъ въ церкви о смерти патріарха, то на насъ такой страхъ и ужасъ напалъ, что едва пѣть могли, а въ соборѣ у пѣвчихъ и властей (высшихъ духовныхъ лицъ) со страха и ужаса ноги подломились, ибо кто преставился? Какъ овцы безъ пастуха не знаютъ, куда дѣваться, такъ и мы теперь, грѣшныя, не знаемъ, гдѣ головы преклонить: прежняго отца и пастыря лишились, а новаго нѣтъ“...

Алексѣй Михайловичъ увѣрялъ въ этомъ письмѣ будущаго патріарха, что и на умѣ у него никогда не было устранять патріарха Иосифа и „даже подумать ему объ этомъ было страшно“. Для Никона это признаніе было весьма важно. Это письмо, по замѣчанію Соловьева, лучше всего объясняетъ явленіе Никона, ибо одного характера послѣднего недостаточно для объясненія тѣхъ отношеній, въ какія онъ поставилъ себя къ государю и государству. Много также значили и тѣ воззрѣнія о значеніи высшихъ представителей церкви, которыя распространены были въ западной Европѣ. Въ XVII в. и на Востокѣ слагается уже мнѣніе, что „патріархъ есть второй царь, перваго царя большій“. Еще Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ проводилъ ту мысль, что „святительство вѣнчаеъ и утверждаетъ царей, а не царство святителей“, что „елико отстоитъ небо отъ земли, толико отстоитъ нашъ санъ паче всякаго сана мірскаго“. А царь Алексѣй Михайловичъ, въ своемъ смиреніи, не допускалъ даже сравненія между „царемъ земнымъ“ и „великимъ свѣтильникомъ, прославленнымъ Богомъ“, т. е. патріархомъ. Такимъ образомъ прижѣръ папства, съ одной стороны, притязаніями котораго заразились и многія греческія духовныя лица, смиреніе царя, съ другой, развили и въ Никонѣ, въ сущности чуждыя характеру восточной церкви, стремленія къ подчиненію свѣтской власти духовному владыкѣ. Соглашаясь на просьбы государя, Никонъ принялъ патріаршество, подъ условіемъ, что всѣ будутъ почитать его, какъ начальника и отца, дадутъ ему устроить церковь по его намѣренію и будутъ послушны ему во всемъ. По мнѣнію Никона, духовенство должно занимать въ государствѣ первенствующее положеніе. Оно должно быть поставлено внѣ государственной зависимости. Поэтому онъ былъ очень недоволенъ Уложеніемъ, устанавливавшимъ равный судъ для всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, не исключая и духовенства, подчиненнаго Монастырскому Приказу, въ которомъ рядомъ съ духовны-

ми засѣдали и свѣтскія лица, постепенно вытѣснявшія первыхъ. По Уложенію духовенство утрачивало свои судебныя привилегіи и подчинялось надзору воеводъ. И несмотря на тѣ уступки, которыя Алексѣй Михайловичъ вынужденъ былъ дѣлать въ пользу монастырскихъ имуществъ и духовнаго суда, Никонъ не разъ „доучалъ“ царю, чтобъ онъ „искоренилъ книгу Уложеніе“. Ратуя противъ „равнаго суда“, онъ говорилъ, между прочимъ: „гдѣ написано, чтобъ царямъ, князьямъ, боярамъ, дьякамъ, судьямъ—судить патріарха, митрополитовъ, епископовъ, игуменовъ, поповъ, причетниковъ? Богъ грозно караетъ за посягательство на духовный чинъ. Царь имѣетъ власть надъ мірскими людьми, а духовные подлежатъ суду Божью, который долженъ быть въ рукахъ патріарха“.

Въ сознаніи превосходства своей власти надъ властью свѣтскою, Никонъ пишетъ боярину Стрѣшневу: „ты говоришь, что царь вручилъ намъ надзоръ надъ церковнымъ судомъ,—это северная хула: не отъ царей исходитъ власть священства, но отъ священства помазываются на царство; много разъ доказано, что *священство* выше *царства*“ ... Доказывая преимущество духовной власти передъ свѣтскою, Никонъ прибѣгаетъ къ сравненію, которымъ пользовались и на Западѣ сторонники притязаній папства: „Всемогущій Богъ, когда сотворилъ небо и землю, тогда повелѣлъ свѣтити двумъ свѣтиламъ: *солнцу* и *лунѣ*, и черезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую; архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами; царская—надъ предметами видимаго міра. Мечъ царскій долженъ быть готовъ на неприятелей вѣры православной: архіереи и духовенство требуютъ, чтобы ихъ защищали отъ всякой несправды и насилій; это обязаны дѣлать мірскіе люди. Міряне нуждаются въ духовныхъ для душевнаго спасенія; духовные нуждаются въ мірянахъ для внѣшней обороны: въ этомъ власть духовная и свѣтская не выше другъ друга, но каждая происходитъ отъ Бога“.

Такимъ образомъ Никонъ отводитъ свѣтской власти и внѣшнему міру исключительно служебное значеніе. Но нельзя не обратить вниманія на то, что нѣкоторыя мѣста этой тирады прямо напоминаютъ намъ опредѣленіе отношеній между свѣтской и духовной властями, сдѣланное папою Григоріемъ VII въ письмѣ его къ Вильгельму Завоевателю *). Сочувствіе папству и его притязаніямъ обнаруживается, напр., въ слѣдующихъ словахъ, съ которыми Никонъ обратился однажды, по частному случаю, къ одному изъ своихъ подчиненныхъ: „Папу за доброе отчего не почитать? Тамъ верховные апостолы Петръ и Павелъ, а онъ у нихъ служить“. Что Никонъ очень хорошо былъ знакомъ съ исторіей папства и съ папскими притязаніями, что онъ въ значительной степени находился подъ ихъ вліяніемъ, видно изъ того, что при немъ впервые появляется въ русскомъ переводѣ извѣстная подложная грамота „Даръ Константина“, составленная на Западѣ съ цѣлью подтвердить верховныя, — свѣтскія и церковныя, — права римскаго папы **). Въ ней отъ имени императора Константина предоставляется папѣ Сильвестру власть выше императорской, дается множество привилегій и обеспечиваются на будущее время имущественныя права церкви... Къ намъ эта подложная грамота перешла черезъ Византію.

Послѣ всего сказаннаго понятно, какъ должны были льстить Никону заявленія восточныхъ патріарховъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1655 г., которые говорили царю: „съ нашего соизволенія и согласія этотъ нашъ братъ на мѣсто папы римскаго сдѣлался патріархомъ московскимъ.“ И въ то время,

*) „Міръ физическій освѣщается двумя свѣтилми, болѣе значительными, чѣмъ другія, — солнцемъ и луною: въ нравственномъ порядкѣ вещей папа избираетъ солнце, а король занимаетъ мѣсто луны“.

***) Никонъ, вступившій на патріаршій престолъ съ тѣмъ условіемъ, что гражданская власть не будетъ мѣшаться въ дѣла церкви, помѣстивъ этотъ документъ подъ названіемъ „Вѣно Константиново“ въ числѣ дополнительныхъ статей къ печатной Кормчей, приготовленной въ выпускъ еще при патріархѣ Іосифѣ, его предшественникѣ.

фактъ въ южной Руси высказывались возраженія противъ подлинности „Дара Константина“,—въ Руси московской, благодаря Никону, намятникъ этотъ долго сохранялъ свое значеніе и выставлялся въ защиту церковныхъ правъ каждый разъ, какъ только правительство имѣло намѣреніе ограничить эти послѣднія (напр., при Петрѣ I, Екатеринѣ II). Современники однако посвоему понимали стремленія Никона и объясняли ихъ его личнымъ характеромъ: они заявляли царю, что Никонъ „возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко“, что это—патріархъ, „правлящій не евангеліемъ, а бердыгами, не крестомъ а топорьками“. Но эти стремленія получили иную оцѣнку, когда на престолъ вступилъ Петръ I, который окончательно опредѣлилъ отношенія между церковью и государствомъ. Изъ словъ, приписываемыхъ Петру, можно видѣть, какъ смотрѣлъ на причину паденія Никона онъ самъ и тѣ изъ его приближенныхъ, которые понимали церковную реформу Петра I. „Никонъ,—говорилъ Петръ,—служилъ и угождалъ моему родителю, за что и получилъ отъ него многочисленныя царскія милости, но послѣ заразился духомъ царскаго властолюбія. Возмнилъ о себѣ, что онъ выше самого государя, да и народъ тщился привлечь къ сему-жъ зловредному мнѣнію, особливо въ публичныхъ церемоніяхъ“.

Такой же взглядъ на Никона высказываетъ и историкъ нашъ Татищевъ, этотъ „чтенецъ“ реформъ Петра, который, говоря, что у насъ нѣкоторые митрополиты и патріархи явно обнаружили стремленіе приобрести власть надъ государями, указываетъ на папскія стремленія Никона и радуется, что Петръ Великій „разсудилъ такую великую власть уменьшить и впредь такия опасности пресѣчь, *уцредивъ синодъ*“. Реформа Петра Великаго представляетъ коренной поворотъ въ отношеніяхъ церкви и государства. Въ политическомъ отношеніи церковь при Петрѣ должна была въ значительной степени подчиниться общему направленію его реформы. Еще

во время перваго своего путешествія по Европѣ, Петръ съ сочувствіемъ выслушивалъ въ Англіи совѣты Вильгельма Оранскаго—организовать русскую церковь (въ административномъ отношеніи) на подобіе англиканской, а въ 1712 г., будучи въ Виттенбергѣ, онъ сказалъ передъ статуей Лютера слѣдующія знаменательныя слова: „Сей мужъ подлинно заслужилъ это: онъ на палу и на все его войнство столь мужественно наступалъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣе прочихъ“. Не слѣдуетъ однако считать нашу Синодъ учрежденіемъ, заимствованнымъ съ Запада. Идея соборнаго, а не единоличнаго рѣшенія церковныхъ дѣлъ, извѣстная съ первыхъ вѣковъ христіанства, примѣнялась и въ Россіи (напр. Стоглавый соборъ при Иоаннѣ IV и др.).

Переворотъ, задуманный Петромъ Великимъ, ускоренъ былъ слѣдующими обстоятельствами.

Въ протестахъ противъ его преобразованій сильное участіе принимало духовенство. Самъ глава этого духовенства патриархъ Адріанъ рѣзко высказывался въ старомъ духѣ противъ иноземныхъ обычаевъ и нововведеній. Положимъ, онъ скоро принужденъ былъ замолчать и даже уѣхалъ изъ Москвы, безучастно поселившись въ одномъ изъ своихъ монастырей. Но Петру этого было мало; ему нужно было, чтобы патриархъ ему содѣйствовалъ; безучастное положеніе главы церкви было, собственно говоря, тѣмъ же отрицаніемъ новыхъ порядковъ, только безмолвнымъ. Поэтому, чѣмъ больше разгоралась борьба реформы съ противодѣйствіями, тѣмъ положеніе патриарха дѣлалось хуже, а отношенія къ нему царя подозрительнѣе. Царь видѣлъ въ немъ средоточіе всѣхъ недовольныхъ. Для подтвержденія такого взгляда, среди тогдашнихъ обстоятельствъ, ему вовсе не нужно было какихъ нибудь особенныхъ фактовъ въ поведеніи патриарха Адріана; достаточно было и того, что патриархъ прежде высказывался въ духѣ недовольныхъ; теперь онъ замолчалъ, но онъ могъ заговорить

опять, и притомъ въ такое время, когда противодѣйствіе патріарха было всего болѣе опасно, когда оно могло надѣлать еще болѣе хлопотъ, чѣмъ во времена Никона. Несмотря на то, что патріархъ Адріанъ вовсе не былъ похожъ на Никона, грозная тѣнь Никона была постоянно въ глазахъ Петра.

Недоволенъ былъ Петръ и вообще великорусскимъ духовенствомъ, не имѣвшимъ нужнаго для цѣлей реформы образованія и, главное, выражавшаго порицаніе его дѣятельности. Среди духовенства возвышались противъ него голосъ не только многіе священники и монахи, но даже нѣкоторые архіереи. Большая часть іерарховъ подражала безмолвію патріарха, и только очень немногіе выражали Петру свое сочувствіе. Это недовольство Петра великорусскимъ духовенствомъ еще болѣе усилилось, когда вполнѣ раскрылось то участіе, враждебное Петру, которое принимало оно въ дѣлѣ царевича Алексѣя и царицы Евдокіи.

Люди, недовольные преобразованіями, какъ извѣстно, всю надежду полагали въ будущемъ, когда долженъ былъ воцариться царевичъ Алексѣй, воспитанный въ старомъ духѣ. На него же возлагало свои надежды и недовольное новыми порядками духовенство. Благодетельный царевичъ постоянно былъ обруженъ духовными лицами стариннаго направленія и самъ высказывалъ большое нерасположеніе къ реформамъ отца. Близкіе къ нему духовныя лица, особенно духовникъ его Яковъ Игнатьевъ, употребляли все свое вліяніе на царевича, чтобы внушить ему ненависть ко всѣмъ дѣламъ и даже къ самой личности отца, постоянно напоминая ему о судьбѣ несчастной его матери Евдокіи. Царевичъ поддался этому вліянію и въ своихъ честолюбивыхъ планахъ всего болѣе разсчитывалъ на расположеніе духовенства. Когда бѣжавшій за границу царевичъ былъ привезенъ обратно, онъ по слабости своей выдалъ всѣхъ своихъ сторонниковъ и между прочимъ сильно повредилъ духовенству, поставивъ главною причиною своей

вражды съ отцомъ „бесѣды съ попами и чернецами“. Вскорѣ онъ умеръ и смерть его еще болѣе раздражила Петра противъ духовенства. Въ одно время съ дѣломъ царевича шло и дѣло его матери. По розыскамъ оказалось, что она не переставала считать себя царицей, свое невольное постриженіе считала недѣйствительнымъ, ходила въ мирскомъ платьѣ и мечтала снова быть на престолѣ. Оказалось также, какъ и въ дѣлѣ царевича Алексѣя, что около нея сгруппировался цѣлый кружокъ недовольныхъ, въ которомъ главную роль играли даже такіе видные представители духовенства, какъ митрополитъ крутицкій Игнатій и архіерей ростовскій Досіеѣй.

Все это сильно раздражало Петра, которому въ его дѣятельности дорога была каждая минута. Всякая остановка, всякое уклоненіе въ сторону для борьбы съ недовольными элементами общества очень невыгодно должны были отзвѣтываться на результатахъ его работы. Притомъ и въ самой-то церкви, по его мнѣнію, многое нуждалось въ исправленіи, а духовенство не признавало необходимости этихъ исправленій и враждебно относилось къ нимъ. Еще раньше, недовольный великорусскимъ духовенствомъ, онъ сталъ предоставлять великорусскія кафедръ болѣе образованнымъ архіереямъ—малороссамъ. Но и среди послѣднихъ попадались лица ненадежныя. Даже самъ Стефанъ Яворскій, на котораго возлагалось столько надеждъ, оказался замѣшаннымъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя. Этотъ честолюбивый „мѣстоблюститель патріаршаго престола“ (со смерти патр. Адріана, т. е. съ 1700 г.) начиналъ уже замѣтно скучать въ напрасномъ ожиданіи патріаршаго сана и понемногу сталъ сближаться съ недовольной партіей великорусскаго духовенства. Петръ зналъ объ этомъ, но не принималъ противъ него рѣшительныхъ мѣръ, ограничиваясь бдительнымъ надзоромъ за нимъ.

Но надо было наконецъ разъ навсегда покончить эту борьбу. Въ интересахъ той дѣятельности, которой Петръ по-

святить всю свою жизнь и всё свои способности, надо было поставить духовенство въ строго подчиненное по отношенію къ государству положеніе. Средствомъ для этого и было учрежденіе Синода.

Теперь остановимся на двухъ вопросахъ: 1) въ силу какихъ соображеній было признано необходимымъ ввести въ церковное управленіе коллегіальное начало, т. е. поставить его въ одинаковыя условія съ управленіемъ гражданскимъ и военнымъ? и 2) каковы были внутреннее устройство Синода, его составъ и его дѣятельность?

Оба эти вопроса обстоятельно и подробно разсматриваются въ „Духовномъ Регламентѣ“, который составленъ былъ, по порученію Петра, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и, нѣсколько измѣненный въ засѣданіяхъ сената (гдѣ присутствовали 9 высшихъ духовныхъ особъ), былъ утвержденъ въ 1721 г.

Вотъ какъ объясняетъ регламентъ причины учрежденія духовной коллегіи, или Синода:

1) Коллегіальное управленіе способнѣе для изслѣдованія истины, чѣмъ единоличное.

2) Приговоръ соборный имѣетъ болѣе силы, чѣмъ приговоръ одного лица.

3) Дѣла скорѣе рѣшаются.

4) Нѣтъ мѣста пристрастію, коварству и лихоимству.

5) Коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію.

6) Отъ соборнаго правленія нельзя опасаться отечеству мятежей и смущенія, какіе происходятъ отъ одинаго правителя духовнаго, ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, но великою высочайшаго пастыря честью и славою удивленный, помышляетъ, что такой правитель есть второй государь, самодержцу равнотильный, или еще и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. Простыя сердца такъ мнѣніемъ

этим развращаются, что не столько смотреть на самодержца своего, сколько на верховнаго пастыря, и когда услышатъ между ними распрю, то всё болѣе духовному, чѣмъ мірскому правителю сочувствуютъ, хотя слѣпо и пребезумно; за духовнаго ратовать и бунтовать дерзають и льстятъ себя, что по самомъ Богѣ поборають. Такому въ народѣ мнѣнію очень рады бывають коварные люди, враждующіе на своего государя. Что-же, если и самъ пастырь, надменный о себѣ такимъ же мнѣніемъ, спать не захочетъ? Трудно сказать какое бѣдствіе можетъ произойти отсюда.

Сославшись затѣмъ на византійскую исторію послѣ Юстиніана и на исторію папства, регламентъ заключаетъ: „Да не вспоманутся подобные и у насъ бывшіе замахи!“*).

Таковы причины, принудившія Петра уничтожить патриаршество и учредить Синодъ. Изъ указываемыхъ регламентомъ 6-ти причинъ, конечно, самая главная послѣдняя: Петръ хотѣлъ поставить самодержавную власть въ положеніе вполне независимое, освободить её отъ какихъ бы то ни было стѣсненій. Каково же было внутреннее устройство Синода и его отношеніе къ другимъ центральнымъ учрежденіямъ?

Въ манифестѣ объ учрежденіи Синода повелѣно было

*) Вотъ выдержка изъ манифеста 25-го января 1725 г. объ учрежденіи Синода: „Посмотри на духовный чинъ и види въ немъ многія нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетный на совѣсти нашей возымѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарни Вышнему, аще толика отъ Него получивъ благопопѣшества въ исправленіи какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго. И когда нелицемѣрный Судія воспроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ отъ Него врученномъ приставленіи, да не будемъ безответны. Того ради, образомъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Заветѣ, благочестивыхъ царей, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, а не вида лучшаго къ тому способа, паче соборнаго правительсва, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, къ тому же не наслѣдственная власть, того ради вѣщше небрегутъ,—устанавлиемъ духовную коллегію, т. е. духовное сорборное правительсво“... Къ манифесту приложена присяга для чиновъ Синода, въ которой устанавливается главенство государя въ вопросахъ церковнаго управленія: „Исповѣдую съ клятвою *крайнюю судію* сего духовнаго коллегіи быти самого Всероссийскаго Монарха, Государя нашего Всемилоствѣйшаго“.

быть членамъ: одному президенту, двумъ вице-президентамъ, четыремъ совѣтникамъ и четыремъ ассессорамъ. Такимъ образомъ число „правительствующихъ особъ“ Синода было 11. Въ члены Синода должны были выбираться лица изъ всѣхъ классовъ духовной іерархіи: архіереи, архимандриты, игумены, протоіереи,— „изъ котораго числа тремъ архіереямъ, а прочихъ чиновъ сколько достойныхъ сыщется“. Желая установить коллегіальное начало во всей его чистотѣ, Петръ принялъ мѣру предосторожности противъ того, чтобы „двѣ или три особы не превратились въ одного человѣка“, именно: было приказано, чтобы при выборахъ въ члены Синода строго наблюдалось слѣдующее правило: въ составѣ „правительствующихъ особъ“ не должно было находиться архимандритовъ и протопоповъ, „подручныхъ“ кому либо изъ засѣдающихъ въ Синодѣ архіереевъ, „ибо—гласить указъ—такой архимандритъ или протопопъ будетъ непрестанно наблюдать, къ которой сторонѣ судимой преклоненъ есть епископъ его, къ той и тотъ архимандритъ и протопопъ преклоненъ будетъ“.

Такимъ образомъ по отношенію къ личному составу Синода мы видимъ, что здѣсь цѣликомъ приложено было то начало, которое Петръ Великій старался провести въ организаціи свѣтскихъ государственныхъ учреждений: тѣ же иностранныя названія членовъ, тѣ же условія избранія, то же безразличіе по отношенію къ іерархическимъ степенямъ. Единственное отличіе Синода, по личному составу, отъ свѣтскихъ учреждений, заключалось въ томъ, что всѣ члены его должны были быть изъ духовнаго званія.

При Синодѣ была и канцелярія, при которой состояли на первый разъ: оберъ-секретарь (впослѣдствіи учреждена была должность оберъ-прокурора), секретарь, 15 подъячихъ старыхъ, 10 подъячихъ средней статьи и 18 молодыхъ, нотаріусъ и регистраторъ. Къ концу 1722 года всѣхъ „пер-

сонъ“, которыя находились у дѣлъ въ Синодѣ, было 222. Всѣмъ этимъ лицамъ положенъ былъ окладъ жалованья наравнѣ съ канцеляристами сената. Порядокъ дѣлопроизводства былъ тотъ же самый, какъ и въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, въ коллегіяхъ и сенатѣ.

Съ теченіемъ времени постепенно измѣнялся не только личный составъ Синода и его канцеляріи, но и порядокъ завѣдыванія дѣлами. Кромѣ того, учреждались при немъ новыя должности, какъ напр., съ 1722 года мы встрѣчаемся съ должностью оберъ-прокурора, который называется въ одномъ указѣ „окомъ государя и стряпчимъ по дѣламъ государственнымъ“, т. е. представителемъ государя, какъ „крайняго судіи“ Синода. Ему подчинены были прокуроры духовныхъ приказовъ и духовные фискалы,—чиновники, разсылавшіеся для надзора за духовнымъ управленіемъ по городамъ и монастырямъ и по мѣстностямъ синодальнаго вѣдомства. При Синодѣ организовалось дѣловое фискальное управленіе въ формѣ „инквизиторскаго приказа“, во главѣ котораго стоялъ „инквизиторъ“, которому подчинены были провинціальныя инквизиторы,—фискалы. Такъ какъ члены Синода жили большею частью въ Петербургѣ, то въ Москвѣ въ 1722 г. было учреждено отдѣленіе Синода—„дикастерія“, или консисторія, управлявшаяся архіепископомъ, съ помощью нѣсколькихъ московскихъ архимандритовъ.

Первымъ президентомъ Синода былъ назначенъ Стефанъ Яворскій. Вице-президентами были: Феофанъ Прокоповичъ и Θεодосій, архіепископъ Новгородскій. Всѣ они были образованнѣйшими людьми своего времени, но по взглядамъ своимъ, по направленію, существенно различались. Стефанъ Яворскій несочувственно относился къ нововведеніямъ Петра Великаго. Поэтому назначеніе его президентомъ Синода едва ли можетъ быть названо удачнымъ. Феофанъ Прокоповичъ представлялъ прямую противоположность Яворскому. Превосходя всѣхъ

современниковъ своего сословія умомъ, знаніями и дарованіями, онъ, подобно Петру, не скрывалъ своего недовольства, часто переходившаго въ презрѣніе, ко всему, что напоминало ему старое и что становилось ему преградой для осуществленія его любимыхъ идей (въ своей сферѣ онъ былъ такой же новаторъ, какъ и Петръ въ сферѣ государственной). Подобно Петру, онъ также шелъ къ своей цѣли, не задумываясь надъ средствами, съ тѣмъ же неумолимымъ постоянствомъ и удивительною послѣдовательностью. Будучи вице-президентомъ Синода, Теофанъ Прокоповичъ былъ поэтому вполне на своемъ мѣстѣ *). Что касается Θεодосія Яновскаго, то онъ, подобно Стефану Яворскому и Теофану Прокоповичу, былъ тоже лично извѣстенъ самому Петру и пользовался его расположеніемъ. Наконецъ и среди совѣтниковъ и ассессоровъ находились люди образованные и вполне соотвѣтствовавшіе своему высокому назначенію.

Относительно предметовъ вѣдомства новаго учрежденія въ духовномъ регламентѣ встрѣчаемъ подробныя указанія. Дѣла, подвѣдомственныя Синоду, раздѣлены были на два разряда: дѣла, касающіяся вообще всѣхъ христіанъ, или такъ называемыя общія дѣла, и дѣла, относящіяся собственно къ духовенству, а также и къ свѣтскимъ лицамъ, насколько послѣднія нуждались въ заботахъ о нихъ духовенства. Общія дѣла, въ свою очередь, раздѣлялись на два вида: въ первомъ изъ нихъ отнесены были, на примѣръ, слѣдующія: свидѣтельствованіе акафистовъ, молебновъ и вообще церковныхъ службъ, также житій святыхъ, мощей и явленія чудотворныхъ иконъ; разсмотрѣніе всѣхъ духовныхъ сочиненій; искорененіе разнаго рода суевѣрій, вредныхъ обычаевъ и вообще всѣхъ заблужденій, какъ относительно христіанскаго

*) Для болѣе полнаго ознакомленія съ этою замѣчательною личностью могутъ служить два сочиненія: „Теофанъ Прокоповичъ и его время“ г. Чистовича и „Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель“ г. Морозова.

ученія, такъ и церковныхъ обрядовъ и церемоній. Второй же видъ общихъ дѣлъ состоялъ въ томъ, чтобы „сочинить три книжицы небольшія,“—изъ коихъ въ первой должны быть изложены догматы вѣры и заповѣди Божіи, во второй—„обязанности всякаго чина“ и въ третьей—образцы проповѣдей. Затѣмъ относительно духовныхъ, въ отдѣлѣ „о епископахъ“, съ возможною подробностью очерчены обязанности епископовъ по управленію епархіями, степень ихъ власти и отношенія ихъ къ Синоду. Означены были также права и обязанности другихъ церковныхъ лицъ,—священниковъ, дьяконовъ, монаховъ. Въ отношеніи всѣхъ этихъ лицъ Синодъ являлся прежде всего высшимъ правительственнымъ и апелляціоннымъ учрежденіемъ. Онъ избиралъ и постановлялъ епископовъ, разрѣшалъ тѣ дѣла, которыхъ не могъ разрѣшить епископъ,—по новизнѣ ли и трудности самого дѣла, или по ограниченности предоставленной епископу власти. Суду Синода по регламенту подлежали слѣдующія дѣла: „недоумѣнные браки, вины разводовъ брачныхъ, обиды клиру или монастырю, отъ своего епископа нанесенныя; обиды, сдѣланныя епископу отъ другого епископа, и, кратко говоря, всѣ тѣ дѣла, которыя къ суду патриаршему надлежали“. Суду Синода подлежали также и члены его. Далѣе въ вѣдомствѣ Синода были дѣла о расколѣ, нѣкоторые „недоумѣнные падежи совѣсти“, какъ на примѣръ, если кто нибудь „по неволѣ приметъ безбожную вѣру“ и обратится потомъ опять къ православію, то Синодъ долженъ былъ разсудить, какъ въ этомъ случаѣ слѣдовало поступать. Синодъ долженъ былъ заступаться за священно-церковно-служителей, въ случаѣ несправедливой обиды и вообще притѣсненій, причиняемыхъ послѣднимъ. Духовный регламентъ указываетъ два случая, въ которыхъ Синодъ долженъ дѣйствовать совместно съ другими учрежденіями, именно: о сомнительныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ знатныхъ лицъ онъ разсуждаетъ съ юстицъ-коллегіей и о содержаніи при-

ходскаго духовенства—съ сенатомъ. Наконецъ Синодъ является учрежденіемъ, контролирующимъ въ духовномъ вѣдомствѣ по финансовому управленію; онъ разсматриваетъ, кто и какъ владѣетъ землями церковными, куда издерживаются церковныя суммы.

Всматриваясь въ дѣла, подвѣдомственные только что учрежденному Синоду, нельзя прежде всего не замѣтить, что они весьма разнообразны и разнородны, а затѣмъ и не столько опредѣлительно полны, какъ это можетъ показаться съ перваго раза.

Въ этой разнородности подвѣдомственныхъ Синоду дѣлъ, а также въ отсутствіи строго опредѣленныхъ рамокъ для дѣятельности всѣхъ центральныхъ учреждений вообще, и заключалась причина тѣхъ неопредѣленныхъ, подчасъ даже враждебныхъ отношеній, въ которыхъ находился Синодъ въ другимъ учрежденіямъ въ первое время своего существованія.

По мысли преобразователя Синодъ является учрежденіемъ, равнымъ съ сенатомъ, имѣвшимъ власть, равную патріаршей и даже большую,— „понеже соборъ,“—вышимъ по отношенію ко всѣмъ коллегіямъ, въ которыхъ могъ даже писать указы. Въ предѣлахъ своего вѣдомства власть Синода была такая же, какъ власть сената въ области свѣтскаго управленія. Наиболѣе серьезные вопросы, распоряженія и мѣропріятія, касающіяся государственной и общественно-бытовой жизни,—относились ли они къ духовному или свѣтскому управленію,—разсматривались и обсуждались Синодомъ совмѣстно съ сенатомъ на общихъ конференціяхъ. Словомъ, Петръ желалъ сдѣлать Сенатъ и Синодъ единственными исполнительными органами, черезъ которые выражалась бы верховная власть въ Россіи и которыми предъ нею выяснялись бы потребности улучшенія нравственнаго и общественнаго быта народа.

Но на дѣлѣ Синоду приходилось вести настойчивую, упорную борьбу съ другими учрежденіями и даже съ сенатомъ, чтобы поддержать тотъ авторитетъ, который былъ дарованъ ему государемъ. Указы, рассылаемые Синодомъ по коллегіямъ, сплошь и рядомъ исполнялись неохотно, съ проволочками, а иногда даже и вовсе не исполнялись. Сенатъ замѣтно старался занять первенствующее положеніе и часто не выполнялъ самыхъ справедливыхъ требованій своего собрата. Синодъ обращался съ жалобами къ государю и просилъ его указовъ. А указы, рассылаемые царемъ по различнымъ учрежденіямъ, часто,—что было вполне естественно при его кипучей дѣятельности,—противорѣчили одинъ другому и еще болѣе запутывали неопредѣленные отношенія между ними.

Всѣ эти пререканія между Синодомъ и другими учрежденіями возникали болѣе всего по двумъ вопросамъ: 1) по вопросу о назначеніи въ Синодъ служащихъ и 2) по вопросу объ удовлетвореніи жалованьемъ всѣхъ служащихъ въ синодальномъ вѣдомствѣ. При той нуждѣ, которую въ то время испытывало правительство въ служащихъ людяхъ, и при той запутанности финансоваго управленія, какая тогда существовала, вопросы эти естественно имѣли громадное значеніе. Сплошь и рядомъ сенатъ и коллегіи, несмотря на неоднократныя требованія Синода доставить въ его канцелярію назначенное уже на службу въ Синодъ лицо, или отмачивались, или прямо отказывали, подъ разными предлогами. Синодъ жаловался государю, требуя отъ коллегій или отъ сената „сатисфакціи“, но это плохо помогало. Такъ же было и въ вопросѣ о жалованьѣ. Нельзя обвинять великаго преобразователя въ томъ, что онъ не успѣлъ до мельчайшихъ подробностей опредѣлить законодательнымъ порядкомъ отношенія между различными учрежденіями: слишкомъ много у него было работы, слишкомъ разностороння была его дѣя-

тельность. А между тѣмъ и на Синодѣ лежали весьма трудныя обязанности, которыхъ онъ не могъ исправно исполнять безъ дружнаго содѣйствія со стороны другихъ учреждений.

Вообще, несмотря на личное участіе государя во многихъ дѣлахъ, очень часто обнаруживалась путаница въ только что устроенномъ управленіи между различными учреждениями и вѣдомствами. Можно представить себѣ, какую дѣятельность и какія великія способности долженъ былъ проявить для уменьшенія этой путаницы великій преобразователь Россіи, справедливо напоминавшій всѣмъ, обращающимся къ нему за разъясненіями, иногда по самымъ мелочнымъ вопросамъ: „васъ много, а я одинъ“! Такимъ образомъ, то обстоятельство, что при Петрѣ отношенія между Синодомъ и другими учреждениями не были строго опредѣлены, никоимъ образомъ не можетъ быть поставлено въ вину великому преобразователю: онъ не могъ подробно регламентировать дѣятельность введенныхъ имъ учреждений. Много было имъ, такъ сказать, только намѣчено въ общихъ чертахъ, и его преемникамъ оставалась для выполненія весьма серьезная и сложная задача: усвоить его идеи, усовершенствовать намѣченные имъ для ихъ осуществленія формы.

Въ настоящее время положеніе Синода среди другихъ государственныхъ учреждений вполнѣ опредѣлилось.

Синодъ состоитъ изъ членовъ постоянныхъ,—изъ коихъ одинъ (митрополитъ петербургскій) занимаетъ мѣсто первоприсутствующаго,—и временныхъ. Постоянные члены назначаются изъ лицъ какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства; временные избираются изъ среды епархіальныхъ архіереевъ, назначаемыхъ впредь до особаго распоряженія. Члены Синода не освобождаются отъ управленія ввѣренныхъ имъ епархій и частей. При Синодѣ состоитъ *оверъ-прокуроръ*, который служитъ представителемъ Синода въ высшихъ установленіяхъ государства и имѣетъ права министра по законодательнымъ

и высшимъ распорядительнымъ дѣламъ духовнаго управленія. Кроме того, онъ стоитъ во главѣ всѣхъ учрежденій, зависящихъ отъ Синода. Онъ—главный начальникъ синодской канцеляріи. На немъ же лежитъ составленіе ежегодныхъ всеподданѣйшихъ отчетовъ о состояніи церкви.

Дѣла, подвѣдомственныя Синоду, могутъ быть раздѣлены на три разряда:

1. *Дѣла по управленію церковью.* Въ этомъ отношеніи Синодъ прежде всего является блюстителемъ чистоты вѣры. Поэтому онъ наблюдаетъ, чтобы всѣ члены духовной іерархіи исполняли свои обязанности въ духѣ православія, не уклоняясь отъ признанныхъ церковью догматовъ и правилъ. Въ этомъ отношеніи Синодъ является высшею административною и судебною инстанціей по всѣмъ дѣламъ русской церкви. Ему принадлежитъ забота объ искорененіи расколовъ и суевѣрій. Въ его рукахъ находится цензура книгъ духовнаго содержанія; эти книги издаются подъ его наблюденіемъ и съ его благословенія. Онъ наблюдаетъ за поведеніемъ всего духовенства. На немъ лежитъ забота о религіозномъ просвѣщеніи народа *) и о распространеніи православія между иностранцами.

2. *Дѣла по части духовно-учебной.* Необходимость своевременнаго и достойнаго замѣщенія духовныхъ должностей требуетъ, чтобы Синодъ располагалъ достаточнымъ количествомъ учебныхъ заведеній; отсюда—заботы Синода о школахъ для духовенства. Всѣ дѣла по этой части сосредоточены въ „Духовно-учебномъ комитетѣ при св. Синодѣ“, находящемся въ вѣдѣніи оберъ-прокурора.

3. *Дѣла по хозяйственному управленію*, т. е. по расходованію суммъ, находящихся въ распоряженіи Синода **).

*) Цѣль эту преслѣдуютъ и подвѣдомственныя Синоду церковно-приходскія школы.

**) См. въ указанномъ соч. *Градовскаго* стр. 348—353.

Св. Синодъ, какъ учрежденіе, относящееся къ разряду высшихъ государственныхъ установленій, пользуется въ своей области правами сената. Въѣстѣ съ тѣмъ св. Синодъ является органомъ, посредствомъ котораго дѣйствуетъ въ управленіи православною церковью самодержавная власть Государя Императора, верховнаго защитника и хранителя догматовъ православной вѣры, верховнаго блюстителя правовѣрія и церковнаго благочинія.

Вопросы.

1. Отношенія русской церкви къ греческой
 2. Установленіе независимости русской церкви.
 3. Значеніе церковной іерархіи въ исторіи развитія московскаго государства и самодержавія.
 4. Положеніе митрополита при Іоаниѣ III, Василии III и Іоаннѣ IV.
 5. Учрежденіе патріаршества и его причины.
 6. Смутная эпоха и патріархъ Гермогенъ.
 7. Патріархъ Филаретъ.
 8. Притязанія Никона.
 9. Причины отмѣны патріаршества и учрежденія Синода.
 10. Положеніе Синода при Петрѣ I.
 11. Современное значеніе Синода.
-

V.

Приказы *).

Въ исторіи древнерусскаго, допетровскаго управленія мы замѣчаемъ два періода, существенно отличныхъ одинъ отъ другого. Въ первомъ періодѣ (X—XIII в.) верховная власть и земля живутъ какъ бы отдѣльно другъ отъ друга: князья ограничиваются полученіемъ дани и различныхъ пошлинъ, творятъ судъ или сами, или чрезъ своихъ тиуновъ, защищаютъ землю отъ внѣшнихъ враговъ. Въ случаяхъ особенно выдающихся они лично, а чаще чрезъ своихъ воеводъ, возстановляютъ въ той или другой части земли нарушенный порядокъ и спокойствіе и затѣмъ во внутреннія дѣла земли не вмѣшиваются; земля управляется своими собственными силами. Земскіе люди сами между собою распредѣляютъ и дань (подать) и разныя повинности. Обыденныя дѣла справляются своими „лучшими“, „добрыми“ людьми: старостами, сотскими, десятниками, во главѣ которыхъ стоятъ земскіе тысяцкіе, — эти представители той или другой области (земли), начальники земскаго ополченія, ходатаи и защитники земскаго населенія, преемники прежнихъ племенныхъ князей, существовавшихъ параллельно съ пришлыми варяжскими (напр. современникъ Игоря и Ольги древлянскій Малъ). Въ этомъ періодѣ земля пользуется значительнымъ самоуправленіемъ, а потому и самый періодъ можетъ быть названъ *земскимъ*.

*) Настоящую главу и затѣмъ главу о коллегіяхъ мы помѣщаемъ раньше главы о министерствахъ, чтобы дать возможность читателю прослѣдить развитіе центральной администраціи въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ.

Во второмъ періодѣ,—періодѣ постепеннаго развитія сначала московскаго княжества, а потомъ русскаго государства,—мы уже замѣчаемъ проявленіе новыхъ началъ, которыми руководятся представители верховной власти въ своихъ отношеніяхъ къ землѣ. Эти начала мы можемъ назвать государственными. У правительства является стремленіе тѣсно сплотить всѣ части земли въ одно цѣлое, дать имъ общую, единообразную организацію и подчинить ихъ общимъ для всей земли учрежденіямъ. И если въ этомъ періодѣ земское самоуправленіе иногда, напр. при Іоаннѣ IV („губныя“ учрежденія), пріобрѣтаетъ значительную силу, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣетъ и иной характеръ. Прежде оно находилось въ примитивномъ положеніи, въ какомъ и оставлено было первыми князьями; теперь это естественное созданіе народной жизни организуется правительствомъ въ его собственныхъ интересахъ и строго подчиняется его контролю. Въ первомъ періодѣ такъ называемое центральное управленіе слабо, лишено характера государственнаго управленія и отличается патріархальностью; въ мѣстномъ (областномъ) управленіи органы централизаціи,—т. е. учрежденія, связывающія части земли съ ея центромъ, съ правительствомъ,—если и не отсутствуютъ совсѣмъ, то и не составляютъ прочнаго, строго опредѣленнаго связующаго элемента. Во второмъ періодѣ и для центрального управленія и для органовъ централизаціи закладывается твердый фундаментъ, и этимъ фундаментомъ является *идея государственнаго единства*. Въ этомъ періодѣ *зарождаются* государственныя начала и потому мы еще не въ правѣ назвать его государственнымъ,—который, строго говоря, начинается только съ Петра I,—въ отличіе отъ перваго, земскаго. Наиболѣе подходящимъ для него названіемъ будетъ служить названіе, взятое отъ территоріи, на которой началась эта подготовительная работа. Второй періодъ мы назовемъ *московскимъ*.

Разберемъ нѣсколько подробнѣе черты управленія въ первомъ періодѣ. Центральное управленіе сосредоточивается въ рукахъ князя, боярской думы и отчасти вѣча. Въ своихъ сношеніяхъ съ народомъ князь участвуетъ и лично и чрезъ своихъ замѣстителей, каковыми являются (преимущественно въ области суда) его тиуны. Уже изъ памятниковъ XI в. мы видимъ, что тиуны дѣлятся на разряды, смотря по тѣмъ служебнымъ порученіямъ, которыя могъ дать имъ князь. Главнымъ изъ нихъ былъ тиунъ *огнищный* или *дворскій*, который съ подчиненными ему *ключниками* завѣдывалъ дворомъ и хозяйствомъ князя и уже съ XII в. часто назначался изъ бояръ, представителей старшей, „лучшей“ дружины. Рядомъ съ ними, въ подчиненномъ однако къ нимъ положеніи, стоятъ *даньщики*, *мытники*, *мечники* и др. Всѣ они завѣдывали дѣлами финансоваго характера, важнѣйшими въ то время, когда личный доходъ князя вполнѣ сливался съ финансовыми средствами государства *) и когда въ системѣ органовъ дворцоваго управленія нельзя было различить чисто хозяйственныхъ органовъ отъ государственныхъ. Главный источникъ княжескихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ государственныхъ доходовъ составляла дань, или подать, налагаемая на погосты, или округа, и распредѣляемая самими жителями (съ „дыма“). Собиралась она сначала „полюдемъ“, т. е. сами князья съ дружиной объѣзжали земли, творя при этомъ судъ и расправу; но съ теченіемъ времени обычай этотъ сталъ уступать мѣсто собиранію ея чрезъ даньщиковъ и посадниковъ. Такимъ образомъ, прежде всего стали развиваться органы финансоваго управленія; остальные же отрасли управленія не представляли еще ничего опредѣленнаго: не было ни лицъ, ни учрежденій, которыя специально были бы предназна-

*) Есть указанія на то, что $\frac{1}{2}$ дохода князь оставлялъ на свои нужды, а $\frac{2}{2}$ употреблялъ на нужды общественныя. Но вполнѣ достовѣрнымъ считать это нельзя. Многое, конечно, зависѣло отъ произвола князя.

чены для поддержанія порядка и спокойствія внутри страны, для заботъ объ охраненіи торговли и промышленности, для принятія мѣръ противъ народныхъ бѣдствій и для „призрѣнія“ народа, а также для распространенія среди него просвѣщенія. Даже въ военномъ дѣлѣ, столь важномъ для государства того времени, — бывшаго государствомъ военнымъ по преимуществу, — мы не видимъ никакой правильной и постоянной организаціи. При князѣ и при его боярахъ были дружины, иногда очень многочисленныя *), члены которыхъ (старшіе) часто въ мирное время распредѣлялись на „кормленіе“ по пригородамъ и селамъ. Выступавшее на сцену въ опасныя времена народное ополченіе состояло или изъ всѣхъ взрослыхъ людей городского и сельскаго населенія, или только изъ охотниковъ, по приглашенію князя. Никакой организаціи въ этомъ ополченіи не было: кто являлся на конѣ, кто пѣший, смотря по собственному желанію и достатку; сообразно съ этимъ всякій и вооружался. Военное устройство, положимъ, получило правильную организацію только при Петрѣ I, но уже во второмъ періодѣ (московскомъ) появляются попытки правильнаго набора **) и военного строя ***).

Для связи провинцій съ государствомъ, для осуществленія централизаціи, существовали *посадники* (иногда они назывались и *тысяцкими*), назначавшіеся или изъ „подручныхъ“ (младшихъ) князей, или изъ бояръ. Ихъ положеніе было сходно съ развившеюся впоследствии въ московскомъ государствѣ системою кормленія. Часть изъ получаемыхъ ими доходовъ (вѣроятно, около $\frac{2}{3}$) они отсылали князю, дру-

*) Одинъ напр. дружинникъ (Симонъ-Варягъ) прибылъ къ князю Святополку II съ 3000 отроковъ. Это тотъ самый Шимонъ, или Георгій Шимоновичъ, которому Мономахъ поручилъ и Москву и своего малолѣтняго сына Юрія Долгорукаго.

**) „Даточные“ люди.

***) Стрѣльцы, рейтары и др.

гую оставляли себѣ. Преслѣдуя главнымъ образомъ интересы кормленія, они мало вмѣшивались въ управленіе провинцій. Положимъ, они обязаны были заботиться о военной ихъ защитѣ, о правомъ судѣ; но дѣйствительное мѣстное управленіе находилось въ рукахъ органовъ мѣстнаго самоуправления, именно пригороднаго и сельскаго вѣча и выборныхъ должностныхъ лицъ: старостъ, сотскихъ, десятниковъ и другихъ „добрыхъ“ людей. Нѣкоторые изъ старостъ выбирались для управленія цѣлою провинціей, другіе для подраздѣленій ея (волостей, вервей *), погостовъ).

Таково было, въ общихъ чертахъ, управленіе въ первый періодъ.

Во второмъ періодѣ управленіе приняло государственный характеръ не сразу. Переходною ступенью къ нему служило уничтоженіе обособленности земли чрезъ уничтоженіе должности земскихъ тысяцкихъ. Но въ теченіе всего XIV в. и первой половины XV в. мы не встрѣчаемъ еще административныхъ учрежденій: при маломъ объемѣ княжествъ князь управлялъ лично самъ, при помощи своихъ служилыхъ людей, игравшихъ роль приказчиковъ (тіуновъ, казначеевъ, дьяковъ), такъ что управленіе все еще было вотчиннымъ, дворцово-хозяйственнымъ. Въ этомъ управленіи однако съ расширеніемъ границъ княжества начинаютъ выдѣляться различныя вѣдомства, или, говоря тогдашнимъ языкомъ, различныя „пути“, поручаемые отдѣльнымъ лицамъ (пути: конюшіи, сокольничіи, ловчіи, стольничіи, чашничіи и др.); эти вѣдомства

*) *Вервь*. Терминъ этотъ возбуждалъ много споровъ. Его значеніе—община. Для подробнаго изученія термина и общиннаго быта древней Руси см. кромѣ *Соловьева* (т. I): *Леонтовича*—„О значеніи верви сравнительно съ задругой“, Жур. Мин. Н. Пр. 1867 г. апрѣль; „Задружно-общинный характеръ быта древней Руси“, *ibidem* 1874 г. июль-июль-августъ; *Лешкова*—„Общинный бытъ древней Руси“, *ibidem* 1856 г. сентябрь; *Б. Аксакова*—„О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“, Полн. Собр. соч. т. I; *Собьстіанскаго*—„Круговая порука у Славянъ“ (важное для критической провѣрки выводовъ Леонтовича).

становятся все болѣе и болѣе сложными по своему содержанию. Извѣстнымъ вѣдомствомъ (или „путемъ“) *приказываются* завѣдывать уже не одному лицу, а нѣсколькимъ, боярину съ помощниками, и такимъ образомъ къ концу XV в. постепенно организуются правительственныя учрежденія все еще съ хозяйственнымъ, вотчиннымъ характеромъ, — *приказы* (или *избы, дворы, палаты*). Этотъ процессъ централизаціи завершился въ царствованіе Іоанна IV, при которомъ Москва дѣлается центромъ, откуда исходятъ всѣ распоряженія по управленію государствомъ и куда стекаются всѣ отчеты по управленію разными областями. Со времени Іоанна Грознаго приказы дѣлаются центральными учрежденіями, въ которыхъ сосредоточивается весь механизмъ управленія. Число ихъ быстро увеличивалось и организація ихъ измѣнялась; въ то же время измѣнялось и отношеніе верховной власти къ областному управленію.

Главные представители верховной власти въ областномъ управленіи, посадники, были вначалѣ замѣнены въ Московскомъ княжествѣ *намѣстниками*, а въ концѣ XVI-го в. и началѣ XVII-го в. *воеводами* *). Это былъ въ исторіи нашего областного управленія значительный шагъ впередъ. Положимъ, власть намѣстниковъ и воеводъ была одна и та же, но между ними есть и существенное различіе.

Во-первыхъ, намѣстникъ являлся въ городѣ, поручаемый его управленію, одинъ и даже самъ отъ себя назначалъ по разнымъ частямъ управленія областью своихъ людей, которые только отъ него и зависѣли; воевода же не имѣлъ такой привилегіи: его помощниками были государевы приказные люди, высшій надзоръ за которыми принадлежалъ не самому воеводѣ, а правительству, и которые, вмѣстѣ со своимъ начальникомъ, состояли въ вѣдомствѣ Разряднаго Приказа.

*) Для изученія областного управленія въ Россіи въ XVII в. слѣдуетъ имѣть въ виду соч. *Чичерина* „Областныя учрежденія Россіи XVII в.“.

Во-вторыхъ, намѣстникъ посылался на кормленіе, т. е. получалъ содержаніе натурой отъ управляемой имъ области, что вело къ такъ называемымъ „насилствамъ“, къ различнымъ злоупотребленіямъ, и тяжело ложилося на жителей, хотя размѣры „корма“ и были строго опредѣлены закономъ; воевода же получалъ государево жалованье, представлявшее во всякомъ случаѣ нѣкоторую гарантію отъ злоупотребленій.

Замѣна намѣстниковъ воеводами составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ Іоанна IV предъ исторіей. Ему же принадлежитъ попытка предоставить областямъ самоуправленіе, разумѣется, строго контролируемое правительствомъ. Именно: передъ введеніемъ должности воеводъ онъ разослалъ по городамъ указъ, которымъ предоставлялось имъ управляться самимъ чрезъ своихъ выборныхъ („излюбленныхъ“) головъ или судей, иначе называвшихся старостами и губными старостами. Но попытка эта, повторенная и Михаиломъ Феодоровичемъ, полного успѣха не имѣла. Причина этого заключалась въ томъ, что многія области не находили предложеніе государя для себя выгоднымъ: имъ приходилось выдавать содержаніе своимъ „излюбленнымъ“ начальникамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ оброка, вносить въ казну то, что полагалось по расчету на воеводское жалованье. Такимъ образомъ, съ половины XVI в. управленіе областями было смѣшанное: однѣ изъ нихъ управлялись выборными, другіе—правительственными начальниками. Сохранилась официальная роспись городовъ и уѣздовъ, которые при Феодорѣ Іоанновичѣ и при Борисѣ Годуновѣ управлялись „излюбленными“ головами и старостами, и такихъ городовъ по росписи насчитывается 32, между ними: Владиміръ, Ярославль, Суздаль, Муромъ, Коломна и нѣкоторые другіе значительные города. Отъ времени Михаила Феодоровича до насъ дошло нѣсколько чело- битныхъ, изъ которыхъ въ однихъ жители просили прислать

имъ воеводъ, а въ другихъ—дозволить управляться „излюбленными“ головами и старостами *).

Попытка Іоанна IV распространить по Россіи земское самоуправленіе, какъ мы сказали, не имѣла полного успѣха; тѣмъ не менѣе онъ далъ населенію нѣкоторую возможность чрезъ своихъ выборныхъ (городовые приказчики, земскіе старосты и др.) слѣдить за тѣмъ, чтобы правительственные чиновники не злоупотребляли своею властью. Эти выборныя лица слѣдили за тѣмъ, чтобы воеводскіе люди не притѣсняли жителей, чтобы въ сборѣ податей и въ распредѣленіи повинностей соблюдался порядокъ, согласный съ общей раскладкой, и чтобы никто не былъ обиженъ при раскладкѣ или сборѣ податей; они же наблюдали за цѣлостію общественныхъ имуществъ и защищали ихъ отъ воеводъ и ихъ людей. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ городахъ были еще губные старосты, выборные для уѣздовъ судьи по уголовнымъ дѣламъ, избравшіеся изъ дворянъ уѣзда **). Иногда эти губные старосты не только вѣдали „татинныя, разбойныя и душегубныя дѣла“, но завѣдывали и всѣми дѣлами города, если въ городѣ не было воеводы, т. е. имѣли на своей отвѣтственности и укрѣпленіе города, и служилыхъ людей, и сборъ податей, и судъ и расправу во всѣхъ дѣлахъ. Но земское самоуправленіе, такъ широко понятое и поставленное Іоанномъ IV, долго не просуществовало. Установленный имъ порядокъ суда и управленія, по которому земское или общественное начало было смѣшано съ приказнымъ, по уложенію Алексѣя Михайловича былъ совершенно отмѣненъ, а судъ и управленіе были окончательно переданы въ руки воеводъ и приказныхъ людей, прямо зависѣвшихъ отъ московскихъ приказовъ, этими приказами назначаемыхъ и передъ ними отвѣтственныхъ. По-

*) О подробностяхъ областного управленія см. у *Бяляева*—„Лекціи по исторіи русскаго законодательства.“ 402—411 стр.

**) Къ сожалѣнію, дворяне неохотно принимали эту должность, какъ бы считая ее низкою для себя.

ложимъ, выборные губные и земскіе старосты и таможенные головы въ нѣкоторыхъ городахъ продолжали существовать, но должности ихъ были уже лишены характера самостоятельности: поступивъ въ полную зависимость отъ приказовъ и воеводъ, они были только исполнителями ихъ приказаній. Такъ ко времени Петра I осуществлялась идея государственнаго единства ишло развитіе государственной централизаціи, единственными органами которой постепенно сдѣлались московскіе приказы.

Слово „приказъ“ въ первый разъ встрѣчается въ 1512 г. т. е. въ царствованіе Василя III, *) но полное образованіе системы приказовъ относится ко временамъ Іоанна IV и Феодора Іоанновича, а расширеніе ея къ царствованію Алексѣя Михайловича. Всѣхъ приказовъ, по Котошихину, было 36 и въ нихъ служило до 100 дьяковъ, изъ которыхъ одни были начальниками приказовъ, а другіе ихъ помощниками. Въ ихъ рапорженіи состояло 1000 подъячихъ. Не будемъ указывать, каковъ именно былъ, въ количественномъ отношеніи, служебный персоналъ, или штатъ каждаго приказа, а возьмемъ среднія числа: на приказъ среднимъ числомъ приходилось по 3 дьяка и 30 подъячихъ. Самыми важными приказами при Алексѣѣ Михайловичѣ были: 1) Приказъ Тайныхъ Дѣлъ (имѣ же и учрежденный), 2) Посольскій, 3) Разрядъ, 4) Помѣстный и 5) Приказъ Большого Прихода. Разсмотримъ ихъ мы и ограничимся **).

*) Нѣкоторые полагаютъ, что переходъ отъ прежняго управленія посредствомъ извѣстныхъ лицъ къ управленію посредствомъ извѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ, или приказовъ, послѣдовалъ еще при Іоаннѣ III и ему приписываютъ учрежденіе 4-хъ приказовъ: Разряднаго, Холопьяго, Житнаго и Новгородскаго (объ этомъ см. *Солов ева* т. 5 стр. 218).

***) Желающіе подробно ознакомиться со всѣми приказами могутъ обратиться къ обширной VIII-й главѣ соч. *Котошихина* и къ „Лекціямъ по ист. рус. зак.“ *Блльева* стр. 483—491. Ограничимся перечисленіемъ ихъ: 1) Приказъ тайныхъ дѣлъ, 2) Посольскій, 3) Разрядъ, 4) Помѣстный; 5) дворцовые: а) Приказъ большого дворца, б) Конюшенный, с) Царская мастерская палата, д)

1. Приказъ тайныхъ дѣлъ.

По значенію своему этотъ приказъ до нѣкоторой степени замѣнялъ боярскую думу. Какъ боярская дума была высшею правительственною инстанціей, такъ и приказъ тайныхъ дѣлъ былъ главнымъ центральнымъ вѣдомствомъ по управленію; и какъ боярская дума всегда собиралась около государя, который былъ ея предсѣдателемъ, такъ и въ приказѣ тайныхъ дѣлъ главнымъ начальникомъ былъ самъ государь. Но этими внѣшними чертами и ограничивалось все сходство приказа тайныхъ дѣлъ съ боярскою думою; далѣе характеръ ихъ былъ совершенно различенъ. Въ думѣ государь былъ предсѣдателемъ, члены же ея во всѣхъ дѣлахъ подавали голоса, и эти голоса имѣли такую силу, что иногда принуждали государя отступаться отъ своего мнѣнія. Въ приказѣ тайныхъ дѣлъ этого не было; онъ учрежденъ былъ Алексѣемъ Михайловичемъ, по словамъ Котошихина, для того собственно, „чтобы царская мысль и дѣло исполнялись по царскому хотѣнію, а бояре и думные люди о томъ бы не вѣдали.“

Тайному приказу не было предоставлено особаго вѣдом-

Царицына мастерская палата, е) Приказъ золотого и серебрянаго дѣла, г) Аптекарскій, f) Хлѣбный, k) Панафидный; 6) *военные*: а) Стрѣлецкій, б) Пушкарскій, с) Иноземный, d) Рейтарскій, е) Оружейный; 7) *финансовыя*: а) Приказъ большой казны, б) большого прихода, с) Новгородская четь, d) Устюжская четь, е) Костромская четь, г) Галицкая четь, h) Новая четь, f) Печатный, к) Счетный; 8) *судебныя*: а) Челобитный, б) Московскій, с) Владимірскій, d) Разбойный, е) Холопій, г) Земскій; *приказы для управленія землями*: а) Казанскаго дворца, б) Сибирскій, с) Малыя Россіи, d) Смоленскій; 10) *приказы по отдѣльнымъ вѣдомствамъ*: а) Монастырскій, б) Ямской, с) Каменный. Странное названіе послѣдняго приказа такъ разъясняется у Котошихина: „Въ немъ сидитъ столыникъ или дворянинъ да два дьяка. А въ вѣдѣніи сего приказа каменное дѣло и мастера этого дѣла во всемъ государствѣ. И для какого царскаго строенія понадобятся тѣ мастера и ихъ собираютъ изъ всѣхъ городовъ и даютъ имъ царское жалованье и поденный кормъ. Да въ вѣдѣніи того же приказа состоятъ всѣ известковныя и кирпичныя дворы и заводы въ Москвѣ. А гдѣ бѣлый камень родится и дѣлаютъ известь, и тѣ города податями и доходами вѣдомы въ томъ же приказѣ“.

ства дѣлъ; ему принадлежалъ тайный надзоръ надъ всѣми дѣлами администраціи. По словамъ Котошихина, „въ приказѣ сидитъ дьякъ да человекъ 10 подъячихъ, а вѣдаютъ они и дѣлаютъ дѣла всякія царскія, — тайныя и явныя, — и въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ царя. А посылаются сего приказа подъячіе съ послами въ государства, и на посольскіе сѣзды, и на войну съ воеводами, и тѣ подъячіе надъ послами и воеводами надсматриваютъ и царю, пріѣхавъ, связываютъ, и которые послы, или воеводы, вѣдавъ въ дѣлахъ неисправление свое, и страшась царскаго гнѣва, тѣхъ подъячихъ дарятъ и почитаютъ выше мѣры, чтобъ, будучи при царѣ, ихъ, пословъ, вываляли, а худымъ не поносили“ ... Въ этомъ же приказѣ вѣдомы еще были: царская соколиная охота, гранатнаго дѣла мастера и всякое гранатное дѣло и заводы.

2. Посольскій приказъ.

Въ этомъ приказѣ были: думный дьякъ, да два дьяка, да подъячихъ человекъ 14, да 50 переводчиковъ, да 70 толмачей. Въ этотъ приказъ поступали всѣ извѣстія, присылаемыя русскими тайными агентами изъ иностранныхъ государствъ, съ которыми московское государство имѣло сношенія; для всѣхъ этихъ извѣстій здѣсь велись особыя тайныя книги. Явно же въ этомъ приказѣ принимались и отпускались иностранные послы; отсюда же отправлялись московскіе послы и гонцы въ иностранныя государства; кромѣ того, въ этомъ же приказѣ вѣдались и всѣ иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, а также онъ завѣдывалъ и заграничною русскою торговлею; тутъ же производился и судъ по дѣламъ пріѣзжавшихъ въ Россію иностранцевъ съ русскими. Этому же приказу подвѣдомы были донскіе и черкасскіе казаки, а также казанскіе и астраханскіе, касимовскіе и сибирскіе татары, поступившіе на службу къ московскому государю и по-

лучившіе отъ него помѣстья и вотчины въ подмосковныхъ городахъ; кромѣ того, въ вѣдомствѣ этого приказа состояли еще греческіе монахи и вообще всѣ греки, пріѣзжавшіе въ Россію для сбора милостыни. Этому приказу были подчинены 5 городовъ, доходы съ которыхъ шли на покрытие расходовъ приказа; сюда же собирались со всего государства „полонянечныя деньги“, собираемыя для выкупа плѣнныхъ. Въ посольскомъ приказѣ хранилась большая государственная печать, которая прикладывалась къ грамотамъ, посылаемымъ къ иноземнымъ государямъ, а также и малая государственная печать, которая прикладывалась къ жалованнымъ грамотамъ. Впослѣдствіи посольскимъ приказомъ завѣдывалъ думный дьякъ, а потомъ ближній бояринъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и хранителемъ государственной печати.

3. Разрядный приказъ.

При Алексѣѣ Михайловичѣ въ немъ засѣдали: бояринъ, окольничій, думный дьякъ да два дьяка; прежде же начальникомъ этого приказа считался самъ государь и ни окольничаго, ни боярина въ немъ не было. Въ этомъ приказѣ вѣдались всѣ роды службы: военная, придворная и гражданская. Здѣсь наряжались воеводы въ полки и дѣлались всѣ распоряженія по управленію, содержанію и назначенію войскъ; сюда же воеводы присылали свои донесенія и отсюда же посылались они для управленія городами. Здѣсь производились всѣ дѣла о жалованьи служилымъ людямъ и о повышеніи по службѣ, а также и дѣла о наказаніяхъ за проступки по службѣ и дѣла по мѣстничеству („разрядныя книги“).

4. Помѣстный приказъ.

Начальниками въ немъ были: окольничій, думный дьякъ и два дьяка. Въ этомъ приказѣ вѣдалась московскаго всего

государства земля и что кому дано помѣстій и вотчинъ *), или кто у кого вотчину купить, или кому вотчину вновь дадутъ по государеву указу за службу“. На все это въ помѣстномъ приказѣ имѣлись особыя записныя книги. Изъ помѣстнаго же приказа посылались писцы, дозорщики и межевщики по всему государству для составленія писцовыхъ, переписныхъ, межевыхъ и дозорныхъ книгъ. Этотъ приказъ содержался на доходы, получаемыя отъ пошлинъ съ продажныхъ вотчинъ и съ новыхъ помѣстныхъ пожалованій.

5. Приказъ большого прихода.

Начальниками въ этомъ приказѣ были: окольничій да два дьяка. Сюда шли со всего государства доходы, получаемые съ отдачи лавоѣ, гостинныхъ дворовъ, погребовъ во всѣхъ городахъ, а также доходы отъ влейменія мѣръ, таможенныхъ и многія другія пошлины. Изъ этого приказа деаьги шли на содержаніе московскихъ пословъ, отправляемыхъ къ иностраннымъ дворамъ, на содержаніе иностранныхъ пословъ, пріѣзжавшихъ въ Россію, а также на кормы персидскимъ, греческимъ и другимъ купцамъ, на выдачу жалованья иноземцамъ и на поденный кормъ пріѣзжавшимъ въ Москву донскимъ и другимъ казакамъ, на всякіе судовые заводы и покупку товаровъ для царской торговли въ Архангельскѣ.

Что касается внутренней организаціи приказовъ, то она, подобно самой системѣ приказнаго управленія, складывалась

*) *Помѣстья и вотчины.* Вотчинными землями назывались земли, составлявшія частную собственность. Они приобретались расчисткою дикихъ полей и лѣсовъ, покупкою и дареніемъ, по наслѣдству и другимъ гражданскимъ сдѣлкамъ между собственниками, а также, хотя и рѣдко, пожалованіемъ отъ государя. Земли же помѣстныя не составляли собственности своихъ владѣльцевъ, они давались служилымъ людямъ за службу и на время службы. Съ помѣстныхъ земель была опредѣлена служба съ такою же отчетливостію, съ какою опредѣлялись повинности и подати съ черныхъ земель; именно: отъ помѣщика требовалось, чтобы онъ выходилъ на войну въ извѣстномъ вооруженіи и съ опредѣленнымъ числомъ слугъ, сообразно съ количествомъ земли, данной ему въ помѣстье. Впоследствии, именно при Петрѣ I, помѣстья и вотчины были сравнены.

постепенно, исторически и не была для всѣхъ приказовъ единообразной. Мы уже видѣли, что первоначальными, такъ сказать, влѣточками, изъ которыхъ развились приказы, были старинные „пути“, т. е. различныя отрасли вотчиннаго дворцово-хозяйственнаго управленія. Сначала какойнибудь „путь“ „приказывался“, отдавался въ вѣдѣніе одному лицу, потомъ, когда управленіе „путемъ“ осложнялось (по мѣрѣ увеличенія государственной территории и по мѣрѣ расширенія самого „пути“, т. е. по мѣрѣ приростанія къ его чисто хозяйственнымъ дѣламъ дѣлъ и по управленію), управляющему „путемъ“ придавались помощники, товарищи, сначала одинъ, потомъ нѣсколько. Отсюда составъ присутствія въ приказахъ былъ неодинаковъ. Одинъ изъ „судей“ (членовъ присутствія) *) былъ начальникомъ приказа, главнымъ судьей; назначался онъ обыкновенно изъ числа членовъ думы, а иногда изъ стольниковъ и дворянъ, и былъ докладчикомъ въ ней по дѣламъ своего приказа. Важнѣйшую часть приказа составляла его канцелярія,— *подъячіе*, въ рукахъ которыхъ находилась фактически вся администрація и которые часто злоупотребляли своимъ положеніемъ, благодаря отсутствію средняго и высшаго образованія и недостаточности опредѣленія въ законѣ условій государственной службы. **) Канцелярія дѣлилась на *столы и новытѣя*, сообразно съ родами дѣлъ или вѣтвями управленія.

Общая характеристическая черта всѣхъ приказовъ состояла въ томъ, что въ нихъ судъ и администрація не были раздѣлены. Въ этомъ заключался ихъ главный недостатокъ. Другой существенный недостатокъ заключался въ той путаницѣ, которую они вносили въ жизнь: судъ и управленіе были разбиты на множество вѣдомствъ, иногда очень ме-

*) Такое названіе членовъ приказа объясняется тѣмъ, что приказы имѣли характеръ судебно-административный.

**) Уложеніе Алексѣя Михайловича посвящаетъ только одну главу государственной службѣ, но и то только военной (гл. VII: „О службѣ всякихъ ратныхъ людей“).

лочного характера. Вообще въ системѣ приказовъ смѣшались три основанія для дѣленія органовъ управленія: по роду дѣлъ (напр., приказъ посольскій), по классамъ лицъ (напр., приказъ холопій) и по территориальнымъ районамъ (напр., приказъ сибирскій). Оттого подданные нерѣдко вовсе не знали, какому приказу они подвѣдомы по тому или другому дѣлу. Часто однородныя дѣла подвѣдомы были не одному, а многимъ учрежденіямъ; нѣкоторыя изъ такихъ дѣлъ переходили изъ приказа въ приказъ, отчего происходила такъ называемая „волокига.“ Затѣмъ въ вѣдомствѣ каждаго отдѣльнаго приказа заключалось множество разнородныхъ функцій: почти каждый приказъ, кромѣ своего спеціальнаго вѣдомства, получалъ, ради содержанія („въ кормленіе“), нѣсколько городовъ, которые онъ и вѣдалъ во всѣхъ отношеніяхъ. Примѣръ смѣшенія дѣлъ представляетъ Приказъ тайныхъ дѣлъ, который, кромѣ тайнаго надзора, вѣдалъ и гранатное дѣло и царскую потѣху—соколовъ, ястребовъ и пр. *).

Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, развивши приказы,—эти центральныя учрежденія, связавшія всѣ области въ одно государство,—московское правительство и осуществило идею государственнаго единства, зато, съ другой стороны, это единство отсутствовало въ самомъ объединявшемъ всю землю центрѣ. Словомъ, правительственныя функціи были перепутаны, неудачно сгруппированы; группировка ихъ была произведена не по главнѣйшимъ отраслямъ государственнаго устройства (судъ, администрація, контроль надъ ними), а по мелочнымъ и случайнымъ отраслямъ государственнаго хозяйства. Въ этомъ заключается тѣсная и преемственная связь приказовъ и всего управленія царскаго періода съ управленіемъ удѣльнымъ, вотчиннымъ; въ этомъ же заключались и

*) Попытку представить искусственную систему приказовъ см. въ соч. проф. *Владимірскаго—Буданова* „Обзоръ исторіи русскаго права“ изд. 1888 г. стр. 178—180.

причины ихъ неудобства для правильного развитія русской жизни, для русскаго народа, введеннаго Петромъ I въ семью народовъ европейскихъ. Пользуясь сравненіемъ, можно сказать, что Петръ I засталъ государственный механизмъ въ видѣ весьма сложной машины съ грубо, неумѣло сработанными многочисленными частями, беспорядочно цѣплявшими другъ друга, мѣшавшими другъ другу, и потому едва-едва выработывавшими изъ сырого матерьяла крайне грубое, почти безформенное, но кое-какъ удовлетворявшее насущнымъ потребностямъ издѣліе. Упростить этотъ механизмъ, отшлифовать его отдѣльными частями, выбросить ненужныя совѣмъ, или замѣнить ихъ,—вотъ задача, ожидавшая великаго мастера, которую онъ и попытался осуществить въ своихъ коллегіяхъ.

Вопросы.

1. Очеркъ развитія въ древней Руси центрального и мѣстнаго (областного) управленія:
 - a) Періодъ первый (земскій) X—XIII в. в. и его особенности.
 - b) Періодъ второй (московскій) XIV—XVII в. в. и его особенности.
 2. Земскія реформы Іоанна IV и ихъ значеніе.
 3. Судьба ихъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и довершеніе при немъ государственной централизаціи.
 4. Происхожденіе приказовъ („пути“).
 5. Главнѣйшіе приказы и предметы ихъ вѣдомства.
 6. Внутренняя организація приказовъ.
 - 7) Недостатки приказнаго управленія и уничтоженіе приказовъ.
-

VI.

Коллегіи.

Петръ Великій, приняшисъ за управленіе государствомъ не замедлилъ приступить къ важнымъ реформамъ въ области администраціи, недостатки которой были такъ велики, что государь съ такимъ умомъ и волею, какъ Петръ I, не могъ оставить ихъ безъ измѣненія. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на то, что администрація слишкомъ сильно придавила общество и что всѣ безпорядки и злоупотребленія именно и были слѣдствіемъ того, что общество не имѣло никакого голоса и значенія, что ему были преграждены всѣ законные пути заявлять и отстаивать свои нужды. Поэтому въ первый же годъ своего самодержавнаго правленія онъ издалъ указъ, по которому призналъ за каждымъ городомъ право распоряжаться городскою землею безъ сношенія съ воеводами и приказными людьми, по согласію только и за ручательствомъ своего общества, чрезъ выборныхъ старостъ и сотскихъ. Въ слѣдующемъ году онъ приказалъ учредить въ Москвѣ *Бурмистерскую палату*, вскорѣ переименованную въ Ратушу, для вѣдомства всякихъ расправныхъ дѣлъ между гостями и посадскими людьми и для управленія казенными сборами и городскими повинностями, и такимъ образомъ передалъ управленіе городскими общинами попрежнему самимъ же общинамъ, мимо воеводъ и приказовъ. Въ томъ же году былъ изданъ указъ объ учрежденіи по городамъ, которые того пожелаютъ, *земскихъ избъ*,—для вѣдомства всякихъ расправныхъ дѣлъ между посадскими и торговыми людьми и волостными

промышленниками и для управления казенными съ нихъ сборами и земскими повинностями,—и объ исключеніи ихъ изъ вѣдомства воеводъ; въ этихъ учрежденіяхъ судить и вѣдать во всѣхъ дѣлахъ должны были выборные люди. Преслѣдуя ту же цѣль,—поднять значеніе общества и ограничить мѣстную привязную администрацію,—Петръ I въ 1702 г. повелѣлъ, чтобы при городскихъ воеводахъ по всѣмъ городамъ въ судѣ и управленіи участвовали выборные отъ дворянства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ 1705 г. мы замѣчаемъ первыя попытки со стороны Петра усилить и централизацію въ государственномъ управленіи. Въ этомъ году учреждается Ближняя царская канцелярія, куда стягиваются дѣла изъ разныхъ вѣдомствъ, и дѣла эти рѣшаются прямо по указу государя. Въ томъ же году ратуши по городамъ (земскія избы) были подчинены назначеннымъ отъ государя инспекторамъ изъ приказныхъ людей, съ правомъ удалять выборныхъ бурмистровъ и назначать новые выборы. Въ 1708 г. для развитія большей централизаціи была принята новая, небывалая мѣра: Россія была раздѣлена на губерніи *). Управлялись эти губерніи губернаторами и подчиненными имъ воеводами. Губернаторы сдѣлались центральными правителями губерній, черезъ которыхъ разсылались по городамъ всѣ государевы указы и къ которымъ направлялись всѣ отчеты и доношенія изъ городовъ. Такимъ образомъ, въ ихъ лицѣ создана была посредствующая инстанція между мѣстной администраціей и администраціей приказовъ въ Москвѣ. Въ 1711 году учрежденъ былъ Правительствующій Сенатъ, верховное центральное управленіе для всего государства и по всѣмъ дѣламъ. Въ слѣдующемъ году, для увеличенія значенія губернаторовъ и для большаго обезпеченія всѣхъ правительственныхъ рас-

*) Ихъ было вначалѣ 8: *Московская* (39 городовъ), *Ингерманландская* (29) *Кіевская* (56), *Смоленская* (17), *Архангелогородская* (20), *Базанская* (71), *Азовская* (25) и *Сибирская* (30).

поряжений, по всѣмъ губерніямъ расписаны были постоянныя квартиры для армейскихъ полковъ и гарнизоновъ. Войска эти до нѣкоторой степени подчинены были губернаторамъ, а надъ губернаторами установленъ былъ тайный надзоръ со стороны полковниковъ. Вслѣдствіе такого распоряженія губернаторы приобрѣли огромную силу надъ обществомъ, такъ какъ всякое уклоненіе отъ исполненія губернаторскихъ приказаній влекло за собою принужденіе къ тому военною силою. Но, очевидно, чрезмѣрное усиленіе власти губернаторовъ должно было вскорѣ же оказаться неудобнымъ и повести къ разнымъ безпорядкамъ и притѣсненіямъ, что и вызвало правительство на новую мѣру. Въ 1713 г. по всѣмъ губерніямъ введены были *ландраты*, выборные отъ губернскаго дворянства *), которые должны были засѣдать вмѣстѣ съ губернаторомъ, дѣлать съ нимъ всѣ дѣла и подписывать бумаги. По отношенію къ нимъ губернаторъ ставился въ положеніе президента; дѣла рѣшались по большинству голосовъ, при чемъ губернатору, какъ президенту, предоставлено было два голоса. Одновременно съ этимъ по всѣмъ губерніямъ введены были *ландрихтеры* (земскіе судьи), независимые отъ губернаторовъ, а прямо подчиненные сенату. Въ 1715 г. ландраты, не переставая быть совѣтниками при губернаторахъ, сдѣлались самостоятельными правителями по городамъ и волостямъ, гдѣ не было гарнизоновъ. При каждомъ ландратѣ „для управленія всякихъ сборовъ и земскихъ дѣлъ“ стояли: 1 комиссаръ, 4 подъячій, 12 конныхъ „разсылщиковъ“. При губернаторѣ всегда должно было находиться два ландрата, съ переменю по мѣсяцу и по два: во время ихъ отсутствія дѣлами въ городахъ и волостяхъ должны были завѣдывать комиссары. Въ концѣ же года всѣ губернскіе ландраты должны были съѣзжаться къ губернатору съ отчетностями по ввѣреннымъ ихъ управленію районамъ. Что

*) Ихъ было въ большихъ городахъ 12, въ среднихъ 10, въ малыхъ — 8.

касается посадскихъ людей, то они по прежнему вѣдались своими выборными бурмистрами съ вѣдома губернаторовъ. Надъ губернаторами, ландратами и ландрихтерами надсматривали присылаемые отъ государя *фискалы*, которые въ случаѣ беспорядковъ въ губерніи, или въ ландратствѣ, доносили въ Расправную палату, гдѣ обвиняемыхъ подвергали суду; частныя лица также имѣли право доносить и подавать жалобы на губернскія власти.

Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ ландратовъ, повидимому, выборное земское управленіе было выдвинуто на первый планъ и власть губернаторовъ сильно стѣснена выборнымъ началомъ, но на дѣлѣ было далеко не такъ: губернаторы, вице-губернаторы и ландраты, всѣ безъ различія были по своему управленію въ прямой отвѣтственности передъ сенатомъ и ежегодно по два раза должны были присылать вѣдомости о своемъ управленіи. Вѣдомости эти преимущественно состояли въ отчетахъ по сбору податей; всякая неисправность по сбору податей взыскивалась на губернаторахъ, вице-губернаторахъ и ландратахъ, и на ихъ имѣнія налагались большіе штрафы.

Покончивъ такимъ образомъ съ областнымъ управленіемъ, Петръ Великій долженъ былъ обратиться къ измѣнѣніямъ въ управленіи центральномъ. Въ приказахъ, какъ мы уже знаемъ, разнородныя дѣла соединялись случайно и оставались вмѣстѣ по обычаю и старинѣ. Но теперь, когда всякая старина была уже тронута, что мѣшало, напримѣръ, вознѣнуть такому вопросу: съ какой стати наборъ резервуть и работниковъ принадлежитъ къ числу дѣлъ какого-нибудь помѣстнаго приказа? При усложненіи правительственнаго механизма, при новыхъ потребностяхъ и взглядахъ, старыя приказы не могли уже держаться. Положимъ, сенатъ, у котораго по выраженію самого царя, въ рукахъ было все, могъ передавать дѣла изъ одного приказа въ другія вѣдомства, но

этого, конечно, было далеко недостаточно: необходимо было преобразовать все центральное управление и создать новые, болѣе соотвѣтствующія потребностямъ времени, учрежденія.

Какими же учрежденіями слѣдовало замѣнить приказы?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо было, по обычаю времени, обратиться въ Западъ. А въ западныхъ государствахъ въ основѣ государственнаго управленія лежало коллегіальное начало, безъ котораго, какъ писалъ Петру Лейбницъ, хорошее управление было немислимо. „Хорошее правленіе,—писалъ онъ Петру,—можетъ быть только при условіи коллегій, которыхъ устройство похоже на устройство часовъ, гдѣ колеса взаимно приводятъ другъ друга въ движеніе“. Это сравненіе не могло не понравиться Петру, который именно стремился къ тому, чтобы русскіе люди во всемъ приводили другъ друга въ движеніе, ибо все зло происходило отъ разобщенности колесъ. Итакъ, отвѣтъ былъ найденъ: приказы слѣдовало замѣнить коллегіями.

При введеніи этого новаго управленія Петръ дѣйствовалъ постепенно. Три года спустя послѣ учрежденія сената, въ началѣ 1715 г., Петромъ составленъ былъ „въ соображенію“ списокъ коллегій, въ которомъ были названы слѣдующія: *юстицъ-коллегія*, *коллегія чужеземныхъ дѣлъ*, *адмиралтейская*, *крикъ-коллегія*, *намеръ-коллегія* и *коммерцъ-коллегія*. Въ томъ же году Петръ поручаетъ генералу Вейде достать иностранныхъ „ученыхъ и въ правостяхъ (въ правѣ) искусныхъ людей“ для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ. Но эти „искусные люди“ должны были отправлять свою должность черезъ толмачей. Неудобство это, разумѣется, заставляло искать другого способа наполнить коллегіи „искусными въ правостяхъ“ людьми: въ концѣ того же года царь далъ наказъ резиденту при императорскомъ дворѣ „сискать въ русскую службу изъ шрейберовъ (писцовъ) или изъ иныхъ не гораздо высшихъ чиновъ изъ привазныхъ людей, которые бывали

въ службѣ цесарской, изъ чеховъ, или силезцевъ, или изъ моравцевъ, знающихъ по-славянски, отъ всѣхъ коллегій, которыя есть у цесаря, кромѣ духовныхъ, по одному человѣку; и чтобъ они были люди добрые и могли тѣ дѣла здѣсь основать.“ Но охотниковъ нашлось немного и потому въ концѣ 1717 г. приглашены были шведскіе плѣнники, познакомившіеся съ русскимъ языкомъ, вступить въ службу при коллегіяхъ. Но и этимъ способомъ не могли добыть много людей для коллегій. Шведы большею частью отказывались отъ лестныхъ для нихъ назначеній, потому что ожидали вскорѣ заключенія мира... Приглашая для коллегій иностранцевъ, Петръ въ то же время посылалъ и русскихъ за границу для пріобрѣтенія необходимыхъ свѣдѣній; такъ въ 1716 г. послано было въ Кенигсбергъ около 40 молодыхъ подъячихъ „для наученія нѣмецкому языку, дабы удобнѣе въ коллегіумъ были“. Съ ними же отправлены были и надзиратели, „чтобы они не гуляли“.

Въ концѣ 1717 года окончательно опредѣленъ былъ штатъ коллегій, назначены въ нихъ президенты и вице-президенты, совѣтники и ассесоры. Коллегій вводилось 9:

1. *Коллегія иностранныхъ дѣлъ*, замѣнявшая Посольскій приказъ.

2. *Камеръ-коллегія*, вѣдавшая денежные доходы со всего государства.

3. *Юстицъ-коллегія*, вѣдавшая судныя и розыскныя дѣла и Помѣстный приказъ.

4. *Ревизионъ-коллегія*; она веда счетъ всѣмъ государственнымъ доходамъ и расходамъ.

5. *Воинская коллегія*; она вѣдала армію, гарнизоны и всѣ военныя дѣла.

6. *Адмиралтейская коллегія*; она завѣдывала управленіемъ флота и всѣмъ относящимся до морского дѣла.

7. *Коммерцъ-коллегія*; она наблюдала за торговлею и за всѣмъ относящимся къ торговлѣ.

8. *Статсъ-Конторъ-коллеія*; она имѣла въ своемъ вѣдѣніи всѣ государственные расходы.

9. *Бергъ и Мануфактуръ-коллеія*; она завѣдывала рудокопными заводами, фабриками и вообще ремеслами и должна была заботиться объ ихъ распространеніи; въ ея же вѣдѣніи находилась и артиллерія.

10. Къ этимъ 9-ти коллегіямъ въ 1721 г. присоединена была еще одна, подъ названіемъ *Главный магистратъ*, которая должна была завѣдывать всѣмъ купечествомъ и состояла прямо въ вѣдѣніи сената.

Лейбницъ, имѣвшій большое вліяніе въ измѣненіи нашего центрального управленія, *) проектировалъ еще *Ученую коллеію*; но взамѣнъ ея Петръ I имѣлъ въ виду учредить Академію Наукъ и вручить ей функціи теперешняго министерства народнаго просвѣщенія **).

Изъ новаго распредѣленія вѣдомствъ по коллегіямъ было очевидно, что финансы и промышленность обращали на себя наибольшее вниманіе государя. Почти всѣ эти коллегіи преобразовывались изъ прежнихъ приказовъ, за исключеніемъ морского вѣдомства, горнаго, и мануфактурно-торговаго; но затѣмъ оставалось нѣсколько вѣдомствъ, не вошедшихъ въ систему коллегій, а потому для нихъ оставлены были прежніе приказы (*ямской, аптекарскій*, переименованный въ медицинскую канцелярію, *каменный*, переименованный въ канцелярію отъ строеній, *разбойный*, подъ именемъ сыскаго); уцѣлѣли и нѣкоторые областные приказы (*сибирскій, малороссійская коллеія*). Такимъ образомъ, если система приказовъ была при Петрѣ I упрощена въ системѣ коллегій, то всетаки оставалась весьма сложною. Вообще говоря, въ концѣ его царствованія администрація, и областная и цент-

*) О немъ см. соч. проф. Герге „Лейбницъ и его вѣкъ.“

***) Академія была учреждена при имп. Екатеринѣ I. Для подробнаго изученія ея исторіи могутъ служить „Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ“, собранныя граф. Д. Толстымъ.

ральная, представляла пеструю смѣсь старыхъ началъ XVII в. и новыхъ, иноземныхъ, чего, конечно, и нельзя было избѣгнуть при новости дѣла и быстротѣ реформъ.

Относительно состава коллегій было постановлено, чтобы въ нихъ были русскіе: президентъ и вице-президентъ, 4 совѣтника, 4 ассессора, одинъ секретарь, *) одинъ нотарій, одинъ актуарій, одинъ регистраторъ, одинъ переводчикъ и подъячіе трехъ статей (старые, средніе, младшіе). Изъ иноземцевъ могли быть: одинъ совѣтникъ или ассессоръ и одинъ секретарь.

Въ апрѣлѣ 1708 г. указано было: „Всѣмъ коллегіямъ на основаніи шведскаго устава сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ регламентъ по пунктамъ, а которые пункты въ шведскомъ регламентѣ неудобны, или съ сетауціею сего государства несходны, и оныя составить по своему разсужденію и, поставя объ оныхъ, докладывать государю, таеъ ли имъ быть“.

Окончивъ эту подготовительную работу по устройству центральныхъ учреждений, Петръ I приказалъ президентамъ „до 1719 г. въ дѣла коллегіямъ не вступаться, а съ будущаго года конечно зачать свои коллегіи управлять.“ Но дѣло подвигалось медленно, несмотря на суровыя понужденія государя, таеъ что управленіе дѣлъ по новому порядку могло быть начато только съ 1720 г., а камеръ-коллегія стала дѣйствовать даже съ 1721 года.

Итакъ, проведеніе Петромъ I коллегіальнаго начала въ области свѣтскихъ учреждений происходило постепенно, съ самаго начала XVIII-го вѣка. Что же касается до причинъ и оснований, по которымъ Петръ I считалъ коллегіальное начало наиболѣе цѣлесообразнымъ для устройства государственныхъ учреждений, то эти причины отчасти выражены въ нѣкоторыхъ указахъ, но съ большею ясностью и подробнѣе

*) Оттуда и всѣ гражданскіе чины: коллежскій секретарь, кол. ассессоръ, кол. совѣтникъ и проч.

приведены въ духовномъ регламентѣ. Вотъ что тамъ говорится: „Понеже Его Царское Величество, всемилостивѣйшій нашъ Государь, по примѣрамъ другихъ христіанскихъ областей, всемилостивѣйшее намѣреніе воспріять изволилъ для порядочнаго управленія своихъ государственныхъ дѣлъ и исправнаго опредѣленія и исчисленія своихъ доходовъ и поправленія полезной юстиціи и полиціи, также ради возможнаго охраненія своихъ вѣрныхъ подданныхъ и содержанія своихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ въ добромъ состояніи, такожь коммерціи, художествъ и мануфактуръ, и добраго учрежденія своихъ морскихъ и земскихъ пошлинъ, и ради умноженія и приращенія рудоконныхъ заводовъ и прочихъ государственныхъ нуждъ,—слѣдующія къ тому потребныя и надлежащія государственныйя коллегіи учредить“. Коллегіальному началу Петръ I придавалъ громадное значеніе. Въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ онъ видѣлъ надежную опору законовъ. По его мнѣнію, эти учрежденія должны были водворить въ народѣ уваженіе къ закону и укрѣпить основы самодержавной власти, снявъ съ нея обвиненіе въ произволѣ *), „дабы не клеветали непокорные люди, что се или оное силою паче или по прихотямъ своимъ, нежели судомъ или истиною заповѣдуетъ монархъ“. Коллегіи должны были внести прочную систему въ государственное управленіе, устраняя опасность перерывовъ, колебаній и внезапныхъ измѣненій во взглядахъ и способахъ администраціи, неизбѣжныхъ при единоличномъ управленіи. Коллегіи менѣе находятъ въ зависимости отъ сильныхъ. При коллегіальномъ управленіи есть большая возможность безпристрастія въ рѣшеніи дѣлъ, чѣмъ при управленіи единоличномъ, „понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ“. Но „наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣста пристра-

*) Какъ мы видѣли, тотъ же мотивъ выставлялся и Сперанскимъ въ его проектѣ административныхъ реформъ. См. главу о „Государств. Совѣтѣ“.

стію, коварству, лихонимству, неправому суду, каковой можетъ случиться въ заступленіи винной или въ осужденіи невинной стороны; здѣсь если и будетъ кто къ лицу судимому пристрастенъ и яростенъ, однако другой и третій отъ гнѣва сего и пристрастія свободны“...

Съ такимъ довѣріемъ отнесся Петръ I къ коллегіальной организаціи. Почти при каждомъ удобномъ случаѣ онъ вооружался противъ самовластія и безконтрольности личнаго управленія, противъ этихъ судей, „которые дѣлали, что хотѣли, ибо излишнюю мочь имѣли“. Даже въ военномъ уставѣ, гдѣ начало дисциплины положено въ основаніе всѣхъ правилъ, можно встрѣтить яркіе проблески недовѣрія Петра I къ уму и способностямъ одного человѣка. Такъ, въ своемъ военномъ уставѣ, по поводу главнокомандующаго онъ говоритъ: „Главныя и великія дѣла и всякія начинанія безъ консиліи генераловъ, собственнымъ своимъ изволеніемъ никогда чинити надлежитъ; но всегда съ совѣту, который должны какъ всѣ на совѣтѣ будущіе, такъ и главный, своими руками закрѣпить, развѣ когда отъ непріятели внезапное нападеніе будетъ, или иной внезапный случай не допустить. И въ такомъ случаѣ и словесный консиліумъ, хотя и на лошадяхъ сидящимъ, отправлять должно“...

Таковъ былъ взглядъ Петра на коллегіальное начало. Взглядъ этотъ имѣетъ характеръ теоретическій: Петръ самъ лично наблюдалъ подробности государственнаго управленія на Западѣ, познакомился съ воззрѣніями на этотъ предметъ Лейбница и пришелъ къ заключенію, что теорія государственнаго управленія, выработанная лучшими представителями европейской мысли, вполне отвѣчаетъ его собственнымъ воззрѣніямъ. Но, спрашивается, какъ заработали новыя учрежденія на русской почвѣ, и оправдали ли они тѣ надежды, которыя на нихъ возлагались?

Уже въ 1719 году царь жаловался на „безсоюзство,

свары и разности⁴ между членами юстиць-коллегии, вслѣдствіе чего былъ изданъ указъ объ окончательномъ уничтоженіи мѣстничества и о порядкѣ старшинства между членами коллегій. Но насколько старыя обычаи вкоренились въ русскомъ обществѣ, видно изъ того столкновенія, которое въ томъ же году произошло въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ между ея президентомъ, канцлеромъ Головкинымъ, и вице-президентомъ, подъ-канцлеромъ Шафировымъ. Случай этотъ настолько интересенъ для характеристики нравовъ того времени, что о немъ мы расскажемъ подробно *).

Головкинъ въ засѣданіи коллегіи объявилъ указъ государя, чтобы дѣла слушать, рѣшать и подписывать всѣмъ членамъ коллегіи. На это подъ-канцлеръ баронъ Шафировъ объявилъ, что онъ съ находящимися на лицо членами дѣлъ подписывать не будетъ, въ чемъ и протестуетъ, а одного изъ членовъ коллегіи назвалъ при этомъ канцлеровою креатурою. Шафировъ говорилъ, что потребно полное число членовъ, а съ членами, которые изъ подъячихъ, и „сидѣть стыдно“. Канцлеръ отвѣчалъ ему на это, что члены коллегіи написаны уже прежде въ вѣдомостяхъ, поданныхъ за ихъ руками въ сенатъ, и что, пока не набрано полное число членовъ, всѣ дѣла рѣшать и подписывать надо съ наличными. Шафировъ возражалъ: „Я съ ушниками и бездѣльниками дѣлъ не хочу дѣлать“. Уходя же изъ коллегіи, онъ закричалъ канцлеру: „Что ты дорожишься и ставишь себя высоко? Я и самъ таковой же!“ Затѣмъ, войдя въ переднюю палату, онъ передъ просителями говорилъ служителямъ канцеляріи, что канцлеръ хочетъ коллежскія дѣла дѣлать со своими креатурами и хочетъ заставлять ихъ съ собою подписывать... Протоколъ объ этомъ событіи былъ представленъ государю. Между тѣмъ, Шафировъ, возвратившись изъ коллегіи домой, потребовалъ къ себѣ одного изъ членовъ коллегіи. Тотъ не явился. Разсер-

*) См. *Соловьевъ* Ист. Рос. т. XVI стр. 189—191.

женный подъ-канцлеръ подалъ на него жалобу, требуя суда надъ заслушникомъ. Интересенъ одинъ изъ мотивовъ, которыми оправдываетъ свое слушаніе членъ коллегіи: „Боялся я того,—говоритъ онъ,—чтобы онъ (Шафировъ) меня не убилъ, потому что, прибывши Губина (другого члена коллегіи), говорилъ онъ, чтобы и мы того опасались... И еще то говорилъ, что еслибы онъ и побилъ меня, то мнѣ бы можно за его благодаренія ко мнѣ то снести... Я же о моей персонѣ не говорю,—такъ заканчиваетъ свое оправданіе членъ коллегіи,—только характеръ коллегіи совѣтника не допускаетъ, что не токмо побои, но и брани терпѣть“... Какъ расправился государь со строптивымъ подъ-канцлеромъ, въ сожалѣнію, неизвѣстно.

Приведенный случай, кажется, вполне оправдываетъ тѣ вѣрныя расправы, въ которыхъ прибѣгалъ Петръ I въ минуты справедливаго гнѣва. Онъ также ясно обнаруживаетъ, что, если прекрасныя теоріи, которыя желалъ примѣнить Петръ I въ русской жизни, часто и не осуществляли его надежды, то причиною этого были не столько неудачный выборъ самой теоріи или неудачное ея примѣненіе, сколько тѣ условія, при которыхъ эти теоріи примѣнялись. Мало было людей подготовленныхъ, способныхъ думать и жить такъ, какъ думалъ и жилъ великій преобразователь; мало было людей, способныхъ такъ же самоотверженно трудиться на благо Россіи, какъ онъ трудился. Слѣдовательно, главная причина многихъ неудачъ Петра Великаго заключается въ нравахъ современнаго ему общества. Посошковъ,—этотъ русскій самородокъ,—прекрасно охарактеризовалъ обстановку дѣятельности Петра I словами: „Царь одинъ тянетъ въ гору, а милліоны—подъ гору“... Но были и другія причины того, что „колеса“ въ новой машинѣ не пошли хорошо, что они, вмѣстѣ того, чтобы приводить другъ друга въ движеніе, иногда цѣплялись другъ за друга и мѣшали общему дѣйствию. Эти

причины заключались въ неудачномъ внутреннемъ устройствѣ коллегій и въ отсутствіи опредѣленныхъ указаній, которыми они могли бы руководствоваться, какъ въ отношеніяхъ между собою и къ областному управленію, такъ и въ отношеніяхъ въ сенату и верховной власти. Нѣкоторыя коллегіи обременены были положительно непосильнымъ трудомъ, особенно юстицъ-коллегія, которая вмѣстѣ съ камеръ-коллегіей вскорѣ заняла первенствующее положеніе между другими коллегіями. Вотъ, на примѣръ, какъ жалуется ея президентъ Матвѣевъ (сынъ извѣстнаго Артамона Матвѣева) государю уже въ 1721 г.: „По указу Вашего Величества положено на коллегію юстиціи семь прежнихъ приказовъ, т. е. помѣстный, всѣ судные, сысеной, земскій, и прибавлены еще фискальныя дѣла: бремя несносное! Къ тому же всякую недѣлю по три дня всѣмъ президентамъ опредѣленъ съѣздъ въ сенатъ, а два дня на расправу коллежскую; членамъ коллегіи однимъ, во время моей отлучки въ сенатъ, рѣшать дѣла нельзя, отчего въ такихъ многочисленныхъ дѣлахъ безпрестанная остановка и на коллегію нареканіе. Въ той же многодѣльной коллегіи нынѣ вице-президента и добрыхъ помощниковъ нѣтъ, за разборомъ по инымъ коллегіямъ лучшихъ царедворцевъ; когда при коллегіи бываю я, то работаю, сколько могу, по малымъ моимъ силамъ, и дѣла рѣшаются; но хотя рѣшаются они и настоящимъ образомъ, однако не только мнѣ, но и ангелу безплотному на народъ нашъ угодить и безъ упрековъ отъ него быть никакъ нельзя, какъ Вашему Величеству самому извѣстно“. Этотъ непосильный трудъ, возложенный на юстицъ-коллегію, становился еще „несноснѣе“ оттого, что, какъ жалуется далѣе Матвѣевъ, „иные, за своихъ сродниковъ и пріятелей заступаясь, увидавъ, что я имъ безъ всякой корысти по дѣламъ ихъ не угождаю, всячески со своими пріятелями и фамиліями намѣреваются и угрожаютъ у Вашего Величества и въ сенатѣ всегдашній вредъ мнѣ причинить“.

Кромѣ того, по мысли преобразователя, всѣ коллегіи должны были быть равными. Всѣ онѣ получали указы отъ государя и сената и могли разсылать указы по губерніямъ. На дѣлѣ же этого равенства между ними, по отношенію къ областной администраціи, не существовало. Вскорѣ выдѣлились изъ нихъ и заняли первенствующее положеніе двѣ коллегіи: камеръ-коллегія и юстицъ-коллегія. Только черезъ нихъ центральное правительство и дѣйствовало на провинцію. Все областное управленіе было отдано въ распоряженіе первой, а судъ и фискальныя дѣла въ распоряженіе второй. Только эти двѣ коллегіи имѣли свои инстанціи въ губерніяхъ; прочія ихъ не имѣли. Желая пользоваться помощью мѣстныхъ лицъ, они должны были опираться на тѣ учрежденія, которыя уже фактически находились въ распоряженіи другихъ коллегій. Это совмѣстное пользованіе одними и тѣми же агентами, естественно, влекло за собою многія неудобства и пререканія. И внутри самихъ коллегій коллегіальное начало не могло осуществиться во всей чистотѣ. Кромѣ президента и вице-президента, каждая коллегія имѣла по 2 совѣтника и по 2 асессора, т. е. всего 6 членовъ; но изъ нихъ по очереди засѣдала лишь половина. При трехчленномъ же составѣ присутствія голосъ президента, при разногласіи, рѣшалъ дѣло, а потому коллегіальное начало, въ сущности, сводилось на единоличное рѣшеніе, которое вообще и при Петрѣ I фактически брало перевѣсъ. Этотъ фактическій перевѣсъ единоличнаго управленія надъ коллегіальнымъ особенно рѣзко обнаружился въ той системѣ надзора, которую ввелъ Петръ надъ созданными имъ учрежденіями и которая доказываетъ, что хотя Петръ I и сочувствовалъ коллегіальному началу въ государственномъ управленіи, но въ то же время и понималъ, что русское общество еще не доросло до того, чтобы дать ему этотъ видъ управленія во всей его чистотѣ. Система надзора была двойная: во-первыхъ, установленъ былъ явный надзоръ, который

выразился учрежденіемъ должности генераль-прокурора и подвѣдомственныхъ ему прокуроровъ, которые имѣли кресло въ присутственныхъ мѣстахъ и могли требовать для просмотра относящіяся къ дѣлу бумаги; во-вторыхъ, существовалъ еще *тайный* надзоръ, врученный фискаламъ. Фискалы должны были тайно слѣдить за ходомъ дѣлъ и если замѣчали какое-либо незаконное дѣйствіе, должны были доносить и уличать виновныхъ передъ судомъ. Во главѣ фискаловъ стоялъ генераль-фискаль, который долженъ былъ наблюдать даже за сенатомъ и за генераль-прокуроромъ. Фискаль получалъ половину штрафа, къ которому приговаривался тотъ, кто по доносу уличался въ противозаконномъ дѣяніи.

Мы говорили уже, что коллегіи получали указы отъ государя и отъ сената. Въ послѣднемъ случаѣ имъ было предоставлено весьма важное право, служившее отчасти причиною запутанности отношеній между ними и высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, именно: если коллегія, получивъ указъ отъ сената, находила его противнымъ указамъ царя и государственному интересу, то она должна была, не исполняя указа, представить о томъ сенату. Вторичный указъ этого учрежденія она должна была исполнить, но вмѣстѣ съ тѣмъ донести о томъ государю подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, строгой отвѣтственности. Затѣмъ, каждой коллегіи предоставлено было право дѣлать представленія государю и сенату, „если коллегія что усмотритъ къ государственной пользѣ“. Кромѣ того, велѣно было „дѣла сомнительныя и какого изъясненія требующія не скоро спѣшить вершеніемъ, но или сенату докладывать, или справляться, откуда надлежитъ“.

Представляя коллегіямъ обширныя права, Петръ I видѣлъ въ этомъ гарантію для правильнаго отправленія дѣлъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, эти полномочія должны были повести къ различнымъ затрудненіямъ, которыя порожи-

дали постоянныя пререванія между коллегіями. Эти пререванія обусловливались, главнымъ образомъ, неопредѣленностью тѣхъ случаевъ, въ которыхъ коллегіи могли обращаться къ лицу монарха. Кромѣ того, при той разбросанной дѣятельности, которую долженъ былъ вести Петръ, ему трудно было помнить всѣ свои повелѣнія, распоряженія, указы и проч. Бывали часто указы, одинъ другому противоположны; отсюда — пререванія и путаница въ отношеніяхъ между коллегіями, съ одной стороны, и между ними и сенатомъ, съ другой.

Затѣмъ, весьма важнымъ недостаткомъ коллегіальнаго устройства было смѣшеніе въ коллегіяхъ судебной и административной власти. Многія коллегіи производили и судъ надъ тѣми людьми, которыхъ онѣ вѣдали. Наконецъ, коллегіи, — эти высшія *административныя* учрежденія, — часто являлись и *законосовѣщательными*.

При Екатеринѣ II изъ всѣхъ коллегій главное значеніе имѣли три: 1) *иностранная коллегія*, 2) *адмиралтейская* и 3) *военная*. Онѣ были почти равны синоду и сенату. Нѣкоторыя изъ коллегій при Екатеринѣ II были закрыты. Эта реформа была вызвана ея губернскими учрежденіями и состояла въ томъ, что вмѣсто упраздненной камеръ-коллегіи были учреждены по губерніямъ казенныя палаты, а вмѣсто юстицъ-коллегіи — палаты уголовного и гражданскаго суда. Эти двѣ петровскія коллегіи были, такимъ образомъ, перенесены изъ центра въ губерніи; центральнымъ же учрежденіемъ, по этимъ предметамъ вѣдомства, остался одинъ сенатъ. Совершенно уничтожена была мануфактуръ-коллегія. Эту мѣру Екатерина II мотивировала тѣмъ, что „собственная каждаго польза есть лучшее побужденіе къ учрежденію заводовъ и фабрикъ“.

Окончательная отмѣна коллегій послѣдовала въ царствованіе императора Александра I. Одни изъ коллегій были за-

мѣнены министерствами, другія преобразованы въ департаменты министерствъ.

Вопросы.

1. Общій очеркъ административныхъ реформъ Петра I.
 2. Необходимость реформъ въ центральномъ управленіи.
 3. Подготовительныя работы по учрежденію коллегій.
 4. Штаты коллегій и предметы ихъ вѣдомства.
 5. Причины, по которымъ Петръ I считалъ коллегіальное начало наиболѣе цѣлесообразнымъ для устройства государственныхъ учреждений.
 6. Причины неудачнаго примѣненія коллегіальнаго начала въ управленіи.
 7. Отмѣна коллегій и замѣна ихъ министерствами.
-

VII.

Министерства.

Въ порядкѣ государственныхъ силъ министерства представляютъ установленіе, посредствомъ коего исполнительная верховная власть дѣйствуетъ на всѣ части управленія.

Сводъ законовъ.

Административныя реформы Петра Великаго имѣли цѣлью довершить развитіе въ Россіи централизаціи управленія созданіемъ высшихъ административныхъ органовъ и установленіемъ болѣе прочной и болѣе правильной ихъ связи со всѣми видами мѣстной, или областной администраціи. Но, учредивъ эти высшіе органы, коллегіи, Петръ не успѣлъ дать прочную и вполне опредѣленную организацію областному управленію. При его преемникахъ рушилось и то немногое, что успѣлъ онъ сдѣлать въ этомъ отношеніи. Дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета способствовала скорѣе разложенію администраціи, чѣмъ ея устройству. Даже при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, несмотря на возстановленіе значенія сената, путаница и беспорядокъ въ областномъ управленіи оставались попрежнему. Императрица Екатерина II первая обратила вниманіе на необходимость преобразованій въ областной администраціи. Справедливо утверждая, что „цѣлое не можетъ быть хорошо, если части въ нестроеніи,“ она въ первые же годы своего царствованія обратилась къ этимъ преобразованіямъ. По „Учрежденію о губерніяхъ“ всѣ коллегіи, за исключеніемъ трехъ главныхъ, были перенесены

въ губерніи подь именемъ палатъ и приказовъ, а надзоръ за дѣятельностью этихъ новыхъ учреждений предоставленъ былъ генераль-губернаторамъ, которые, будучи облечены полнымъ довѣріемъ верховной власти, служили единственными посредниками между управляемою ими областью, съ одной стороны, верховною властью и сенатомъ, съ другой. Но, заботясь о болѣе правильномъ устройствѣ областной администраціи, Екатерина II переносила центръ тяжести всего управленія въ области. Такимъ образомъ, ея административныя преобразования представляютъ какъ-бы реакцію противъ крайняго развитія централизаціи. Сенатъ и генераль-прокуроръ попрежнему оставались во главѣ всего управленія, но ихъ отношенія къ мѣстнымъ учреждениямъ были крайне неопредѣленны. Эта неопредѣленность высшихъ установленій еще болѣе усилилась при императорѣ Павлѣ I, когда сенатъ совершенно потерялъ значеніе высшаго административно-политическаго учрежденія, и завѣдываніе различными отраслями высшаго управленія поручалось отдѣльнымъ лицамъ, облеченнымъ довѣріемъ государя. Императоръ Александръ I засталъ при своемъ вступленіи на престолъ высшія установленія въ полномъ разстройствѣ. Трудно было найти лицо или мѣсто, дѣйствительно отвѣтственное за положеніе каждой части администраціи. Необходимо было примирить идею Петра I объ устройствѣ правильной и стройной централизаціи въ государственномъ управленіи съ идеей Екатерины II объ „устроеніи частей“, объ организаціи областного управленія. Необходимо было сколько-нибудь правильно распределить задачи управленія, установить хотя какія-нибудь условія отвѣтственности, какъ это было въ западно-европейскихъ государствахъ, напимѣръ, во Франціи, гдѣ административная централизація представляла стройную, строго опредѣленную систему. Этими соображеніями и объясняется учрежденіе министерствъ.

Вводя въ Россіи министерскую систему управленія, им-

ператоръ Александръ I произвелъ, слѣдовательно, коренную реформу въ администраціи. Онъ организовалъ въ государствѣ особыя *вѣдомства*, дѣйствующія на всемъ его пространствѣ черезъ установленія, непосредственно имъ подчиненныя. Между этими вѣдомствами, или министерствами, были раздѣлены главнѣйшія задачи администраціи; имъ былъ переданъ надзоръ и руководство въ различныхъ отрасляхъ управленія. Это было сдѣлано съ цѣлью сообщить *единство* дѣятельности различныхъ отраслей управленія и организовать *ответственность* административныхъ вѣдомствъ.

Таково общее значеніе реформы императора Александра I.

Какъ осуществляются на практикѣ двѣ главнѣйшія задачи министерской системы управленія,—единство и ответственность,—объ этомъ будетъ сказано въ концѣ главы. Теперь же рассмотримъ другой весьма важный вопросъ: чѣмъ именно отличается министерская система, созданная императоромъ Александромъ I, отъ коллегіальной системы Петра Великаго? Тогда выяснится для насъ и историческое значеніе самой реформы, которая явилась не простымъ подражаніемъ западнымъ образцамъ, а необходимымъ выраженіемъ новыхъ возрѣній на задачи и организацію государственнаго управленія, усвоенныхъ русскимъ правительствомъ и русскимъ обществомъ въ началѣ XIX-го вѣка подъ вліяніемъ европейскаго просвѣщенія. Возрѣнія эти значительно отличались отъ политическихъ возрѣній эпохи Петра Великаго.

Дѣло въ томъ, что въ эпоху Петра Великаго административная и законодательная функція верховной власти были еще тѣсно связаны между собою, и потому осуществлялись въ однихъ и тѣхъ же органахъ. Законодательная власть старалась путемъ закона опредѣлить всѣ подробности администраціи. Понятно, что въ эту эпоху право предложенія государю новыхъ законовъ должно было находиться въ рукахъ

тѣхъ лицъ, которыя были наиболѣе опытны въ административной практикѣ. Такимъ образомъ, учрежденныя Петромъ I высшія административныя учрежденія, его коллегіи, естественно являлись и законосовѣщательными учрежденіями всякій разъ, когда являлась необходимость въ изданіи новаго закона по поводу какого-либо частнаго случая, происшедшаго въ той или другой отрасли государственнаго управленія. Для того, чтобы эти частные случаи находили себѣ правильное объясненіе и чтобы всякій новый законъ являлся полнымъ отвѣтомъ на требованіе дѣйствительности,—для этого, при тогдашнемъ состояніи законодательства, именно и необходимы были такія учрежденія, въ которыхъ засѣдали бы люди опытные, спеціалисты-администраторы. Такими-то учрежденіями и были петровскія коллегіи. И вполнѣ основательно Петръ Великій видѣлъ въ коллегіальной системѣ обезпеченіе быстроты и правильности дѣлопроизводства: коллегія дѣйствуетъ по разѣ заведенному порядку, дѣла двигаются по установленной формѣ, независимо отъ состава коллегіи, тогда какъ при единоличномъ завѣдываніи дѣлами все зависитъ отъ личныхъ качествъ начальствующаго лица.

Итакъ, главная причина смѣшенія законодательной и административной функцій въ коллегіяхъ заключается въ самомъ характерѣ законодательства того времени, стремившагося предусмотрѣть и опредѣлить каждый частный случай, могущій поставить втупикъ представителей администраціи и затормозить ихъ дѣятельность. Но законодательство наше, подъ вліяніемъ европейскаго просвѣщенія, постепенно совершенствовалось. А чѣмъ совершеннѣе становится законодательство, тѣмъ менѣе оно запутывается въ мелочныхъ частныхъ случаяхъ и тѣмъ болѣе старается ограничиться опредѣленіемъ *общихъ* основаній. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени законодательство и въ области управленія ограничивается указаніемъ общихъ основаній каждой части управле-

нія, предоставляя извѣстный просторъ распорядительной дѣятельности администраціи, которая обязана издавать извѣстные распоряженія для развитія и для удобнѣйшаго примѣненія началъ законодательства. Такъ мало-по-малу эти распоряженія восполняютъ собою законъ, являются практическою стороною закона, средствомъ примѣненія его ко всѣмъ подробностямъ данной отрасли администраціи. Весьма естественно, что право распоряженій, понимаемое въ такомъ смыслѣ, должно быть сосредоточено въ рукахъ центральныхъ органовъ,—тѣхъ органовъ, которые близко знакомы съ общимъ духомъ правительственной администраціи и находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ верховною властью, которой они и обязаны своею отвѣтственностью. Слѣдовательно, съ разграниченіемъ властей законодательной и распорядительной, весьма естественно, право распоряженій сосредоточивается въ рукахъ центральныхъ органовъ, дѣйствующихъ подъ своею отвѣтственностью и являющихся политическими агентами верховной власти въ каждой части администраціи *). Такими высшими органами распорядительной, или исполнительной власти и являются наши министерства, подобно тому, какъ высшимъ органомъ законодательной власти служитъ Государственный Совѣтъ, а судебной—Сенатъ. Всѣ же эти три вида власти, которые окончательно обособились въ своей практической дѣятельности только въ нынѣшнемъ столѣтіи, суть собственно функціи верховной власти, сосредоточенной въ особѣ Государя Императора.

Первоначально министерства были учреждены въ 1802 году. Сперанскій въ то время еще не былъ государственнымъ членомъ и въ этомъ дѣлѣ участія не принималъ. Проектъ былъ выработанъ особымъ комитетомъ, состоявшимъ изъ слѣдующихъ лицъ: графа Кочубея, Новосильцева, князя Адама Чарторыйскаго и графа Строганова. Нѣкоторое вліяніе на

*) *Градовскій* „Нач. Рус. Гос. пр.“ т. II, стр. 356.

дѣтельность этого комитета имѣлъ и бывшій воспитатель государя Лагарпъ. Цѣль учрежденія министерствъ выражена въ манифестѣ слѣдующими словами: „Мы заблаго-разсудили раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнѣйшаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ нами министровъ, постановивъ имъ главныя правила, кои они имѣютъ руководствоваться въ исполненіи всего того, чего будетъ требовать отъ нихъ должность, и чего мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣтельности и усердія къ благу общему“. Учреждено было 8 министерствъ съ подчиненіемъ ихъ Сенату *). Старыя коллегіи были оставлены на прежнемъ основаніи и подчинены министерствамъ. Министры были главными директорами коллегій. Но отношенія министерствъ къ коллегіямъ не были точно опредѣлены: иногда коллегіи дѣйствовали самостоятельно, иногда руководствовались указаніями министровъ, оставляя за собою право заносить въ журналъ своихъ засѣданій свое мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ министровъ. Такъ же неопредѣленны были и отношенія министровъ къ Сенату, которому поручено было разсмотрѣніе министерскихъ отчетовъ, обратившееся въ простую формальность.

Неудобства такого соединенія коллегіальной системы съ министерской вскорѣ были поняты самими же министрами. Одинъ изъ нихъ, гр. Кочубей, у котораго дѣлопроизводителемъ былъ Сперанскій, уже годъ спустя послѣ учрежденія министерствъ представилъ государю докладъ, — вѣроятно, составленный Сперанскимъ, — въ которомъ были указаны всѣ недостатки установленной системы: медленность дѣлопроизводства, множество совершенно излишнихъ формальностей, недостатковъ отвѣтственности министровъ и проч. Слѣдствіемъ этого доклада было постепенное закрытіе коллегій, вмѣсто ко-

*) Военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, коммерціи, народнаго просвѣщенія и юстиціи.

торыхъ предполагалось ввести при министерствахъ *департаменты*. Однако дѣло преобразованія министерствъ затягивалось.

Вначалѣ всѣ преобразовательные планы встрѣчали противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, во главѣ которыхъ стоялъ Трощинскій, начальникъ канцеляріи Государственнаго Совѣта, приверженецъ старины, не сочувствовавшій многому въ преобразовательной дѣятельности правительства. Когда онъ удалился отъ дѣлъ, все вліяніе на государственныя дѣла перешло въ руки гр. Кочубея и его друзей (Новосильцовъ, кн. Адамъ Чарторыйскій, графъ Строгановъ), воспитанныхъ подъ вліяніемъ англійскихъ государственныхъ идей и стремившихся примѣнить эти идеи къ Россіи. Но этотъ кружокъ государственныхъ дѣятелей, прозванный современниками „тріумвиратомъ,“ вскорѣ распался. Кочубей вышелъ въ отставку. Тогда неограниченнымъ довѣріемъ государя сталъ пользоваться Сперанскій, котораго государь близко узналъ и оцѣнилъ по заслугамъ во время болѣзни Кочубея, когда Сперанскому, въ качествѣ директора департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, приходилось докладывать государю дѣла за министра. Теперь онъ получилъ званіе статсъ-секретаря и по порученію государя принялся за составленіе обширнаго плана государственныхъ преобразованій *). Въ 1810 г. онъ подалъ проектъ преобразованія министерствъ.

Главные недостатки министерскаго управленія по учрежденію 1802 года Сперанскій видѣлъ въ слѣдующемъ: 1) въ смѣшеніи дѣлъ и власти Сената и министерствъ, такъ что невозможно было опредѣлить, гдѣ начинается власть Сената и гдѣ оканчивается власть министровъ **); 2) въ томъ, что

*) Въ отличіе отъ Кочубея и его друзей онъ былъ сторонникомъ французскихъ административныхъ учреждений, организованныхъ Наполеономъ I.

**) „Хотя разсмотрѣніе министерскихъ отчетовъ поручено было сенату, но какъ изъ самыхъ сихъ отчетовъ усмотрѣно было, что всѣ разрѣшенія мини-

„ничѣмъ не прекращена была произвольность дѣйствій, и не удостоверяется зрѣлость соображеній;“ 3) въ отсутствіи дѣйствительной отвѣтственности министровъ, которая, по мнѣнію Сперанскаго, могла явиться лишь при томъ условіи, еслибы министрамъ предоставлена была извѣстная степень распорядительной власти. Власть же министровъ, по учрежденію 1802 г., не имѣла вполне опредѣленнаго характера. „По общему закону,—говорилъ Сперанскій,—министръ не можетъ дать никакого разрѣшенія въ поясненіе или дополненіе существующихъ правилъ. Отсюда необходимость испрашивать на всѣ случаи, *даже и маловажные*, высочайшихъ повелѣній; получивъ же сіи повелѣнія, отвѣтственность министра становится не только излишнею, но даже и невозможною“. Вотъ главное соображеніе, которымъ Сперанскій мотивировалъ необходимость преобразованія министерствъ *). Его проектъ внесенъ былъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Здѣсь онъ прошелъ безъ всякихъ замѣчаній и измѣненій и затѣмъ былъ осуществленъ двумя манифестами: манифестомъ 25-го іюля 1810 года, при которомъ обнародовано было новое распредѣленіе дѣлъ по министерствамъ, и манифестомъ отъ 25 іюня 1811 года, при которомъ издано было „общее образованіе министерствъ“.

Такимъ образомъ, за устройствомъ Государственнаго Совѣта, принимающаго участіе въ законодательствѣ, послѣдовало преобразованіе учреждений, которыя становились во главѣ администраціи и отъ которыхъ должна была исходить инициатива въ возбужденіи вопросовъ, требующихъ законодательнаго разрѣшенія. Теперь и отчеты по управленію министерствами должны были представляться въ Государственный Со-

стровъ и всѣ ихъ мѣры принимаемы были не иначе, какъ по докладу, и совершены высочайшими указами, на указы же воспрещено было сенату дѣлать примѣчанія, то разсмотрѣніе отчетовъ превратилось въ одинъ письменный обрядъ, а потомъ и самый обрядъ сей временемъ пресѣкся“. (Сперанскій).

*) См. у Градовскаго т. II. стр. 368.

вѣтъ и тамъ разсматриваться. Прежняя связь министерствъ съ Сенатомъ теперь выражалась только въ томъ, что министры должны были присутствовать въ Сенатѣ.

Каково же современное значеніе министерствъ?

Министерства установлены, какъ гласитъ сводъ законовъ, съ тою цѣлью, чтобы непрерывнымъ дѣйствіемъ ихъ и надзоромъ доставить законамъ и учрежденіямъ скорое и точное исполненіе.

Управляютъ министерствами министры, которые, вмѣстѣ съ ихъ товарищами, опредѣляются и увольняются по непосредственному Высочайшему усмотрѣнію. По самому своему званію они состоятъ въ то же время и членами Государственного Совѣта и обязаны присутствовать въ общихъ собраніяхъ Совѣта, гдѣ и участвуютъ въ голосованіи наравнѣ съ прочими членами. Въ департаментахъ Совѣта они не состоятъ членами, но могутъ являться и на засѣданія департаментовъ для представленія своихъ объясненій по дѣламъ, касающимся ихъ вѣдомствъ. Имъ принадлежитъ власть исключительно исполнительная: никакой новый законъ, никакое новое учрежденіе, или отмѣна прежняго не могутъ быть устанавливаемы властью министра. Въ своихъ дѣйствіяхъ всѣ министры непосредственно подчинены верховной власти. Ихъ же власть состоитъ въ томъ, чтобы понуждать всѣ подчиненныя имъ мѣста и лица къ исполненію законовъ. Какъ слѣдствіе этого, имъ принадлежитъ право представленія къ опредѣленію и увольненію высшихъ чиновниковъ (4-го класса) и право утвержденія собственною властью низшихъ (5-го и 6-го классовъ)*). Имъ принадлежитъ также надзоръ за дѣйствіями всѣхъ подчиненныхъ имъ мѣстъ и лицъ, съ правомъ удаленія отъ должности и преданія суду въ случаѣ важныхъ

*) Чины первыхъ трехъ классовъ назначаются по непосредственному усмотрѣнію Государя Императора, а должности до 7-го класса включительно замѣщаются губернскимъ начальствомъ.

преступлений, разрѣшеніе всѣхъ встрѣчающихся въ административной практикѣ затрудненій и принятіе всѣхъ мѣръ въ исполненію законовъ и къ приведенію въ дѣйствіе учрежденій, которыя могутъ быть открываемы по ихъ представленію.

Кромѣ того, министрамъ предоставляется право принимать въ особо важныхъ случаяхъ чрезвычайныя мѣры, выходящія за предѣлы ихъ законныхъ полномочій. Но въ этихъ случаяхъ министръ обязанъ доказать: во-первыхъ, настоятельную необходимость чрезвычайной мѣры, и, во-вторыхъ, невозможность ожидать разрѣшенія высшей власти въ виду настоятельности этой нужды. Наконецъ, министры могутъ получать отъ Государя Императора, въ случаѣ необходимости, особыя полномочія.

Относительно законодательной части государственнаго управленія роль министровъ заключается въ томъ, что они могутъ въ Государственномъ Совѣтѣ дѣлать представленія о необходимости новаго закона или учрежденія, или объ отмѣнѣ прежняго. Эти представленія дѣлаются съ предварительнаго Высочайшаго разрѣшенія. Такія представленія должны содержать въ себѣ: 1) точное указаніе на существующіе законы или учрежденія; 2) указаніе на недостатокъ ихъ или важныя неудобства, удостовѣренныя опытомъ; 3) предположенія министра, или проектъ закона или учрежденія; 4) означеніе тѣхъ статей прежняго закона, которыя отмѣняются новымъ постановленіемъ.

Если предполагаемая мѣра имѣетъ связь съ другими министерствами, то предварительно дѣлаются съ ними необходимыя сношенія для совмѣстнаго дѣйствія. Въ случаяхъ различныхъ недоразумѣній и затрудненій въ исполненіи существующихъ законовъ министерство обращается за разъясненіями въ Сенатъ. Министры въ своей дѣятельности отвѣтственны. Въ случаѣ поступленія на ихъ дѣятельность жалобы или донесенія, обнаруживающихъ дѣйствительное злоупотреб-

леніе и какой-либо важный государственный ущербъ, дѣйствія министра по Высочайшему распоряженію могутъ быть разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ, отъ котораго и зависитъ преданіе суду, съ разрѣшенія Государя.

При каждомъ министерствѣ, для разсмотрѣнія дѣлъ, требующихъ по ихъ важности общаго соображенія, состоитъ совѣтъ министра, куда входятъ товарищъ министра и директора департаментовъ. Кромѣ того, по Высочайшему усмотрѣнію въ совѣтъ министра могутъ опредѣляться и особые члены; могутъ быть также приглашаемы на совѣщанія, по усмотрѣнію министра и по свойству дѣлъ, и лица постороннія.

Ежегодно министръ представляетъ Государю общій о дѣлахъ министерства отчетъ, сведенный изъ отчетовъ директоровъ департаментовъ. Кромѣ того, каждый министръ представляетъ еще особый отчетъ, непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе, о видахъ и предположеніяхъ его относительно усовершенствованія ввѣренной ему части.

Въ заключеніе приведемъ слова проф. Градовскаго, которыми вполне опредѣляется значеніе нашихъ министерствъ:

„Сосредоточеніе опредѣленной части управленія въ рукахъ одного вѣдомства (министерства) опредѣляется слѣдующими важными цѣлями: необходимостью *единства* въ главныхъ способахъ ея осуществленія и организаціею *отвѣтственности* административныхъ вѣдомствъ... Единство каждой части и отвѣтственность соответствующихъ ей установленій возможны при единообразіи въ примѣненіи общихъ и специальныхъ законовъ, касающихся данной части. Хотя способы осуществленія общихъ задачъ и могутъ разнообразиться по мѣстнымъ условіямъ, но мѣстныя установленія, въ интересахъ государства и для пользы частныхъ лицъ, не могутъ отступать отъ общихъ формъ управленія, ни нарушать общихъ законовъ. Отсюда понятно, что каждая отрасль администраціи должна имѣть одного общаго представителя, отвѣтственнаго

за состояніе своей части и, въ силу своей отвѣтственности, обязаннаго наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ всѣми его органами. На главѣ министерства лежитъ, въ числѣ прочихъ обязанностей, обязанность *храненія законовъ* въ обширномъ смыслѣ, именно: 1) устраненіе всѣхъ извѣстныхъ ему неправильныхъ примѣненій и толкованій законовъ, всѣхъ недоразумѣній въ пониманіи законовъ и разрѣшеніе затрудненій, возникающихъ при его примѣненіи; 2) прекращеніе злоупотребленій въ управленіи съ привлеченіемъ къ отвѣтственности должностныхъ лицъ, виновныхъ въ превышеніи или бездѣйствіи власти *).

Вопросы.

1. Понятіе о министерской системѣ управленія.
 2. Преимущество этой системы передъ системой коллегіальной.
 3. Развитіе министерствъ въ Россіи:
 - а) учрежденіе 1802 г. и его недостатки;
 - б) преобразованіе министерствъ въ 1810 году и соображенія Сперанскаго.
 4. Современное значеніе министерствъ. Права и обязанности министровъ.
-

*) *Градовскій*, т. II. стр. 356.

VIII.

Комитетъ министровъ и Совѣтъ министровъ.

Дѣла, къ высшему государственному управленію относящіяся, разсматриваются или въ Совѣтѣ министровъ, въ присутствіи Его Императорскаго Величества, или въ Комитетѣ министровъ.

Сводъ законовъ.

Въ тѣсной связи съ учрежденіемъ министерствъ находятся два учрежденія: Комитетъ министровъ и Совѣтъ министровъ, въ которыхъ разсматриваются важнѣйшія дѣла, относящіяся къ высшему государственному управленію и подлежащія Высочайшему разрѣшенію.

Комитетъ министровъ. По учрежденію 1802 г. о министерствахъ министры обязаны были докладывать важнѣйшія дѣла государю. Ихъ доклады производились двумя способами: или каждый министръ отдѣльно, въ опредѣленные часы и дни, докладывалъ дѣла своего вѣдомства, или же доклады производились въ общемъ собраніи всѣхъ министровъ, въ присутствіи государя. Послѣдній способъ „совокупнаго“ доклада и послужилъ началомъ существованія Комитета. Общее собраніе министровъ и называлось этимъ именемъ. Такимъ образомъ, въ первоначальномъ своемъ видѣ Комитетъ еще не былъ учрежденіемъ: при немъ не было канцеляріи, кругъ его дѣятельности не былъ точно опредѣленъ закономъ. Комитетъ въ то время, говоря словами гр. Сперанскаго, „не былъ ни мѣсто, ни особое установленіе, онъ былъ только образъ (способъ) доклада“. Но затѣмъ, подъ вліяніемъ практики и указаній опыта, постепенно были выработаны особыя поста-

новленія, превратившія Комитетъ изъ общаго собранія министровъ, созываемыхъ для „совокупнаго“ доклада, въ особое высшее учрежденіе, съ вполне опредѣленнымъ характеромъ и съ точно указаннымъ отношеніемъ къ другимъ учрежденіямъ. Эти преобразованія начались уже съ 1805 года. Для того, чтобы не нарушалось *единство* въ государственномъ управленіи, было постановлено, чтобы каждый министръ, прежде чѣмъ представить свой докладъ государю, предлагалъ его на предварительное соображеніе всѣмъ остальнымъ министрамъ, въ ихъ общемъ собраніи; затѣмъ, чтобы отдѣльные министры вносили также въ Комитетъ различныя дѣла своихъ вѣдомствъ для разрѣшенія своихъ собственныхъ сомнѣній. Кроме того, Комитету были поручены и нѣкоторые предметы управленія. Но съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта,—когда части исполнительная и законодательная были раздѣлены точнѣе и когда яснѣе опредѣлились отношенія министровъ къ законодательной и исполнительной власти,—Комитетъ временно потерялъ свое прежнее значеніе. Теперь по вопросамъ законодательнаго характера министры должны были входить съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ, а по вопросамъ административнымъ—въ Сенатъ, который или самъ разрѣшалъ то или иное дѣло, или представлялъ его на высочайшее разрѣшеніе. При такихъ условіяхъ Комитетъ казался ненужнымъ и его предполагалось упразднить. Но вскорѣ началась отечественная война, которая затѣмъ обратилась въ европейскую. Государь принужденъ былъ оставлять надолго столицу. Тогда обнаружилась необходимость въ особомъ высшемъ учрежденіи, которое завѣдывало бы дѣлами высшаго государственнаго управленія во время отлучекъ государя. Въ виду этого изданъ былъ указъ „объ учрежденіи Комитета министровъ, съ особою властью по случаю высочайшаго отбытія государя изъ столицы“. Комитетъ,—въ составъ котораго введены были теперь, кроме министровъ, еще предсѣдатели

департаментовъ Государственнаго Совѣта, назначены были председатель и управляющій дѣлами,— временно получали чрезвычайныя полномочія. Впослѣдствіи, когда война окончилась, эти полномочія были уничтожены, но Комитетъ остался, и затѣмъ кругъ его вѣдомства постепенно былъ опредѣленъ отдѣльными узаконеніями, которыми особенно богато начало царствованія императора Николая I.

Не вдаваясь въ подробности, мы лишь въ общихъ чертахъ укажемъ современное значеніе Комитета, на сколько оно опредѣлилось въ царствованіе императора Александра II. Мы рассмотримъ три вопроса: 1) Какія дѣла подвѣдомственны Комитету? 2) Какова степень его власти? 3) Каковъ составъ Комитета? *)

1. *Дѣла, подвѣдомственныя Комитету.* Прежде всего, Комитету предоставляются тѣ дѣла, разрѣшеніе которыхъ превышаетъ степень власти, предоставленной каждому министру. Дѣла эти вносятся въ Комитетъ, если они не могутъ быть разрѣшены на основаніи законовъ Сенатомъ и нуждаются въ усмотрѣніи верховной власти. Затѣмъ, министры входятъ съ представленіями въ Комитетъ о дѣлахъ, которые или возбуждаютъ въ нихъ сомнѣніе, или нуждаются въ соображеніи и содѣйствіи разныхъ вѣдомствъ. Наконецъ, разсмотрѣніе извѣстныхъ дѣлъ можетъ быть предоставлено Комитету особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ. Кромѣ того, есть еще дѣла, особенно подлежащія разсмотрѣнію въ Комитетѣ, наприкладъ, дѣла, относящіяся до общаго спокойствія и безопасности, до народнаго продовольствія, высшія административныя дѣла по расколу, представленія министровъ объ отклоненіи ходатайствъ земскихъ собраній и нѣкоторые другія.

2. *Степень власти Комитета.* Комитетъ,— кромѣ дѣлъ, опредѣленно указанныхъ для его вѣдомства,—разсматриваетъ остальные дѣла или по инициативѣ отдѣльныхъ министерствъ,

*) См. у Градовскаго т. II стр. 221—226.

или по Высочайшему повелѣнію. Собственной инициативы въ разсмотрѣніи подлежащихъ ему дѣлъ онъ не имѣеть. Постановленія Комитета, за исключеніемъ нѣкоторыхъ дѣлъ, не имѣютъ силы безъ Высочайшаго разрѣшенія *). Своей исполнительной власти и подчиненныхъ ему органовъ Комитетъ не имѣеть; осуществленіе его постановленій предоставляется министрамъ.

3. *Составъ Комитета.* Въ составъ Комитета входятъ: министры, главноуправляющіе и предсѣдатели департаментовъ Государственнаго Совѣта. Прочіе члены Комитета,—если ихъ присутствіе будетъ найдено необходимымъ,—назначаются Государемъ Императоромъ. Подобно департаментамъ Государственнаго Совѣта, Комитетъ можетъ приглашать въ свои засѣданія разныхъ должностныхъ лицъ „для объясненія или для общаго съ ними сужденія“. Предсѣдатель Комитета назначается Государемъ Императоромъ. При Комитетѣ состоитъ канцелярія, которою завѣдываетъ управляющій дѣлами Комитета съ своимъ помощникомъ и начальниками отдѣленій. Засѣданія Комитета происходятъ два раза въ недѣлю (въ лѣтнее время разъ въ недѣлю). Предсѣдатель Комитета имѣеть право назначать чрезвычайныя засѣданія. Кромѣ того, по Высочайшему соизволенію, могутъ быть назначены постоянныя засѣданія, въ дополненіе къ днямъ, назначеннымъ по закону. При докладѣ дѣлъ Государю представляются журналы Комитета и подлинныя представленія министерствъ, по которымъ состоялось опредѣленіе Комитета. Высочайшее разрѣшеніе совершается посредствомъ собственноручной подписи „исполнить“.

Совѣтъ министровъ **). Это учрежденіе явилось въ 1861 году. По существу своему это установленіе отнесено закономъ

*) Въ царствованіе императора Александра II самостоятельному рѣшенію Комитета были предоставлены: 1) представленія министровъ объ отклоненіи ходатайствъ земскихъ собраній и 2) представленія министра внутреннихъ дѣлъ объ уничтоженіи книгъ, признанныхъ особенно вредными.

**) См. у Гродовскаго т. II стр. 226—229. Приводимъ здѣсь почти дословно два параграфа изъ этого сочиненія (§ 108 и § 109).

къ совѣщательнымъ учрежденіямъ по административнымъ вопросамъ. Но въ то же время, разсмотрѣнію его принадлежатъ и вопросы законодательные. Такимъ образомъ, это учреждение имѣетъ связь и съ Комитетомъ министровъ и съ Государственнымъ Совѣтомъ.

Министры имѣютъ право предлагать отмѣну существующихъ и изданіе новыхъ законовъ; но внесеніе такого проекта въ Государственный Совѣтъ требуетъ Высочайшаго разрѣшенія. Такое разрѣшеніе, до учрежденія Совѣта министровъ, давалось по личному докладу министровъ Государю. Но при такомъ порядкѣ чрезвычайно трудно было сохранить единство въ законодательныхъ начинаніяхъ. Предположенія одного министра не всегда могутъ быть тождественны съ видами другихъ его товарищей. Вслѣдствіе этого на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта могли поступать проекты, въ самомъ принципѣ несогласные съ идеями и цѣлями прочихъ министровъ. Поэтому для соблюденія необходимаго въ государственномъ управленіи единства постановлено было, чтобы законопроекты предварительно обсуждались въ Совѣтѣ министровъ, а затѣмъ съ Высочайшаго разрѣшенія вносились въ Государственный Совѣтъ. Но чѣмъ объясняется существованіе Совѣта министровъ рядомъ съ Комитетомъ министровъ? Дѣло въ томъ, что совѣщанія Комитета министровъ происходятъ внѣ высочайшаго присутствія. Хотя журналы и представляются на усмотрѣніе Государя, но мѣра эта недостаточна для уясненія особенно сложныхъ и трудныхъ вопросовъ. Польза дѣла требуетъ личнаго присутствія Государя при самыхъ преніяхъ министровъ и главноуправляющихъ. Этими соображеніями и объясняется значеніе Совѣта министровъ. Онъ предназначенъ для разсмотрѣнія дѣлъ, которыя требуютъ не только Высочайшаго утвержденія, но и личнаго присутствія Государя при обсужденіи этихъ вопросовъ. Поэтому, во-первыхъ, Совѣтъ собирается подъ личнымъ предсѣдательствомъ

Государя и, во-вторыхъ, онъ не имѣетъ опредѣленнаго круга дѣлъ. Каждый разъ на внесеніе извѣстнаго дѣла въ Совѣтъ министровъ требуется особое Высочайшее разрѣшеніе, испрашиваемое непосредственно каждымъ министромъ. Государь даетъ разрѣшеніе на внесеніе дѣла въ Совѣтъ, когда сочтетъ полезнымъ рассмотретьъ его въ своемъ присутствіи.

Дѣла, вносимыя въ Совѣтъ министровъ, относятся къ порядку какъ законодательному, такъ и административному. По законодательной части сюда поступаютъ: первоначальныя предположенія, возникающія въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ *), о необходимости отмѣнить или измѣнить какой-либо изъ дѣйствующихъ законовъ. По рассмотрѣніи и утвержденіи такого „первоначальнаго предположенія“, самый проектъ закона представляется на рассмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Что касается дѣлъ административнаго характера, то въ этомъ отношеніи Совѣтъ министровъ является, главнымъ образомъ, средствомъ контроля надъ дѣятельностью отдѣльныхъ министерствъ. Поэтому сюда вносятся: свѣдѣнія о ходѣ работъ по устройству и управленію разныхъ административныхъ частей, а также заключенія особыхъ комиссій, учреждаемыхъ по повелѣнію государя, для рассмотрѣнія отчетовъ министровъ. Кромѣ того, сюда вносятся многіе частныя вопросы министрами для испрошенія Высочайшаго разрѣшенія, на примѣръ, мѣры, требующія общаго содѣйствія разныхъ вѣдомствъ, предположенія объ устраненіи различныхъ затрудненій при производствѣ работъ по усовершенствованію различныхъ частей управленія. Наконецъ, по усмотрѣнію Государя, обсужденію Совѣта могутъ быть предоставлены и другія дѣла.

*) *Главными управленіями* называются установленія, въ которыхъ сосредоточены какія либо отрасли администраціи и которыя дѣйствуютъ на правахъ министерствъ. Сюда относятся: Государственный контроль, учрежденный для ревизіи государственныхъ счетовъ, собственная Его Императорскаго Величества канцелярія со всѣми ея отдѣленіями и нѣкоторыя другія учрежденія.

Совѣтъ министровъ составляетъ изъ министровъ и главноуправляющихъ, пользующихся правами министровъ, и изъ другихъ лицъ, призванныхъ по усмотрѣнiю Государя. Такъ какъ Совѣтъ министровъ имѣеть связь съ дѣятельностью Государственнаго Совѣта, то въ засѣданiяхъ его присутствуетъ и государственный секретарь, который имѣеть право представлять свѣдѣнiя по предметамъ, касающимся законодательныхъ вопросовъ. Предсѣдательство въ Совѣтѣ принадлежитъ Государю. Собственной канцелярiи Совѣтъ не имѣеть и завѣдыванiе его дѣлами возлагается на управляющаго дѣлами Комитета министровъ. Засѣданiя совѣта происходятъ не въ опредѣленные сроки, а каждый разъ назначаются по усмотрѣнiю Государя. Резолюцiя Совѣта по дѣламъ, назначеннымъ Государемъ къ докладу, имѣеть силу Высочайшаго повелѣнiя, когда постановляется въ засѣданiи Совѣта послѣ окончанiя пренiй. Иногда дѣло, по своей важности и сложности, можетъ быть обращено Государемъ къ новому разсмотрѣнiю, въ Высочайшаго присутствiя. Разсмотрѣнiе это поручается особой комиссiей изъ членовъ Совѣта или другихъ лицъ. Тогда результаты совѣщанiя представляются Государю въ видѣ краткой меморiи чрезъ управляющаго дѣлами. Высочайшая резолюцiя излагается на меморiи и объявляется членамъ Совѣта.

Вопросы.

1. Происхожденiе Комитета министровъ.
 2. Комитетъ при императорѣ Александрѣ I.
 3. Современное значенiе Комитета:
 - а) дѣла, подвѣдомственныя Комитету;
 - б) степень власти Комитета.
 4. Главная причина учрежденiя Совѣта министровъ („единство управленiя“).
 5. Назначенiе Совѣта.
 6. Дѣла, подвѣдомственныя Совѣту (законодательныя и административныя).
 7. Составъ Совѣта министровъ и дѣлопроизводство.
-

IX.

Боярская Дума. *)

„А случится царю мысль свою о чемъ объявить, и онъ имъ (боярамъ), объявля, приказываетъ, чтобы они, бояре и думные люди, помысли, тому дѣлу дали способъ.“
Котошишинъ.

Еще въ X в. при кievскомъ князѣ мы встрѣчаемъ кругъ людей, служащихъ его ближайшими правительственными сотрудниками. Люди эти называются въ лѣтописи то боярами, то дружиной князя и составляютъ его обычный совѣтъ, съ которымъ онъ думаетъ о ратныхъ дѣлахъ и объ устроении земли. Въ составъ этого совѣта, какъ видно изъ лѣтописи, со времени принятія христіанства входятъ и епископы. Наконецъ, рядомъ съ боярами и епископами мы видимъ еще и третій элементъ. Когда возникалъ вопросъ, выходившій изъ ряда обычныхъ дѣлъ княжескаго управленія, совѣтниками князя являлись еще *старцы градскіе*. Ихъ мы встрѣчаемъ въ княжеской думѣ еще и въ языческое время. Подъ ними слѣдуетъ разумѣть не старыхъ вообще людей, и не родовладыкъ (родовой бытъ въ городахъ X-го в. уже исчезъ), а выборныхъ городскихъ должностныхъ лицъ: тысяцкихъ, сотскихъ, десятскихъ, имѣвшихъ въ торговыхъ городахъ древней Руси большое значеніе **).

*) По сочиненію проф. *Ключевского* „Боярская дума древней Руси“. М. 1883 г.

**) Все вооруженное населеніе города того времени дѣлилось на 10 сотенъ, сотня на 10 десятковъ; весь городъ составлялъ полкъ, или тысячу. Тысяцкіе (бывшіе только въ главныхъ городахъ), сотскіе, десятскіе—выбирались изъ вліятельныхъ богатыхъ фамилій и были военными начальниками и политическими представителями своихъ частей. Тысяцкіе, сотскіе и десятскіе съ XI в. уже стали назначаться князьями (изъ „княжихъ мужей“).

Но съ XI в. правительственный совѣтъ при князѣ Киевской Руси становится однословнымъ, боярскимъ. Старцы городскіе теряютъ свое прежнее значеніе, такъ какъ княжеское правительство, устроившись и укрѣпившись въ административномъ и военномъ отношеніяхъ, стало меньше нуждаться въ содѣйствіи городского управленія и городскихъ полковъ. Они, эти старцы градскіе, если и являются теперь на сцену въ важныхъ обстоятельствахъ, то уже не какъ члены княжеской думы, а какъ городскіе депутаты, руководители вѣча,—и лѣтопись называетъ ихъ уже не „старцами градскими,“ а просто „лучшими людьми“. Уже въ XII вѣкѣ явственно обнаруживается такое ихъ значеніе. Князь не зоветъ ихъ на думу, а призываетъ ихъ, чтобы черезъ нихъ сообщить вѣчу рѣшеніе, принятое имъ на совѣтѣ со своей братьей—князьями или съ боярами, и черезъ нихъ же узнать отвѣтъ вѣча. Иногда и самъ князь съ дружиною съ этою цѣлью выходитъ на площадь, въ народъ, на вѣче. Сдѣлавшись такимъ образомъ однословнымъ, служилымъ совѣтомъ, боярская дума въ общественномъ мнѣніи древней Руси играла большую роль; она являлась необходимымъ условіемъ хорошаго княжескаго управленія. Если князь не совѣтовался со своими боярами, то лѣтописецъ XII в. отмѣчалъ это, какъ признакъ недобраго князя. Народныя воззрѣнія на этотъ счетъ нашли живое выраженіе во многихъ афоризмахъ извѣстнаго Слова Даніила Заточника: „Съ мудрымъ думцею князь высоваго стола додумается,—говорится тамъ,—а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ“; или еще: „Князь не самъ впадаетъ во многія вещи злыя, но думцы вводятъ“ и проч. Но совѣтоваться съ боярами для князя было не столько формальною обязанностью, сколько практической необходимостью. Бояринъ былъ правительственнымъ сотрудникомъ князя, отвѣтственнымъ свидѣтелемъ и участникомъ его политическихъ думъ и предпріятій, и поэтому

въ каждомъ важномъ дѣлѣ предварительное соглашеніе князя съ боярами предполагалось само собою: бояре считали себя въ правѣ отказать князю въ своемъ содѣйствіи, если дѣло задумано безъ ихъ вѣдома. Положимъ, князю принадлежалъ выборъ совѣтниковъ и онъ могъ измѣнять составъ своего совѣта; но онъ не считалъ возможнымъ остаться совсѣмъ безъ совѣтниковъ. Если бы князь задумалъ, напримѣръ, какой-нибудь походъ и, не совѣтуясь съ боярами, принялъ бы свои мѣры къ осуществленію предпріятія, то онъ долженъ былъ бы ожидать отъ дружины того отвѣта, который однажды получилъ отъ своей дружины волынскій князь Владиміръ Мстиславовичъ: „Ты это, князь, самъ собою замыслилъ, такъ не ѣдемъ за тобою: мы того не вѣдали“.

Но право на участіе въ совѣтѣ князя, въ его думѣ, принадлежало не всей дружинѣ, а лишь старѣйшей, „лѣпшимъ мужамъ“, и уже въ XII в. „бояре думающіе“ явственно отличаются отъ „мужей храборствующихъ“, отъ чисто военной дружины, не имѣющей мѣста въ думѣ, отъ „дѣтскихъ“, или „отроковъ“. Что касается „бояръ думающихъ“, т. е. принимавшихъ участіе въ засѣданіяхъ княжескаго совѣта, то они вмѣстѣ съ тѣмъ были и должностными лицами, органами княжескаго центрального и дворцоваго управленія. Въ XII—XIII в.в. при княжескихъ дворахъ Киевской Руси встрѣчается уже значительный штатъ сановниковъ: *тысяцкій* съ *сотскими*, командовавшій полкомъ стольнаго города, *дворецкій*, *печатникъ*, *стольникъ*, *меченоша*, *мечникъ*, *конюшій*, *спѣльничій*, *покладникъ*, или *постельничій*, *ловчій*, *ключники* и *тиуны* разныхъ родовъ, *мытники*, *бирючи*, *подвойскіе*. Важнѣйшіе изъ нихъ были и совѣтниками князя (*тысяцкій*, *дворецкій*, *печатникъ*, *стольникъ*, *меченоша*, главный *мечникъ*, *казначей*). Изъ Русской Правды мы видимъ, что въ важныхъ случаяхъ, или по желанію князя, въ думѣ засѣдали рядомъ съ кievскимъ тысяцкимъ и тысяцкіе нѣборыхъ пригородовъ.

Памятники XII и XIII вѣковъ даютъ мало чертъ для изображенія ежедневной дѣятельности боярской думы. Лѣтопись обыкновенно ограничивается краткимъ замѣчаніемъ, что князь „сдума съ мужи своими“, не указывая, сколько совѣтниковъ присутствовало на этихъ „думахъ“, или засѣданіяхъ. По другимъ памятникамъ видно, что обычныя собранія боярской думы не были многочисленны. Такъ, дума, собранная великимъ княземъ Владиміромъ Мономахомъ для установленія закона о ростѣ, состояла всего изъ 6 мужей, при чемъ одинъ изъ нихъ былъ представителемъ черниговскаго князя Олега. Иногда число ихъ повышается до 10.

Когда князь жилъ дома, совѣтъ собирался при немъ во дворцѣ, повидимому, ежедневно рано по утрамъ. Владиміръ Мономахъ въ своемъ Поученіи говоритъ, что онъ, встрѣтивъ молитвой восходъ солнца, сходявъ въ церковь, садился „думать съ дружиной“ и „оправлявалъ людей“, т. е. судилъ. Θεодосій Печерскій, по разсказу его древняго жизнеописателя, однажды на зарѣ, возвращаясь въ монастырь отъ великаго князя Изяслава, встрѣтилъ на пути бояръ, которые уже ѣхали во дворецъ на думу. Но князь часто думалъ со своими мужами и въ полѣ на походѣ, и въ станѣ подъ осажденнымъ городомъ. Походъ обыкновенно сопровождался рядомъ совѣщаній съ боярами; князь не дѣлалъ шага, не размысливъ съ дружиною, не повѣдавъ мужамъ думы своей и не спросивъ ихъ совѣта.

Предметомъ совѣщаній, о которыхъ разсказываетъ лѣтопись, чаще всего служили военныя дѣла и отношенія князя къ другимъ князьямъ. Въ присутствіи бояръ князь творилъ судъ и расправу, по совѣту съ ними заключалъ договоры съ иноземцами, издавалъ новые законы, дѣлалъ предсмертныя распоряженія о своемъ княжествѣ, измѣнялъ порядокъ княжескаго преемства. На засѣданіяхъ думы возникали пренія; князь къ боярамъ и бояре къ нему держали рѣчи; предложенія князя вызывали возраженія со стороны

боярь. Князь или соглашался съ ними, или же поступалъ по своему.

Иногда совѣтъ раздѣлялся и высказывались различныя мнѣнія. Тогда князь выслушивалъ обѣ стороны и рѣшалъ вопросъ, присоединяясь къ одной изъ нихъ. Ходъ дѣла иногда осложнялся вліяніемъ вѣча и духовенства. Въ особо важныхъ случаяхъ въ боярскомъ совѣтѣ присутствовали и мѣстный епископъ или его намѣстникъ. Вообще говоря, въ дѣятельности боярской думы въ княжеской Руси, какъ изображаетъ ее лѣтописецъ XII вѣка, мало порядка и совсѣмъ не замѣтно канцелярскихъ формальностей, за то много шума, говора, движенія. Князья и бояре высказывались откровенно и, привыкнувъ къ гласному, устному обсужденію дѣлъ, любили и, повидимому, были мастера говорить. Но при всемъ этомъ шумная, говорливая дѣятельность была довольно поверхностна; она шла за текущими дѣлами, не направляя ихъ; обращалась къ случайнымъ вопросамъ и интересамъ, всплывавшимъ на поверхность жизни, не касаясь основаній существующаго порядка и даже съ трудомъ его поддерживая.

Въ этомъ отношеніи она представляла рѣзкую противоположность дѣятельности боярской думы въ сѣверо-восточной Руси,—тихой, молчаливой, кропотливой, какою она является въ памятникахъ XIV и XV в.в.

Такой характеръ боярской думы въ Кіевской Руси XII в. былъ отраженіемъ той подвижности, слабости связей съ мѣстными обществами, какою отличалась жизнь тогдашнихъ князей и ихъ дружинъ. При такихъ обстоятельствахъ, когда бояре еще не ослѣлись,—когда одни изъ нихъ бросали князей для волостей, другіе волости для князей,—боярская дума не могла быть учрежденіемъ, правильно дѣйствующимъ и имѣющимъ постоянный и значительный политическій авторитетъ, каковой могла она имѣть въ Галицкой Руси XII—XIII в. в., гдѣ, благодаря раннему исчезновенію очередного поряд-

ка княжескаго владѣнія, боярство сложилось въ многочисленный и могущественный классъ, успѣшно соперничавшій съ княземъ и не разъ торжествовавшій надъ нимъ; гдѣ боярство стремилось поставить князя въ такое положеніе, чтобы онъ только княжилъ, а не правилъ, отдавъ дѣйствительное управленіе страной въ руки бояръ.

Боярскую думу Кіевской Руси XI—XIII в.в. надобно отличать отъ двухъ другихъ правительственныхъ формъ, въ которыхъ проявлялась тогда политическая дѣятельность разныхъ классовъ общества: отъ совѣщанія князя со всей дружиной, и отъ городского вѣча, на которомъ также иногда появлялся князь со своею дружиною. Боярская дума была третьей формой, отличавшейся отъ двухъ другихъ тѣмъ, что она была *учрежденіемъ постояннымъ*, дѣйствовавшимъ ежедневно.

Въ XIII вѣкѣ русская исторія испытываетъ рѣзкій переломъ, который не могъ не отразиться на всѣхъ сторонахъ древнерусской жизни, на отношеніяхъ между всѣми элементами древнерусскаго общества и на всѣхъ учрежденіяхъ, которыя выработались предшествующей исторіей, въ томъ числѣ и на боярской думѣ. Мы говоримъ о разореніи Кіевской Руси.

Опустошенная татарами и другими „погаными,“ Кіевская Русь теряетъ свое прежнее значеніе; самая связь Кіева съ другими волостями порывается и значительная часть жителей Приднѣпровья уходитъ въ другіе края Руси.

Самое понятіе о единой Русской землѣ тускнѣетъ, и между князьями, членами одинаго княжескаго рода, замѣчается все большее и большее отчужденіе. Порядокъ очереднаго владѣнія столами уступаетъ мѣсто стремленію князей прочно сѣсть въ своихъ земляхъ. Князь становится вотчинникомъ своего удѣла, смотритъ на свой удѣлъ, какъ на свое хозяйство и, уступая части своей земли другимъ вотчинникамъ, дѣлится съ ними и своими правительственными правами, своею политическою властью.

Ту же перемѣну переживаетъ и общество удѣльнаго княжества, въ частности боярское сословіе. При болѣе безопасномъ положеніи сѣверо-восточной Руси относительно внѣшнихъ враговъ, внѣшняя оборона земли уже не давала пищи боевому духу дружинъ сѣверныхъ князей. При осѣдлости же князя и дружина должна была искать себѣ обезпеченія въ болѣе надежномъ экономическомъ источникѣ, чѣмъ жалованье отъ князя и военная добыча. Такимъ источникомъ могло быть только владѣніе землею и ея обработка; и вотъ *землевладѣніе* все болѣе и болѣе становится и для бояръ основой ихъ общественнаго положенія. Они начинаютъ приобрѣтать земельную собственность, населять и расчищать пустоши, выпрашивать у князей землевладѣльческія льготы и приманивать ими вольныхъ крестьянъ на свои земли.

Такимъ образомъ дружина князя постепенно теряетъ, вмѣстѣ съ княземъ, характеръ подвижности, составлявшій отличительную ея черту въ кievскій періодъ русской исторіи. Та связь съ обществомъ, которая прежде отсутствовала, теперь начинаетъ вырабатываться, и проявленіемъ этой связи является *землевладѣніе*. Князь и его бояре поставлены теперь въ новыя условія. Посмотримъ, какъ эти новыя условія отразились на боярской думѣ.

Князь былъ теперь вотчинникомъ своего удѣла, хозяиномъ, старшимъ, такъ сказать, помѣщикомъ, старшимъ бояриномъ. Согласно съ этимъ и все управленіе удѣломъ было довольно точною копіею съ устройства древнерусской боярской вотчины. Подобно тому, какъ въ вотчинѣ боярина были земли и угодья, лично имъ эксплуатируемыя, и земли и угодья, сдаваемыя въ аренду свободнымъ людямъ, такъ и въ удѣлѣ сѣвернаго князя до половины XV в. часть земли эксплуатировалась самимъ княземъ, а другая часть на извѣстныхъ условіяхъ уступалась частнымъ землевладѣльцамъ, каковыми являлись бояре, старшіе дружинники.

Боярство, осѣвшее въ удѣльныхъ княжествахъ сѣверо-восточной Руси, вскорѣ раздѣлилось на *земское* и *служилое*. Представители послѣдняго подраздѣлялись на два разряда: на бояръ большихъ или *введенныхъ*, исполнявшихъ различныя должности при князѣ (введенныхъ княземъ въ свой дворецъ), завѣдывавшихъ отдѣльными вѣдомствами дворцовой администраціи (напримѣръ, окольничій, стольникъ, чашникъ, казначей) и получавшихъ въ кормленіе намѣстничество въ городахъ,—и на бояръ *путныхъ*, или *путниковъ*, низшихъ служилыхъ бояръ, получавшихъ за свою службу дворцовыя земли и доходы „въ путь“, т. е. въ кормленіе. Боярская дума въ эту эпоху состояла изъ бояръ перваго разряда, изъ введенныхъ бояръ, т. е. изъ ближнихъ къ князю людей, завѣдывавшихъ различными отраслями его хозяйства, изъ его, такъ сказать, дворцовыхъ прикащиковъ.

Въ количественномъ отношеніи составъ думы постоянно мѣнялся. Иныя дѣла князь рѣшалъ съ довольно значительнымъ количествомъ совѣтниковъ, даже иногда при участіи высшаго мѣстнаго представителя церковной іерархіи; при рѣшеніи другихъ, повидимому, столь же важныхъ дѣлъ, или столь же неважныхъ, присутствовало всего два-три боярина, даже при такихъ княжескихъ дворахъ, гдѣ ихъ всегда можно было собрать гораздо больше.

Вообще составъ засѣданія думы зависѣлъ всегда отъ усмотрѣнія самого князя, при чемъ однако князь, сообразуясь съ характеромъ дѣла, подлежащаго обсужденію, приглашалъ обыкновенно тѣхъ изъ введенныхъ бояръ, которыхъ наиболѣе касалось это дѣло по роду управляемыхъ ими вѣдомствъ. Такимъ образомъ, боярская дума въ эту эпоху не была политическимъ учрежденіемъ, имѣвшимъ законодательный или совѣщательный характеръ, а была простымъ, не имѣвшимъ еще опредѣленной фізіономіи, совѣтомъ княжескихъ слугъ, его управляющихъ, хотя въ то же время и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Эти *введенные* бояре, присутствовавшіе при различныхъ актахъ верховной власти, были не государственными совѣтниками князя, какими являются они въ думѣ московскаго государя XVI и XVII вѣка, а скорѣе отвѣтственными свидѣтелями при заключеніи княземъ различныхъ договоровъ съ обывателями княжества, — договоровъ, имѣвшихъ характеръ частно-правовой, хозяйственный (духовныя завѣщанія, жалованныя грамоты). Словомъ, думскій бояринъ того времени является не представителемъ сплоченнаго мѣстнаго общества привилегированныхъ землевладѣльцевъ, а „старѣйшимъ чело-вѣкомъ“ въ землѣ, „старцемъ земскимъ“, который, служа то въ томъ, то въ другомъ княженіи по личному „ряду“ съ княземъ, вездѣ становясь у важныхъ дѣлъ, извѣдалъ правительственныя порядки, лучше другихъ знаетъ, какъ князю „безбѣдно прожити“ и „како княжити, чтобы его христіаномъ малымъ и великимъ было добро“.

Предметы обсужденія на засѣданіяхъ думы, какъ и составъ ея, не имѣли опредѣленнаго характера. Подобно боярской думѣ предшествующаго періода, дума удѣльная шла, такъ сказать, за самую жизнь и ея непрерывно рождавшимися и измѣнявшимися потребностями. Всѣ акты, исходившіе отъ князя и его боярскаго совѣта, носили частный характеръ и касались частныхъ случаевъ, преимущественно хозяйственнаго характера, и, накопляясь, составляли матеріалъ для тѣхъ законоположеній, которыя явились въ Московскомъ государствѣ. Часто въ присутствіи своихъ бояръ князь творилъ судъ, при чемъ самъ опрашивалъ челобитчика и отвѣтчика съ ихъ свидѣтелями („послухами“) и давалъ грамоту съ своимъ приговоромъ и съ обозначеніемъ именъ присутствовавшихъ бояръ.

Дѣлопроизводство думы отличалось еще и въ половинѣ XV в. большою простотой.

Дѣла обсуждались устно и затѣмъ выдавалась грамота съ подписями бояръ и дьяка. Въ этихъ грамотахъ разрѣ-

пались спорныя дѣла, утверждались за лицами и обществами пріобрѣтенныя ими права, жаловались имъ различныя льготы или устанавливались ихъ обязанности къ правительству.

Такой характеръ имѣла боярская дума въ XIII и отчасти въ XIV вѣкѣ.

Но уже съ конца XIV в. московское боярство начинать складываться въ общественный классъ, получавшій при князѣ все большее и большее политическое вліяніе. Явленіе это развивалось быстро и шло одновременно съ развитіемъ Московскаго княжества. И когда Московское княжество обратилось въ Московское государство, когда правительственныя силы, разсѣянныя по удѣламъ, вошли въ составъ московскаго боярства, — тогда политическое развитіе этого сословія почти завершилось и прежнія землевладѣльческія льготы, личныя и случайныя, превратились въ сословныя политическія привилегіи. Кромѣ того, прежніе удѣльные князья и ихъ потомки, изъ которыхъ преимущественно и состояла дума XVI в., продолжали въ своихъ волостяхъ пользоваться большими правами. Они становились подчиненными Москвѣ крупными землевладѣльцами съ весьма обширною мѣстною независимостью. У нихъ свѣжо еще было въ памяти прошлое, когда отцы ихъ правили частями русской земли, а Московскій государь былъ однимъ изъ такихъ правителей. Благодаря этому, они смотрѣли на себя, какъ на подчиненныхъ Московскому государю правителей государства, а на боярскую думу, какъ на сборное мѣсто, откуда они будутъ продолжать править русскою землею, какъ отцы ихъ правили ею, сидя по своимъ удѣламъ.

Такимъ образомъ, съ объединеніемъ Московскаго государства, боярская дума перестаетъ быть совѣтомъ дворцовыхъ прикащиковъ и дѣлается оплотомъ политическихъ притязаній, возникшихъ среди новаго боярства; она обращается въ совѣтъ князя, состоящій главнымъ образомъ изъ ро-

довитыхъ бояръ, управителей возникавшихъ съ XV вѣка приказовъ, вѣдавшихъ государственныя недворцовыя дѣла. Дворцовое хозяйство князя обособляется и завѣдывавшіе различными его отраслями „введенные“ бояре представляютъ уже въ думѣ явленіе случайное. Дума этого періода уже подраздѣляется на ранги: бояре, окольнічіе, думные дворяне; тогда какъ члены удѣльной думы всѣ безъ различія назывались боярами. Теперь дума является не случайнымъ совѣтомъ, а постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, которое своимъ приговоромъ скрѣпляетъ всѣ дѣла государства (формула: „государь указалъ и бояре приговорили“). Такимъ образомъ, у боярства XVI в. находились въ рукахъ и бѣлая власть и бѣлое политическое вліяніе; но замѣчательно, что въ теченіе всего XVI-го в. мы не видимъ со стороны боярства никакихъ попытокъ оградить свои политическія права отъ возможныхъ случайностей, обезпечить ихъ на будущее время какимъ либо законодательнымъ актомъ, несмотря на то, что лучшіе его представители, въ родѣ кн. А. Курбскаго, считали существованіе боярскаго совѣта крайне необходимымъ въ интересахъ всего государства. Причины этого были слѣдующія. Прежде всего большинство этого сословія по умственному своему развитію стояло на очень низкой ступени, и такъ называемое политическое самосознаніе, политическіе идеалы были ему чужды; оно жило, такъ сказать, изо дня въ день, опытной рукой и иногда очень остроумно справляясь съ текущими дѣлами, но никогда не подымаясь до обобщеній, до отвлеченнаго міросозерцанія. Другая причина была экономическаго характера. Весьма важное обстоятельство отвлекало боярство XV—XVI-го в. в. отъ вопросовъ высшей политики, именно: безпокойныя заботы о вѣчныхъ, въ которыхъ сельское хозяйство,—вслѣдствіе татарскихъ набѣговъ и бѣгства, иногда поголовнаго, крестьянъ на другія, болѣе безопасныя земли,—приходило въ силь-

ное разстройство. При такихъ постоянныхъ заботахъ о поддержаніи единственнаго своего обезпеченія бояре мало заботились объ укрѣпленіи своего политическаго вліянія. Главный вопросъ заключался для нихъ не въ томъ, чтобы законодательнымъ путемъ обезпечить свое политическое вліяніе, а въ томъ, чтобы укрѣпить на своихъ вотчинахъ рабочія руки и упрочить успѣшный ходъ хозяйства. Наконецъ, и въ самомъ составѣ боярства крылась причина, препятствовавшая тѣсному соединенію между собою всѣхъ боярскихъ фамилій, сплоченію ихъ въ дружное общество, соединенное общими сословными интересами *).

Дѣло въ томъ, что составъ этотъ былъ крайне разнообразенъ. Положимъ, всѣ были одинаково прикрѣплены къ московскому престолу, но не всѣ одинаково близко къ нему стояли. Среди боярства наблюдалось такое множество степеней знатности и близости къ особѣ государя, что не могло быть и рѣчи о тѣсной сословной сплоченности, при которой только и мыслимо было отстаиваніе боярствомъ какихъ-либо иныхъ привилегій, кромѣ тѣхъ, которыя касались ихъ, какъ землевладѣльцевъ, какъ вотчинниковъ и помѣщиковъ. Это разнообразіе состава не только мѣшало сплоченности боярства, но было косвенной причиною даже враждебныхъ отношеній между многими фамиліями, породивъ на свѣтъ *мѣстничество*. Насколько сильно мѣстничество разобщало, разъединяло боярство, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ, влагаемыхъ современнымъ лѣтописцемъ въ уста бояръ, присутствовавшихъ въ 1682 г. при сожженіи разрядныхъ книгъ: „Да погибнетъ въ огнѣ оное, *Богу ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество* и впредь да не воспоминается воевѣки!“

Итакъ, невѣжественное боярство, лишенное политиче-

*) Объ отличіи русскаго боярства отъ западно-европейскаго дворянства см. въ соч. *Водовозова* „Очерки изъ русской исторіи XVIII в.“, первая статья.

скихъ идеаловъ, занятое заботами о поддержаніи своего благосостоянія и мѣстными счетами, не стремилось, и не могло стремиться, упрочить свое политическое вліяніе на государственныя дѣла путемъ законодательнымъ. До поры до времени это было и лишнимъ дѣломъ, такъ какъ положеніе боярства, его политическая роль при государѣ держались стариною, обычаемъ, традиціей, имѣвшими въ глазахъ нашихъ предковъ значеніе не меньшее, если даже не большее, чѣмъ то, какое имѣлъ писанный законъ. И государи московскіе строго придерживались старины, такъ что уже въ XVI в. боярскій „приговоръ“ былъ признанъ необходимымъ моментомъ законодательства, черезъ который долженъ былъ проходить каждый законъ, прибавлявшійся въ Судебнику. Василий III, умирая, очень ясно опредѣлилъ отношенія между верховною властью и боярствомъ. Прощаясь съ боярами, онъ говорилъ имъ: „Мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре; такъ постоитъ, братья, крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на государствѣ государемъ, и чтобы была въ землѣ правда; будьте всѣ сообща, дѣло земское и дѣло сына моего берегите и дѣлайте заодно“.

Но рядомъ съ боярскою думою, — составъ которой не зависѣлъ уже отъ государя, такъ какъ при назначеніи въ нее бояръ онъ долженъ былъ сообразоваться съ боярскою генеалогическою іерархіей, — рядомъ съ нею жила такъ называемая „ближняя“ или „тайная“ дума, на которую намекаетъ бояринъ Берсень-Беклемішевъ въ своей извѣстной жалобѣ Максиму Греку на Василия III: „Царь старины не держится, а запершись самъ-третей у постели самъ всѣ дѣла дѣлаетъ“ *). Царь Василий III такого упрека не заслуживаетъ: боярская дума и при немъ не теряла своего прежняго значенія; только дѣла, разбиравшіяся въ ней по инициативѣ государя, предварительно обсуждались имъ въ ближней думѣ,

*) См. главу „Верховная власть“ стр. 39.

состоявшей изъ нѣсколькихъ ближнихъ довѣренныхъ лицъ боярскаго сословія. Въ ближней же думѣ рѣшались и дѣла, лично касающіяся государя, его семьи, родни, его хозяйства и проч. Даже при Іоаннѣ IV боярство не было устранено отъ участія въ управленіи. Такъ, вводя „опричнину“, онъ всѣ текущія дѣла управленія по дѣламъ „земщины“ подчинилъ боярской думѣ, которая докладывала ему только о случаяхъ особенно выдающихся по своему значенію. Если иногда онъ, напримѣръ, въ перепискѣ съ кн. Курбскимъ, и высказывалъ недовольство существующимъ порядкомъ вещей, то это недовольство имѣло скорѣе теоретическій характеръ, на практикѣ же онъ и не пытался его измѣнить. Онъ велъ борьбу противъ боярства, какъ сословія, но къ уничтоженію боярскаго думы не стремился.

Желаніе обезпечить свое вліятельное положеніе въ государствѣ законодательнымъ путемъ вполне естественно возникло среди боярства только тогда, когда прекратилась династія царей „прирожденныхъ,“ когда престолъ русскій пришлось передать одному изъ своей же среды, хотя и ведшему свой родъ отъ Рюрика. Только при возведеніи на престолъ Василя Шуйскаго явилась мысль о формальномъ договорѣ съ государемъ. Но и здѣсь заботы боярства въ сущности не имѣли политическаго характера: бояре старались ограничить власть новаго царя не относительно всей земли, а только относительно себя. Условіями, при которыхъ Шуйскій былъ выбранъ на престолъ, обезпечивалась только личная и имущественная безопасность бояръ. Царь Василій Шуйскій обязывался безъ боярскаго думы никого не казнить, не отбирать ни у кого имѣнія и не слушать доносовъ. Такимъ образомъ, то самостоятельное положеніе, въ которомъ пребывала нѣкоторое время въ смутную эпоху боярская дума, нисколько на ней не отразилось въ ея дальнѣйшемъ существованіи: при Василя Шуйскомъ и затѣмъ при Михаилѣ Феодоровичѣ

она въ сущности оставалась тою же, какою была и до смутной эпохи.

Съ воцареніемъ новой династіи политическое вліяніе боярской думы падаетъ и изъ участницы верховной власти она становится только ея правительственнымъ орудіемъ. Этому въ значительной степени содѣйствовала перетасовка, происшедшая въ боярскомъ сословіи къ этому времени вслѣдствіе обширной эмиграціи боярскихъ фамилій въ эпоху казней при Іоаннѣ IV, вслѣдствіе исчезновенія нѣкоторыхъ родовитыхъ фамилій и появленія на ихъ мѣсто новыхъ, выслужившихся въ смутное время. Теперь, кромѣ того, все большее и большее значеніе стала получать личная оцѣнка, личное расположеніе государя и та идея, что „великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ“. Въ боярской думѣ стали теперь появляться люди изъ низшихъ фамилій, изъ средняго дворянства, а иногда и не дворянскаго происхожденія („думный дворянинъ“ Козьма Мининъ).

Такимъ образомъ, паденіе боярской думы совершилось само собою еще до Петра Великаго. При Михаилѣ Феодоровичѣ боярская дума имѣла весьма незначительное вліяніе на государственныя дѣла, а окончательный ударъ нанесъ ей, какъ политическому учрежденію, Алексѣй Михайловичъ установленіемъ *Приказа тайныхъ дѣлъ*. Прежняя боярская дума теперь существовала только по формѣ. Она уже не имѣла никакого значенія, и ея обязанностию было только приведеніе въ исполненіе того, что прикажетъ государь; высшею же правительственною инстанціей, главнымъ центральнымъ вѣдомствомъ по управленію, былъ этотъ приказъ, въ которомъ „сидѣлъ дьякъ, да человекъ десять подъячихъ“, въ который „бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ“, и единственнымъ начальникомъ котораго былъ самъ царь, учредившій, по словамъ Котошихина, этотъ приказъ для того, „чтобы царская мысль и дѣло исполнялись всѣ по царскому

хотѣнію, а бояре и думные люди о томъ бы не вѣдали“. Но формальное значеніе всетаки оставалось за думой, и въ такомъ видѣ просуществовала она до Петра Великаго.

Въ началѣ его царствованія все оставалось по старому. Но дѣятельность Петра, коснувшаяся всѣхъ началъ древнерусской жизни, не могла обойти и думу. Съ каждымъ годомъ умножались новыя правительственныя дѣла, для которыхъ перестраивались старыя правительственныя учрежденія и создавались новыя. Стали появляться новыя дѣльцы, непохожіе на прежнихъ приказныхъ начальниковъ, и Петръ, часто отлучавшійся изъ столицы, давалъ имъ широкія полномочія. Такъ, уѣзжая въ 1897 году за границу, онъ поручилъ управленіе столицей человѣку не думному, стольнику Ромадановскому, который не только участвовалъ въ занятіяхъ думы, но и оказывалъ на нее сильное вліяніе. Кромѣ того, Петръ сталъ проводить многія законодательныя мѣры, обходя думу. Большое также значеніе имѣло и основаніе новой столицы съ ея особыми центральными учрежденіями. Важныя дѣла по прежнему рѣшались думой; но, продолжая прежнюю свою дѣятельность, боярская дума не осталась прежнею: измѣнились какъ составъ ея, такъ и обстановка ея дѣятельности. Дума собиралась въ такъ называемой Ближней канцеляріи, но ей только сообщали о полученныхъ отъ царя именныхъ указахъ. Часто впрочемъ царь сообщалъ въ Москву, въ Ближнюю канцелярію, общую мысль задуманной мѣры, а развитіе этой мысли, обсужденіе средствъ и порядка ея осуществленія предоставлялъ думѣ. Но вообще дума стала при немъ учрежденіемъ распорядительнымъ и, чего совсѣмъ не было раньше, отвѣтственнымъ. Она руководила внутреннимъ управленіемъ, сообразуясь со взглядами царя, исполняла особыя его порученія, но въ военныя дѣла и во внѣшнюю политику уже не вмѣшивалась. Такъ постепенно, пройдя переходную ступень, представляемую Ближней канцеляріей,

боярская дума в 1711 году уступила мѣсто Сенату, имѣвшему сначала характеръ временнаго учрежденія, на случай отлучекъ царя, а затѣмъ обратившемуся въ постоянное учрежденіе, совершенно отличное отъ боярской думы.

Вопросы.

1. Правительственные сотрудники князя въ X в.
2. Перемена въ составѣ княжескаго совѣта въ XI в.
3. Значеніе боярской думы въ общественномъ мнѣніи древней Руси.
4. Отношеніе князя къ боярской думѣ.
5. Какая среда доставляла „думцевъ“ князю?
6. Время и мѣсто засѣданій думы.
7. Предметы совѣщаній.
8. Характеръ засѣданій и всей дѣятельности думы XI—XIII вв.
9. Перемена, произведенная колонизаціей сѣверо-восточной Руси въ положеніи князя и боярства.
10. Вліяніе этой перемены на управленіе удѣломъ (центральное и областное).
11. Составъ боярской думы и предметы вѣдомства ея въ сѣверо-восточной Руси.
12. Перемены въ положеніи боярства и боярской думы въ XVI в.
13. Отношеніе царя къ боярской думѣ до смутной эпохи.
14. Постепенный упадокъ боярской думы. Дума при Алексѣѣ Михайловичѣ.
15. Реформа центрального управленія при Петрѣ I.

Х.

Земскіе соборы *).

Послѣ смерти отца своего, Василия III, Іоаннъ IV остался трехъ лѣтъ. Періодъ времени, простиравшійся до совершеннолѣтія юнаго царя, когда государствомъ попеременно правили Оболенскій, Шуйскіе, Бѣльскіе, Глинскіе,—былъ самымъ печальнымъ въ нашей исторіи. Положеніе государства сдѣлалось крайне плачевнымъ: государева казна была расхищена; органы управленія почти бездѣйствовали; народъ бѣдствовалъ; воеводы грабили его, по выраженію Карамзина, хуже монгольскихъ хищниковъ; жаловаться было некуда, такъ какъ молодой царь, пока нисколько не заботясь о народѣ, предавался своимъ жестокимъ забавамъ. Въ то же время земля русская страдала и отъ внѣшнихъ враговъ: ее покинули своими набѣгами татары казанскіе, ногайскіе и крымскіе; война съ Польшею еще не была окончена. При такихъ обстоятельствахъ государство, только что сплотившееся, легко могло распасться на свои составныя части. Лѣтомъ 1547 года произошелъ страшный пожаръ въ Москвѣ опустошившій столицу русскаго государства, а вслѣдъ за нимъ народный мятежъ, заставившій самого царя бѣжать въ село Воробьево.

Пора было оставить забавы и серьезно подумать о томъ, какъ спасти русскую землю. Подъ вліяніемъ этихъ событій въ Іоаннѣ совершился нравственный переломъ. Царь оста-

*) См. слѣдующія сочиненія: *Латкина* „Земскіе соборы древней Руси,“ *Чичерина* „О народномъ представительствѣ“ и статья проф. *Ключевскаго* о земскихъ соборахъ въ журналѣ *Русская Мысль* за 1892 года.

вилъ праздный образъ жизни и обратился къ дѣятельности правительственной. Около него появляются разумные совѣтники (митрополитъ Макарій, вн. Курбскій, Сильвестръ, Адашевъ). Вѣроятно, по ихъ совѣту, онъ, желая уничтожить крaмолы и неправды, и приказываетъ созвать со всей земли въ Москву первый земскій соборъ *). О дѣятельности его, никакихъ документальныхъ свидѣтельствъ не сохранилось, но легко предположить, что однимъ всенароднымъ покаяніемъ царя съ лобнаго мѣста дѣло не ограничилось. Вѣроятно, выборными людьми поданы были челобитныя и высказаны царю нужды народныя и указаны средства къ ихъ удовлетворенію. Весьма вѣроятно, что выборные совѣщались съ царемъ и его совѣтниками и что всѣ послѣдующія реформы были результатомъ этихъ совѣщаній. Годъ спустя снова собрался соборъ, церковно-земскій (1551 г.), извѣстный подъ названіемъ Стоглаваго, на которомъ преобладали церковныя дѣла, но въ то же время подняты были и нѣкоторые земскіе вопросы, напр., о неравномѣрномъ и неправильномъ распредѣленіи вотчинъ, помѣстій и кормленій **).

Къ сожалѣнію, и отъ этого собора осталось такъ мало слѣдовъ, что невозможно рѣшить, каковы именно были его постановленія по вопросамъ земскаго устроенія. Спустя 15 лѣтъ (1566 г.) опять былъ созванъ земскій соборъ. Теперь близъ царя не было его прежнихъ совѣтниковъ, мѣсто ихъ

*) Строго говоря, первый земскій соборъ былъ созванъ еще въ XIII в. Великій князь суздальскій Всеволодъ Большое Гнѣздо въ 1211 г. созвалъ во Владимірѣ всѣхъ своихъ бояръ изъ городовъ и волостей, все духовенство, и купцовъ, и дворянъ, и всѣхъ людей, когда сынъ его Константинъ отказался съѣсть москъ его смерти во Владимірѣ, а желалъ подчинить Владиміръ Ростову. На этомъ соборѣ старейшинство въ великомъ княженіи и великокняжескій столъ во Владимірѣ были отданы второму сыну, Юрію II (Георгію), что и было утверждено присягою всѣхъ людей. Но мы начинаемъ исторію земскихъ соборовъ съ перваго въ Московскомъ государствѣ. Соборъ же XIII в. составилъ, такъ сказать, традицію, на почвѣ которой возникли соборы XVI-го в.

**) См. въ Истор. Вѣст. февраль 1880 г. ст. *Жданова* „Церковно-земскій соборъ 1551 года.“

заняли Малюта Скуратовъ, Басмановъ и другіе опричники. Это была эпоха казней. Выработанныя при содѣйствіи перваго собора реформы еще существовали; мѣстныя („губныя“) учрежденія обезпечивали за народомъ извѣстное самоуправленіе; изданъ былъ новый судебникъ (или, лучше сказать, исправленъ старій); постановленія Стоглаваго собора примѣнялись на практикѣ. Но надъ всѣмъ этимъ тяготѣлъ личный произволъ царя и его опричниковъ, свирѣпствовавшихъ и дозволявшихъ себѣ всякія безчинства надъ „земщиной“. Въ то же время шла война съ Польшей за Ливонію. Начавшаяся удачно вѣтїемъ Полоцка, она послѣ пораженія русскихъ войскъ при Оршѣ затянулась надолго. Такъ продолжалось до 1566 г. Неудачныя военныя дѣйствія, истощеніе казны, оппозиція бояръ, недовольство народа: все это побуждало царя вспомнить времена своей молодости и, какъ прежде, искать опоры въ народѣ. Мнѣніемъ опальныхъ бояръ, подозрѣваемыхъ имъ въ возняхъ и неискренности, онъ не довѣрялъ; ему хотѣлось знать мнѣніе о войнѣ другихъ сословій: отдавать ли польскому королю только что завоеванныя земли, или нѣтъ? На соборѣ этотъ явилось 374 человекъ. Большинство составляли бояре и дворяне *); были представители и

*) *Дворяне* составляли первый классъ служилыхъ людей. Это названіе получили они въ царствованіе Іоанна IV, около 1566 г. Дворянство составляли какъ потомки прежнихъ старшихъ дружинниковъ, такъ и земскіе бояре и прежніе удѣльные князья, лишившіеся своихъ удѣловъ и поступившіе на службу къ Московскимъ государямъ. Со времени Іоанна Грознаго они стали дѣлиться на три разряда: 1) московскихъ дворянъ, 2) жильцовъ и 3) городовыхъ дворянъ. Московскими дворянами назывались тѣ, которые хотя и состояли на службѣ въ Москвѣ, но не имѣли въ московскомъ уѣздѣ вотчинъ; городовыми дворянами назывались тѣ которые прежде составляли дворъ какого-либо удѣльнаго князя и поступали на службу къ Московскому государю вмѣстѣ съ своимъ княземъ. Что касается „жильцовъ“ то Котошихинъ говоритъ: „Ихъ около 2,000. Они человекъ по 40 и больше спятъ на царскомъ дворѣ; посылаются на всякія посылки. Набираются они изъ дворянскихъ, дьяческихъ и подьяческихъ дѣтей. Изъ нихъ набираются стряпчие, стольники, думные люди, начальники отрядовъ конницы и пѣхоты. Они составляютъ первую ступень службы для всѣхъ дѣтей боярскихъ“. *Дети боярскіе* составляли второй разрядъ служилыхъ людей; это были потомки

отъ гостей, московскихъ купцовъ и смолянъ. Кромѣ нихъ на соборѣ присутствовали и высшія духовныя лица въ количествѣ 32 чел. *). Соборъ этотъ единогласно совѣтовалъ царю завоеванные въ Ливоніи города полякамъ не уступать. Но выражая такое мнѣніе, каждая группа выборныхъ въ то же время употребляетъ обычныя въ древней Руси замѣчанія: „вѣдаетъ Богъ да государь“, „какъ государю угодно, такъ и холопомъ его“. Война продолжалась до 1569 г., когда заключено было трехлѣтнее перемиріе.

Въ 1584 году Іоаннъ IV умеръ. Наслѣдникъ престола Ѳеодоръ Іоанновичъ неохотно занимался государственными дѣлами, будучи болѣе склоненъ къ молитвамъ и душеспасительнымъ бесѣдамъ; Дмитрій же былъ очень молодъ. Среди бояръ образовалось двѣ партіи: одна за Ѳеодора, другая за Дмитрія. При такихъ обстоятельствахъ собранъ былъ такъ называемый „избирательный“ соборъ 1584 г. **). „Придоша, — говоритъ лѣтописецъ, — изо всѣхъ городовъ къ Москвѣ именитые люди и всего государства московскаго и молиша со слезами царевича Ѳеодора Іоанновича, чтобъ былъ на москов-

младшихъ дружинниковъ. Названіе свое этотъ классъ получилъ при Іоаннѣ IV; раньше они собственно назывались „дворянами.“ Этотъ разрядъ служилыхъ людей во многомъ пользовался одинаковыми правами съ первымъ классомъ, но по службѣ занималъ низшія должности; притомъ служба ихъ шла преимущественно на границахъ государства: литовской, казанской, югайской, астраханской, въ Сибири и проч., гдѣ они получали и помѣстья. Впрочемъ для нихъ не былъ награжденъ переходъ и въ высшій служилый классъ. Переходъ этотъ достигался военною службой.

Гости. Такъ назывался первый классъ городскихъ людей, въ который зачислялись только оптовые торговцы, торговавшіе съ другими городами и иностранными землями. Они были главными распорядителями при сборѣ податей и торговыхъ пошлинъ, а также продавцами государевыхъ товаровъ. Во многихъ правахъ они равнялись съ дворянствомъ (имѣли, напримѣръ, вотчины и даже помѣстья). По Судебнику за безчестіе имъ платилось 50 р., тогда какъ другимъ торговымъ людямъ 5 руб.

*) Они въ древней Руси составляли такъ называемый „освященный соборъ“.

**) Въ подобныхъ случаяхъ соборы созывались митрополитами, потомъ патріархами.

скомъ государствѣ царемъ и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ. Онъ же, государь, не презрѣ моленіе всѣхъ православныхъ христіанъ и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ“.

Въ теченіе всего новаго царствованія соборы не созывались. Годуновъ, бывшій фактическимъ правителемъ Россіи, считалъ излишнимъ вмѣшательство земщины въ дѣла государственныя и правилъ совершенно самовластно, прикрываясь именемъ царя Феодора Иоанновича. Даже такая въ высшей степени важная правительственная мѣра, какъ прикрѣпленіе крестьянъ (1597 г.), была задумана и приведена въ исполненіе безъ земскаго собора. Но вотъ въ 1598 г. умираетъ бездѣтный Феодоръ и царская династія, державшая въ своихъ рукахъ судьбу Россіи въ теченіе многихъ вѣковъ, прекращается. Кто будетъ царемъ? Для народа вопросъ о личности новаго царя мало имѣлъ значенія: ему нуженъ былъ царь прежде всего для того, чтобы не было боярскаго самовластія, а къ Борису, какъ правителю, онъ привыкъ. Клевретамъ Бориса, дѣйствовавшимъ подъ руководствомъ обязаннаго ему своимъ высокимъ саномъ патріарха Іова, не трудно было сосредоточить народное вниманіе на Борисѣ. Но Борисъ зналъ о намѣреніи боярства взять съ него „запись“, ограничивающую его власть по отношенію къ ихъ личнымъ и имущественнымъ правамъ и привилегіямъ, и потому подъ разными предлогами отказывался отъ престола, благоразумно ожидая земскаго собора, который и собрался 17-го февраля 1598-го года.

Теперь явилось 457 выборныхъ (83 духовныхъ, 338 служилаго сословія, остальные—гости и выборные отъ городовъ). Предсѣдательствовалъ на соборѣ патріархъ Іовъ,—и Борисъ былъ единогласно избранъ.

Первая половина его царствованія можетъ считаться одною изъ лучшихъ страницъ русской исторіи: государство наслаждалось относительнымъ покоемъ; народъ если и не благоденствовалъ, то и не страдалъ такъ, какъ прежде. Царь

живо и съ глубокимъ сочувствіемъ отзывался на народныя бѣдствія. Но за то во вторую половину его царствованія появился сначала страшный голодъ, а потомъ и всѣ сопряженныя съ нимъ бѣды. Настали тяжелыя времена: Лжедмитрій шелъ къ Москвѣ съ полябами и со всякимъ сбродомъ; городъ за городомъ переходилъ на его сторону. Борисъ совершенно палъ духомъ. Но несмотря на такое критическое положеніе, онъ не обратился къ народу и земскаго собора не созвалъ, вѣроятно, опасаясь этимъ только ускорить печальный исходъ своей тяжелой жизни, въ которомъ былъ увѣренъ. Послѣ его смерти престоломъ овладѣла неизвѣстная до сихъ поръ ни одному историку личность, бывшая орудіемъ въ рукахъ враговъ Бориса, а можетъ быть, и враговъ Россіи *). Новый царь, успѣвшій въ Польгѣ присмотрѣться къ инымъ порядкамъ, чѣмъ тѣ, которые господствовали на Руси, охотно обѣщаль московскому боярству расширить ихъ привилегіи и на первый разъ попытался осуществить свои обѣщанія созваніемъ земскаго собора. Соборъ былъ созванъ для всенароднаго суда надъ кн. В. Шуйскимъ по очень щекотливому дѣлу. Шуйскій обвинялся въ распространеніи слуховъ, что новый царь не Дмитрій, сынъ Грознаго, а бѣглый монахъ, Гришка Отрепьевъ. На соборѣ Шуйскій приговоренъ былъ къ смертной казни, но царь простилъ его, замѣнивъ ему казнь ссылкой въ Вятку, откуда онъ вскорѣ былъ освобожденъ. Такой смѣлый поступокъ со стороны Лжедмитрія современный лѣтописецъ объясняетъ такъ: самозванецъ, переловивъ распространителей слуховъ, „собра соборъ ихъ ради, яко честнии суть вельможи, бояся ихъ тако погубити, да не возглаголють, яко всеу погуби ихъ“. Помимо этого, ему, вѣроятно, казалось (и онъ не ошибся), что открыто, всенародно

*) Вопросъ о личности Лжедмитрія обстоятельно изслѣдованъ Соловьевымъ. Отрывокъ изъ его сочиненія, помѣщенный въ II т. хрестоматіи Гуревича, интересенъ и какъ образецъ историческаго анализа.

подымая вопросъ о своей личности, онъ всего менѣе рискуетъ. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, состоялъ ли этотъ безпримѣрный въ русской исторіи соборъ изъ представителей всей земли, или одной только Москвы.

Первымъ послѣ смутнаго времени и самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ соборовъ былъ соборъ 1613 г., избравшій на царство родоначальника нынѣ царствующей династіи, Михаила Феодоровича Романова.

Царствованіе Михаила Феодоровича замѣчательно обиліемъ земскихъ соборовъ. И это естественно. Мы видѣли уже, что въ трудныя години государи обращались за помощью и поддержкой къ своему народу, а обстоятельства, при которыхъ вступилъ на престолъ Михаилъ Феодоровичъ, хорошо извѣстны: государство было разорено и потрясено до основанія. Приходилось строить все государственное зданіе сызнова; одному царю съ ближайшими совѣтниками съ этимъ дѣломъ справиться было невозможно. И вотъ мы видимъ, что соборъ 1613 г., избравшій юнаго Михаила Феодоровича, почти не распускается до 1622 г., дѣйствуя въ теченіе многихъ лѣтъ рядомъ съ правительствомъ. Послѣ 1622 г., когда нѣкоторый порядокъ въ государствѣ былъ установленъ, правительство обращается къ соборамъ только въ особо важныхъ случаяхъ.

Согласно призывнымъ грамотамъ выборные отъ русской земли,—явившіеся на соборъ 1613 г., чтобы рѣшить вопросъ о томъ, „какъ бы въ безгосударное время московскому государству отъ иноплеменныхъ людей и отъ междуусобныя брани въ погибели не быти и обратъ бы на московское государство государя, царя и великаго князя“,—привезли съ собою отъ своихъ избирателей „наказы“, въ которыхъ послѣдніе выражали свое мнѣніе о наиболѣе подходящихъ мѣрахъ для устроенія государства. Соборъ избраніемъ Михаила Феодоровича положилъ конецъ смутамъ. Но новозбранный

царь пріѣхалъ только спустя три мѣсяца послѣ своего избранія. Одною изъ главныхъ причинъ такого промедленія служило отсутствіе безопасности на дорогахъ къ Москвѣ. Въ теченіе всѣхъ этихъ трехъ мѣсяцевъ управлялъ государствомъ земскій соборъ, донося о своихъ дѣйствіяхъ государю и отвѣдывая важнѣйшія дѣла „до указа государева“. Принявъ бразды правленія, новый царь не распустилъ собора, который нѣкоторое время оставался существеннымъ органомъ управленія.

Первою заботой царя и собора было пополненіе опустѣвшей царской казны. Съ этою цѣлью во всѣ города посланы были грамоты съ требованіемъ денежныхъ вспоможеній и присылки различныхъ припасовъ для раздачи ратнымъ людямъ государева жалованья и на другіе расходы. Какъ только наполнивъ казну, принялись за уничтоженіе „воровъ“ (Заруцкій и др.), при чемъ тоже разсылались грамоты и въ войску донскому, и въ волжскому, и въ городамъ, приглашавшія всѣхъ выступить на защиту отечества. Грамоты эти большею частью начинались словами: „По нашему указу и всей земли приговору“, что указываетъ на то важное значеніе, которое имѣлъ земскій соборъ въ первые годы царствованія Михаила.

Изъ всѣхъ постановленій этого собора, прекращавшаго свои засѣданія на весьма непродолжительные промежутки времени, мы укажемъ только важнѣйшія.

Въ 1616 г. взято было „по всемірному приговору“ со Строгановыхъ на военныя издержки 56000 руб. и установленъ денежный сборъ со всего населенія въ размѣрѣ пятой части доходовъ. Въ 1618 г. временно было пріостановлено мѣстничество. Послѣ того, какъ самъ государь заявилъ на соборѣ, что обычай этотъ крайне вредно отзывается на государственныхъ дѣлахъ, соборъ постановилъ: „всякимъ служилымъ людямъ быти на нынѣшнихъ государевыхъ службахъ и

впредь до 1620 г. на Москвѣ и въ городахъ у всякихъ дѣлъ *безъ мьстѣ*“.

Въ томъ же году по поводу вторженія Владислава, имѣвшаго намѣреніе завладѣть московскимъ престоломъ и ввести въ Россіи свою „еретическую латинскую вѣру“, соборъ работалъ мѣры обороны Москвы и разослалъ по городамъ грамоты, призывая служилыхъ людей къ оружію и обѣщая имъ за это вознагражденіе. Владиславъ, какъ извѣстно, принужденъ былъ отступить, и въ 1618 г. заключенъ былъ Деулинскій миръ, по которому Владиславъ отказался отъ своихъ притязаній и призналъ установившійся въ Москвѣ порядокъ вещей.

Въ 1619 г. по инициативѣ земскаго собора отецъ государя Филаретъ былъ выбранъ въ патріархи.

Первымъ дѣломъ новопоставленнаго патріарха было произвести въ государствѣ нѣкоторыя реформы, необходимость которыхъ давно уже чувствовалась. Реформы эти были введены съ помощью того же собора, по инициативѣ котораго Филаретъ былъ сдѣланъ патріархомъ. Филаретъ поставилъ собору задачу изыскать средства для уничтоженія всѣхъ неурядицъ въ русской землѣ, особенно въ финансовомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что собраніе податей въ это время сопряжено было съ большими затрудненіями: очень многіе города и села были разорены, а жители ихъ разбѣжались. Изъ дальнихъ областей многіе посадскіе люди, чтобы не платить податей, переѣхали въ Москву и въ ближайшіе города и укрывались здѣсь у своихъ родственниковъ и друзей. Нѣкоторые тяглые (податные) люди избавляли себя отъ царскихъ налоговъ тѣмъ, что записывались за боярами, духовенствомъ, или монастырями; остальные же, указывая на свое разореніе, безпрестанно просили царя о дарованіи имъ разныхъ льготъ. Кромѣ того, со всѣхъ сторонъ присылались въ Москву жалобы на обиды и насилія отъ воеводъ и приказныхъ людей.

Соборъ рѣшилъ составить по областямъ точныя росписи („писцовыя книги“) и распределить подати сообразно съ имуществомъ жителей. Съ этою цѣлью во всѣ города рѣшено было послать „писцовъ“ и „дозорщиковъ“; затѣмъ всѣхъ иногороднихъ посадскихъ людей, жившихъ въ Москвѣ, рѣшено было отослать на родину и дать имъ извѣстныя льготы, смотря по степени разоренья, а всѣхъ заложившихся за всякихъ чиновъ людей постановлено было водворить на прежнее мѣсто жительства, взявъ съ нихъ сумму денегъ, равную тому убытку, который потерпѣла казна вслѣдствіе этого „залога“. Рѣшено было также привести въ извѣстность, сколько приходится съ каждаго города въ казну всякихъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ, „сколько въ нынѣшнихъ годѣхъ доходовъ въ приходѣ и что въ расходѣ, и что осталось въ доимѣ;“ сколько городовъ отъ разоренья заустѣло, и какое число селъ и деревень роздано въ помѣстія и вотчины. Наконецъ рѣшено было произвести по всей землѣ новыя выборы и послать въ Москву выборныхъ „для вѣдомости и для устроенія,“ т. е. могущихъ „разсказать обиды, и насильство, и разоренья, и чѣмъ московскому государству пополниться, и ратныхъ людей пожаловать, и устроить бы московское государство, чтобы пришло все въ достоинство“. Для разбора же „насильствъ“ назначена была особая комиссія.

Содержаніе этого земскаго приговора было посредствомъ грамотъ сообщено всѣмъ городамъ.

Затѣмъ, слѣдующій земскій соборъ созванъ былъ въ 1632 г. по слѣдующему поводу. Въ Польшѣ умеръ король Сигизмундъ III и наступила обычная въ этихъ случаяхъ анархія. Пользуясь удобнымъ моментомъ, московское правительство начало съ Польшею войну. Но въ самомъ ея разгарѣ обнаружился недостатокъ средствъ для ея продолженія. Для того, чтобы добыть эти средства, былъ созванъ соборъ, который и утвердилъ новыя налоги „ратнымъ людямъ на жало-

ванье“. Но начавшаяся блестящими побѣдами война привела къ весьма стѣснительному положенію несчастнаго Шейна при Смоленскѣ *). Одновременно съ этимъ открылись опустошительные набѣги крымскихъ татаръ, и въ довершеніе всѣхъ бѣдствій умеръ патріархъ Филаретъ. Въ такомъ то крайне затруднительномъ положеніи обратился Михайль Ѳеодоровичъ въ собору за средствами, въ видѣ добровольныхъ пожертвованій. Средства были даны. Но главная цѣль не была достигнута: не удалось уничтожить тяжелыя для Россіи условія Деулинскаго перемирія и, кромѣ того, пришлось заплатить королю Владиславу за отказъ отъ притязаній на московскій престолъ 20,000 руб., что при тогдашнемъ состояніи государственной казны было громаднымъ капиталомъ. Такою цѣною былъ купленъ „вѣчный“ миръ съ Польшей,

Въ 1636 г. донскіе казаки убили турецкаго посла Ѳому Кантакузена и взяли приступомъ Азовъ, вырѣзавъ въ немъ все мусульманское населеніе. Михайль Ѳеодоровичъ по этому случаю послалъ казакамъ грамоту со строгимъ выговоромъ. Результатомъ этого безразсуднаго казацкаго предпріятія было нашествіе на русскую землю крымскихъ татаръ подъ предводительствомъ крымскаго царевича Сафа-Гирея. Сафа-Гирей угрожалъ, что весною и самъ ханъ съ огромною ратью вступитъ въ земли московскаго государства. При такихъ обстоятельствахъ Михайль Ѳеодоровичъ, вѣрный своему обычаю въ трудныя минуты обращаться за содѣйствіемъ къ народу, созвалъ соборъ, второму предложилъ рѣшить, „какъ стоять противъ непріятели, крымскаго хана, и какъ ратныхъ людей собирать, чтобы Божьи церкви не были осквернены, государство разорено и православные люди въ плѣнъ не попались“. „Ратные же люди,—говорилъ государь,—въ числѣ уменьшились и безъ прибавочныхъ людей быти не мочно.“ Соборъ приговорилъ: „Испрося у Бога милости,

*) Шейнъ былъ впоследствии за неудачныя дѣйствія казненъ.

стоять противъ крымскаго царя крѣпко“. Съ этою цѣлью установленъ былъ наборъ ратныхъ людей. Но приготовления были излишни: крымскій ханъ не нападалъ. Только въ 1641 году самъ турецкій султанъ подступилъ въ Азову, но, отбитый казаками, съ большими потерями вернулся домой. А казаки, увѣдомляя о своимъ успѣхамъ, настойчиво просили помощи. Являлся вопросъ: какъ же наконецъ поступить съ Азовомъ? Для рѣшенія этого вопроса опять былъ созванъ соборъ. На этомъ соборѣ всѣ сословія склонялись больше въ ту сторону, что „на все воля Бога да государя,“ и, пользуясь удобнымъ случаемъ, заявили царю о своемъ разореніи. Царь понялъ деликатный намекъ и приказалъ казакамъ оставить Азовъ.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, кромѣ разсмотрѣнныхъ нами соборовъ, были еще такъ называемые „неполные“ соборы, когда правительство призывало не всѣ сословія, а, такъ сказать, „свѣдущихъ людей“ для рѣшенія нѣкоторыхъ специальныхъ вопросовъ. Впрочемъ такіе соборы историки и не считаютъ земскими. Примѣромъ такого „неполнаго“ собора можетъ служить собраніе московскихъ торговыхъ людей, созданное для обсужденія ходатайства англійскаго купца Джона Мерива о предоставленіи англійскимъ купцамъ права провозить товары черезъ Россію въ Персію, о дозволеніи имъ искать путь въ Индію и Китай рѣкою Обью и о другихъ привилегіяхъ. Русскіе торговые люди прекрасно взвѣсили свои интересы и поняли настоящую суть этого ходатайства, имѣвшаго цѣлью отдать въ руки англичанъ всю торговлю и на Востокъ и въ Россіи. Они весьма основательно посовѣтовали отказать Джону Мериву. Это было въ 1617 году. Великую честь русскимъ купцамъ XVII вѣка доставляетъ то обстоятельство, что и вторично, въ 1620 году, несмотря на ясно выраженное желаніе правительства согласиться на предложенія Джона Мерива, они настойчиво

стояли при своемъ мнѣніи, что предоставленіе англійскимъ купцамъ просимыхъ ими чрезъ Джона Мерика привилегій будетъ и для русской казны, и для русской торговли, и для нихъ, торговыхъ людей, дѣломъ крайне убыточнымъ.

12-го іюня 1645 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался и на престолъ вступилъ Алексѣй Михайловичъ.

По свидѣтельству Котошихина, въ 1645 г., вслѣдъ за смертью Михаила Ѳеодоровича, собрался въ Москвѣ земскій соборъ, избравшій на царство Алексѣя Михайловича, или, лучше сказать, утвердившій его законное вступленіе на престолъ. На этомъ соборѣ принимали участіе всѣ чины московскаго государства, а именно: „освященный соборъ“ (т. е. все высшее духовенство) съ патріархомъ Іосифомъ во главѣ, боярская дума и выборные отъ каждаго чина. На соборѣ были: дворяне и дѣти боярскіе (московскіе и городовые), гости, посадскіе и вообще торговые люди, какъ изъ Москвы, такъ и изъ другихъ городовъ.

Спустя четыре года имъ пришлось собраться снова, при обстоятельствахъ, нѣсколько напоминавшихъ начало царствованія Іоанна IV. Въ 1648 г. въ Москвѣ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ Россіи, вспыхнулъ мятежъ, вызванный злоупотребленіями и всевозможными насильствами Морозова, Ильи Милославскаго (тестя царя), ихъ родни и близкихъ къ нимъ лицъ *). Народъ жаловался было царю, подавалъ челобитныя, но онѣ не доходили до царя, или доходили въ извращенномъ видѣ. Царь былъ далекеъ отъ народа и не ви-

*) Недавно открытъ весьма важный источникъ для русской исторіи этого времени: рассказъ очевидца о бунтѣ 1648 г., о которомъ было весьма мало достоверныхъ извѣстій. Онъ помѣщенъ съ примѣчаніями проф. *Бестужева-Рюмина* въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1880 г. въ январьской книжкѣ. Полное заглавіе его: „*Правдивый историческій рассказъ о страшномъ бунтѣ 1648 г., который произошелъ въ Москвѣ, главномъ городѣ Московіи и былъ вызванъ невыносимо тяжелыми податями и сборами, взыскиваемыми съ народа. Событіе это описано однимъ знатымъ лицомъ, бывшимъ очевидцемъ и сообщившимъ извѣстіе объ этомъ бунтѣ одному своему другу въ Амстердамѣ.*“

далъ того, что творилось въ государствѣ; между нимъ и народомъ воздвиглась своего рода стѣна, разобщившая ихъ другъ отъ друга,—стѣна изъ фаворитовъ Морозова и Милославскаго. Подобно Іоанну IV и Алексѣй Михайловичъ обратился къ народу съ рѣчью, съ своего рода покаяніемъ и обѣщаніемъ „назначать начальныхъ мужей богобоязливыхъ, которые будутъ править народомъ съ кротостію и справедливостію, будутъ блюсти пользу и благо народное, о чемъ и самъ онъ будетъ имѣть отнынѣ бдительное смотрѣніе“. Но одной рѣчи было недостаточно, чтобы залѣчить всѣ болѣзни государственнаго организма и уничтожить зло, накопившееся вѣками. Необходимо было принять радикальныя мѣры для удовлетворенія народныхъ нуждъ и для предотвращения на будущее время событій, подобныхъ имѣвшимся мѣсто въ 1648 году. Обстоятельства такимъ образомъ привели государя къ мысли о составленіи новаго Уложенія законовъ, такъ какъ Судебникъ Іоанна III, исправленный Іоанномъ IV, устарѣлъ и не удовлетворялъ уже многимъ новымъ требованіямъ жизни. Такимъ образомъ Алексѣй Михайловичъ, слѣдуя исконной политикѣ своихъ предшественниковъ,—искать въ смутныя времена опоры въ народѣ,—долженъ былъ созвать въ 1649 году земскій соборъ, „чтобы государевы и земскія дѣла утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы государевы дѣла по государеву указу и по уложенію были ничѣмъ нерушимы“. Разосланы были призывныя грамоты съ требованіемъ прислать въ Москву выборныхъ, „людей добрыхъ и смысленныхъ“, могущихъ оправдать довѣріе государя. Сколько именно собралось ихъ въ Москву, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ гораздо больше 300 человекъ. Слѣдствіемъ этого собора явилось соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, составленное сначала въ особой комиссіи и дополненное затѣмъ на засѣданіяхъ собора.

Между тѣмъ мятежъ, распространившійся изъ Москвы,

затихъ не вездѣ. Наибольшей силы достигъ онъ въ Новгородѣ и особенно въ Псковѣ. Посланный въ Псковъ для розыска бояринъ Волконскій не могъ успокоить жителей, а войско, отправленное для усмиренія мятежа, не могло ворваться въ городъ и принуждено было повести правильную осаду. Въ эту трудную минуту Алексѣй Михайловичъ опять обращается къ народу и созываетъ соборъ (1650 г.), желая съ его помощью усмирить мятежниковъ. На этомъ соборѣ, на которомъ изъ иногороднихъ были только дѣти боярскія да дворяне, было рѣшено попытаться усмирить мятежъ краткими мѣрами, силою убѣжденія. Къ псковичамъ была отправлена депутація изъ выборныхъ, съ епископовъ во главѣ, которая должна была уговорить мятежниковъ и отъ имени царя обѣщать имъ прощеніе, съ условіемъ, чтобы войско царское было впущено въ городъ. Псковичи смирились. Это было въ 1650 г. Три года спустя собрался новый соборъ, созваніе котораго было вызвано внѣшними дѣлами: на немъ рѣшено было принять Малороссію въ подданство Московскаго государя, „подъ его высокую царскую руку“, а въ 1674 г. состоялся послѣдній земскій соборъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, на которомъ царь „объявилъ“ на Красной площади всѣмъ чинамъ московскаго государства старшаго своего сына, наслѣдника престола, Феодора Алексѣевича.

По прошествіи двухъ лѣтъ Алексѣй Михайловичъ скончался.

При Феодорѣ Алексѣевичѣ дѣятельность земскихъ соборовъ значительно ослабѣваетъ. Нѣсколько разъ собирались выборные отъ одного какого-либо сословія для рѣшенія того или другаго спеціального вопроса, но земскаго собора, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не было, кромѣ собора 1682 г., имѣвшаго въ русской исторіи великія и благотѣльные послѣдствія.

Мы уже видѣли, что попытка уничтожить мѣстничество

была сдѣлана еще при Михаилѣ Феодоровичѣ. Теперь этотъ крайне вредный обычай былъ отмѣненъ окончательно. Было постановлено, — „для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и во всѣхъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устройства“, — чтобы „всѣ чины въ приказахъ, въ полкахъ и повсюду въ городахъ были межъ себя безъ мѣстъ, *идь кому государь укажетъ*“. Вслѣдъ затѣмъ „разрядныя книги“ были сожжены „къ общему ликованію“ всѣхъ членовъ собора, какъ говорить современникъ.

Послѣдній соборъ былъ созванъ при Петрѣ I въ 1698 г. по поводу суда надъ царевной Софьей. Рѣшеніе этого собора, къ сожалѣнію, не сохранилось для исторіи.

О происхожденіи земскихъ соборовъ мы уже говорили въ началѣ этой главы. Мы представили также и перечень ихъ съ указаніемъ обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ. Теперь намъ остается рассмотреть организацію земскихъ соборовъ и предметы ихъ вѣдомства.

Древнерусскій земскій соборъ включалъ въ себя государя, боярскую думу и „освященный соборъ“. Созывался онъ государемъ не въ опредѣленные сроки, а по мѣрѣ необходимости и по его умотрѣнію, въ случаѣ осложненій государственной жизни, ставившихъ государя въ необходимость узнавать мнѣніе народа, получить совѣтъ, обезпечить себѣ строгое исполненіе народомъ тѣхъ условій, которыя будутъ выработаны на соборѣ общими усиліями царя, духовенства, боярства и другихъ сословій, — тѣхъ средствъ, которыя найдены будутъ наиболѣе подходящими, наиболѣе отвѣчающими тому или другому затруднительному положенію государства.

Составными элементами земскаго собора были: царь, боярская дума, „освященный соборъ“ и чины московскаго государства, выборные отъ народа. Собственно „представительства“ въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ это слово на Западѣ, на нашихъ земскихъ соборахъ никогда не было

Наши земскіе соборы въ этомъ отношеніи представляли явленіе своеобразное. Среди всѣхъ „чиновъ московскаго государства“ преобладали служилые люди, а среди городскихъ представителей большинство состояло изъ людей, исполнявшихъ различныя служебныя обязанности, преимущественно финансоваго характера. Отдаленныя мѣстности не имѣли представительства, — что и естественно, если взять во вниманіе обширность государственной территоріи и крайне плохое состояніе путей сообщенія, — а многіе изъ городовъ, имѣвшихъ его, не пользовались своими правами по причинѣ отсутствія безопасныхъ и легко проходимыхъ путей сообщенія и того матеріальнаго ущерба, съ которымъ сопряжено было отправленіе въ Москву выборныхъ и содержаніе ихъ тамъ. При выборахъ не полагалось никакого ценза, кромѣ опытности и нѣкоторыхъ нравственныхъ качествъ („люди смышленные“, „крѣпкіе“, „разумные“, „добрые“, „постоятельные“, которымъ „государевы дѣла за обычай“). Число выборныхъ хотя обыкновенно и указывалось въ призывныхъ грамотахъ, но не было строго опредѣлено для извѣстнаго избирательнаго округа; часто говорилось просто: „сколько пригоже“. Общее число членовъ собора колебалось (отъ 195 до 450). Выборы происходили по классамъ, подъ руководствомъ воеводъ, которымъ однако правительство не позволяло оказывать давленіе на выборы. Выборные получали и везли съ собою въ Москву наказы отъ своихъ избирателей, въ которыхъ послѣдніе излагали свои нужды или свои взгляды на выборъ мѣръ или средствъ, необходимыхъ для дѣла, ради котораго созывался соборъ. Они могли также представлять челобитныя съ просьбами о льготахъ, или объ отмѣнѣ какихъ-либо стѣснительныхъ мѣръ, или съ жалобами на злоупотребленія областной администраціи. Но не надо забывать, что все это носило случайный характеръ: избиратели пользовались *случаемъ*, а не *правомъ*, довести до свѣдѣнія царя о своихъ нуждахъ. Всѣ классы об-

щества имѣли своихъ представителей не на всѣхъ соборахъ. Постоянно созываемы были, кромѣ высшихъ классовъ, только дворяне и дѣти боярскіе. Посадскіе люди провинцій нерѣдко не созывались, ихъ замѣняли торговые и черные люди Москвы. Что касается крестьянъ („уѣздные люди“), то ихъ призывали только два раза: въ 1613 и 1682 г.г., что и понятно при ихъ закрѣпощеніи съ 1597 года. Засѣданіе собора открывалось послѣ торжественнаго богослуженія въ Успенскомъ соборѣ рѣчью царя (иногда ее читалъ дьякъ), въ которой излагались поводы къ созванію собора и ставились вопросы для обсужденія. При обсужденіи вопросовъ соборъ дѣлился на свои составныя части: боярская дума, освященный соборъ, стрѣльцы, московскіе дворяне, собраніе городскихъ дворянъ, собраніе гостей и выборныхъ отъ торговыхъ людей, черныхъ сотенъ *), слободъ и посадовъ.

Каждый разрядъ выборныхъ разсуждалъ отдѣльно и подавалъ свое мнѣніе письменно; для этого къ каждому разряду приставлялся дьякъ. Затѣмъ дѣлался сводъ поданныхъ мнѣній, результатомъ котораго являлось постановленіе земскаго собора, которое должно было быть единогласнымъ (рѣшенія дѣль по большинству голосовъ древняя Русь не знала).

Предметы вѣдомства земскаго собора не были установлены и опредѣлены закономъ, а постепенно укрѣплялись обычаемъ. Наибольшее значеніе имѣлъ соборъ при избраніи царя (напр. при избраніи Бориса Годунова). Въ дѣлахъ внѣшней политики соборъ имѣлъ вліяніе гораздо меньшее. Роль законодательная у собора была совсѣмъ незначительна. Весъ-

*) *Черныя сотни.* Городское торговое населеніе Москвы состояло главнымъ образомъ изъ трехъ разрядовъ: 1) *гости*, 2) *торговые люди гостиничныхъ сотенъ* и 3) *торговые люди черныхъ сотенъ*; къ нимъ принадлежали и ремесленники („дѣльцы“). О первыхъ мы говорили; ко вторымъ относились гости средней руки; третьи могли торговать только тамъ, гдѣ жили и несли различныя мелкія службы по городу и посаду.

ма важное значеніе имѣли соборы въ вопросахъ о наложеніи новыхъ податей, особенно въ затруднительные для правительства моменты. Но самое важное значеніе соборовъ заключалось въ томъ, что черезъ нихъ происходило непосредственное сближеніе царской власти съ народомъ, черезъ нихъ царь имѣлъ полную возможность узнать нужды и желанія народныхъ. Постановленія земскаго собора не были для царя обязательны: онъ могъ поступить каждый разъ по своему усмотрѣнію.

Такъ называемыя „челобитныя“, о которыхъ мы упоминали, часто вели къ изданію узаконеній и распоряженій. Такъ можно объяснить происхожденіе, на примѣръ, такихъ указовъ: „Вѣдомо намъ учинилось, что въ городахъ воеводы и приказные люди всякимъ людямъ чинятъ насильства, и убытки, и продажи *) великія, и посулы (взятки), и кормы емлютъ многіе.“ Царь вслѣдъ за тѣмъ приказываетъ земскимъ людямъ не давать взятокъ воеводамъ, не давать имъ даровой прислуги, не пахать на нихъ пашни и проч.

Въ безгосударное время и въ первую половину царствованія Михаила Феодоровича земскіе соборы принимали постоянное участіе во многихъ частяхъ внутренняго управленія, а нѣкоторые созываемы были именно для установленія внутренняго порядка.

Эпоха упадка земскихъ соборовъ начинается съ царствованія Алексѣя Михайловича. Это и понятно: государство перешло въ порядокъ; случаи затруднительнаго положенія, политическаго или финансоваго, становились все рѣже; правительство настолько окрѣпло, что чувствовало себя способнымъ дѣйствовать вполне самостоятельно, не обращаясь къ народу. При немъ изрѣдка земскіе соборы созывались, но уже ради простой формальности, и наконецъ при Петрѣ I, въ самомъ концѣ XVII вѣка, исторія ихъ оканчивается.

*) Продажи—судебныя пошлины и штрафы.

